

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)

Выпуск 4 (15)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Издается с 2002 г.

Журнал зарегистрирован 22.09.2017 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-71139 от 22.09.2017

ISSN 2500-1523 (print version)

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15

Учредитель: КалМНЦ РАН

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р филол. наук, академик АН Монголии *Л. Болд* (Монголия);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Санкт-Петербург, Россия);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (Москва, Россия);
д-р ист. наук *На. Сүхэбаатар* (Монголия); д-р филол. наук *Таяа* (КНР);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия)

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук *В. В. Куканова* (гл. редактор);
д-р ист. наук, чл.-корр. *С. А. Арутюнов*; д-р филол. наук, д-р ист. наук *А. А. Бурыкин*;
д-р филол. наук *Л. С. Дамтилова*; д-р филол. наук *Б. С. Дугаров*;
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*; д-р филол. наук *В. Л. Кляус*;
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*; д-р ист. наук *К. В. Орлова*;
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*; д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*;
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*; д-р ист. наук *А. Н. Команджеев*;
канд. соц. наук *С. Э. Лиджи-Горяева*; канд. филол. наук *Б. Б. Манджиева*;
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*; д-р филол. наук *В. Н. Мушаев*;
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*; д-р филол. наук *С. М. Трофимова*;
канд. филол. наук *Р. М. Ханинова*; д-р филол. наук *А. Д. Цендина*;
д-р филол. наук *Чао Гету*

Редактор — *Р. Г. Саряева*

Перевод — *С. В. Джагрунов*

Ответственный секретарь — *С. В. Мирзаева*

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:
358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия,

г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: mongoloved@kigiran.com

© Калмыцкий научный центр
Российской академии наук, 2018

© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Бадмаева Е. Н.** Социальные рефлексии крестьянства национальных автономий на Юге России (1920–1930-е гг.) 4
- Сартикова Е. В.** Развитие Хошеутовской партийной организации в 20-е гг. XX в. 36
- Гунаев Е. А.** Акты конституционного значения в системе управления Калмыцкой автономной области (1920–1935 гг.) 50

ЭТНОГРАФИЯ

- Лиджиев А. Б., Ванькаева Е. В.** Животные в приметах монгольских народов 67

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Ряжев А. С., Долеева А. О., Топалова Д. Ю. К. И. Костенков** о традиционном хозяйственном укладе Калмыцкой степи 81

АРХЕОЛОГИЯ

- Очир-Горяева М. А.** Возраст и статус женщины в кочевом обществе: этноархеологический экскурс 108

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Хаджиева Т. М.** Кавказская «Нартиада»: опыт сравнительного исследования 124
- Бичеев Б. А.** О записи песен «Джангара» (Отчет Н. О. Очирова) 143
- Говенько Т. В.** Актуальность и значение идей А. Н. Веселовского в изучении эпоса монгольских народов (К 180-летию со дня рождения) 163

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ханинова Р. М.** Лирика Михаила Хонинова 1939–1941 гг.: стиль и язык эпохи 182

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Мукабенова Ж. А.** Структурно-грамматические особенности употребления сравнительной частицы *-иң* в калмыцком языке: предварительные результаты (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) 196

ИСТОРИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-4-35

Социальные рефлексии крестьянства национальных автономий на Юге России (1920–1930-е гг.)*

National Autonomies of Southern Russia: Social Reflections of Peasant Population (1920–1930s)

*Е. Н. Бадмаева (E. Badmaeva)*¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc), Associate Professor, Leading Research Associate, Department of History, Ethnology and Archaeology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Аннотация. История повседневности в современной отечественной историографии, в особенности повседневности крестьянства, занимает особое место. В течение длительного времени крестьянство составляло большинство населения страны, в том числе на Юге России. В настоящей статье ставится задача исследовать социальный протест крестьян национальных автономий Юга России в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: повседневность, национальные автономии, Юг России, крестьянство, социальный протест

Abstract. Modern domestic historiography pays special attention to the history of everyday life, and especially that of peasantry. Peasants constituted the bulk of the

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации: АААА-А17-117030910096-7).

country's population, including in Southern Russia, for quite a long time. The article aims to investigate social contexts of peasants in national autonomies of Southern Russia in 1920–1930s.

Keywords: everyday life, national autonomies, Southern Russia, peasantry, social protest

Тема социального протеста российского крестьянства в 1920–1930-е гг. представляет большой научный интерес. Данная проблематика рассматривалась на российском материале в исследованиях российских и зарубежных ученых [Казиев, Карпиев 2003; Кринко, Тажидинова, Хлынина 2011; Бадмаева 2012; Мартин 2011; Грациози 2001; Холмс 1993; Уиткрофт 1991].

Менее всего изучена социальная рефлексия южнороссийского крестьянства на общественно-политические и социально-экономические мероприятия советской власти. Между тем, на Юге России, в частности в национальных автономиях региона, в указанные нами десятилетия наблюдается череда протестных социальных выступлений крестьян, обозначенных в советской историографии как контрреволюционные, кулацкие или «кулацко-мульские» (на Северном Кавказе) выступления [Разгон 1941; Овчинникова 1972; Козлов 1977].

С 2000-х гг. отечественная историография стала трактовать крестьянские волнения как следствие недовольства сельскими жителями форсированными социалистическими преобразованиями: ускоренной коллективизацией, жесткой хлебозаготовкой и, соответственно, репрессивными мерами против крестьянства [Айшаев 2011; Жупикова 2008; Марченко 2003; Эльбуздукаева 2015; Бадмаева 2003].

В данной статье нами предпринята попытка дать объективную оценку протестным выступлениям крестьян автономных образований Юга России, которая, как нам представляется, дополнит общую картину непростых взаимоотношений советской власти и крестьянства.

В первые послеоктябрьские десятилетия Юг России являл собой, как и сегодня, наиболее многосложный в этническом, языковом и религиозном отношениях макрорегион. Этносы, прожи-

вавшие в южнороссийском регионе, объединяла определенная общность социально-экономических, политических и исторических условий, в то же время они отличались своеобразием и различиями в культуре и социальной психологии, обусловленными их историческим развитием.

Менталитет и образ жизни крестьян, их политическое настроение в послереволюционные годы, восприятие и отношение к происходящим событиям и мероприятиям советской власти во многом определялись религиозным сознанием. В 1920–1930-е гг. воздействие ислама и религиозных деятелей на жизнедеятельность и морально-нравственную атмосферу в северокавказских национальных автономиях оставалось определяющим. Неслучайно повстанческое движение и протестные выступления крестьян на Северном Кавказе отмечены активным участием в них религиозных деятелей, которые считали необходимым защищать исламские ценности.

Религиозность крестьян в Калмыкии в 1920-е гг. являлась мощной духовной скрепой для населения. Религиозные верования калмыков, по словам Т. Е. Тюмидовой, «сформировали его ментальность, уникальную систему особого этнософского мировоззрения» [Тюмидова 2013: 155]. Действительно, исторически буддизм повлиял на формирование менталитета калмыков, в котором сочетались суровость, воинственность (объективно обусловленные жестким кочевым образом жизни, непрерывным участием в конфликтах и войнах, связанных с борьбой за территорию, и т. д.) и терпимость, миролюбие, доброжелательность, созерцательное (философское) отношение к жизни.

Крестьянство Юга России, большей частью консервативное, всегда болезненно и настороженно воспринимало трансформационные изменения издавна сформировавшихся социальных отношений и с трудом поддавалось внешним воздействиям со стороны властей. Этим отчасти можно объяснить отрицательную реакцию крестьян на аграрные преобразования в царской России. Но большевикам удалось обмануть крестьянство, которому импортировали лозунги большевиков о раздаче земли крестьянам, социальном равенстве, счастливой жизни без эксплуататоров. Все это на самом деле оказалось иллюзией.

На Северном Кавказе неразрешенность земельного вопроса приводила к обострению ситуации в регионе и межнациональным конфликтам. Конфискационные и репрессивные мероприятия власти в процессе насильственной реквизиции у сельского населения продовольствия вызвали первый подъем антибольшевистского крестьянского движения в регионе. Крестьяне были недовольны непрерывными продразверстками, решительным запрещением торговли, всеобщей трудовой повинностью и пр. Неправомерные действия со стороны отдельных местных руководителей и чрезвычайных органов приводили к накоплению раздражения и озлобленности у населения, породили у крестьян Северного Кавказа социальную агрессию и гражданское неповиновение.

Агрессивное изъятие продовольствия, начатое советским государством в конце мая – начале июня 1918 г., привело к разжиганию гражданской войны в северокавказской деревне, вызвало мощное повстанческое движение против советской власти, в особенности после очищения территории региона от армии А. Деникина. Поначалу повстанческое движение Кабарды, Балкарии, Чечни и Ингушетии носило ярко выраженный освободительный и националистический характер [Туаева, Хубулова 2007: 69].

Лидеры оппозиционных группировок призывали население к борьбе за восстановление «исторической справедливости» «порабощенных» народов Северного Кавказа. Повстанческие отряды возглавлялись в основном представителями духовенства. Летом 1919 г. в Чечне и Дагестане возникает Северо-Кавказский эмират (монархия) со столицей Ведено под руководством известного и влиятельного лидера мусульманского духовенства Узун-Хаджи Салтинского, объявившего себя ярым противником А. И. Деникина. У-Х. Салтинский, являясь ярим религиозным фанатиком и не имея светского образования, обладал природным умом, был прекрасным оратором, отлично разбирался в вопросах теологии, «много говорил и спорил по вопросам ислама и хотел всегда выглядеть сильным в этих вопросах. По своему образу жизни и нравам по сравнению с Нажмутдином Гоцинским был настоящий горец, близкий душе темных горских бедняцких масс» [Узун-Хаджи ... 2017: 52]. Он искренне считал, что объединит под сво-

им флагом все мусульманское население Юга России. Большевики, учитывая мощный авторитет Узун-Хаджи среди местного населения, стали активно сотрудничать с ним, некоторые члены партии даже входили в состав правительства Эмирата и занимали ответственные посты. Большевикам на тот момент был выгоден союз с популярным и влиятельным религиозным деятелем. Кавказский краевой комитет большевистской партии, характеризуя Узун-Хаджи Салтинского, в сентябре 1919 г. сообщает в центр: «В Чечне Узун-Хаджи, упорно сражавшийся с Советской властью в 1918 г., ныне, начиная с июня 1919 года, также упорно сражается с добровольцами» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 588. Л. 33]. Его отряды боролись не только с деникинцами, с большевиками, но и с теми аулами, которые признавали новую власть. В марте 1920 г. после кончины Узун-Хаджи созданный им Эмират прекратил свое существование, тем не менее мусульманское духовенство по-прежнему продолжало активно влиять на общественно-политическую обстановку на Северном Кавказе и, как покажут дальнейшие события, было способно продолжить и возглавить протестное движение в своих регионах. О силе влияния и роли духовенства в северокавказском обществе свидетельствует существование в это время «народно-шариатских» судов одновременно и наряду с революционными трибуналами и ВЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В тот период позиции советской власти на территории были еще достаточно слабы и зачастую носили чисто формальный характер. Советская власть не пользовалась достаточным авторитетом у населения национальных автономий Северного Кавказа.

Слабость советской власти, нестабильной обстановкой в регионе, недовольством крестьян своей трудной повседневной жизнью умело пользовались националистические силы и влиятельные деятели мусульманского духовенства, являвшиеся организаторами повстанческих выступлений, число которых в разные годы то увеличивалось, то уменьшалось.

Наивысшего подъема повстанческое движение на Северном Кавказе достигло в июле–октябре 1920 г., когда в нем приняло участие около 40 тыс. чел. Одним из крупномасштабных анти-

советских выступлений «с ярко выраженной политическо-авантюристической окраской» стало организованное внуком имама Шамиля Саид-Беем Нажмутдином Гоцинским (Гацинским) восстание, вспыхнувшее в Дагестане и нагорной части Чечни в сентябре 1920 г. В числе основных требований выдвигались лозунги: «ликвидация Советской власти и предоставление автономного управления на принципах шариата». Повстанцам удалось полностью уничтожить советско-партийное руководство в Веденском, Ножай-Юртовском и Саяновском районах Чечни. Активные и эффективные действия бандформирований способствовали притоку в отряд протестующих крестьян, и уже к весне 1921 г. боевое формирование Гоцинского насчитывало более 10 тыс. чел. Для подавления столь масштабного мятежа специально была создана Терско-Дагестанская армия. Части 14, 32, 33-й стрелковых дивизий, 18-й кавалерийской дивизии, отдельной московской бригады курсантов, два бронеотряда и разведывательный авиаотряд участвовали в уничтожении бандформирований, в общей сложности использовалось около 20 тыс. пехоты, 3 400 кавалерии, 67 орудий, 8 броневедомостей и 6 самолетов [Эльбздукаева 2015: 17].

В этот период в Кабардино-Балкарии также наблюдается приток сельских жителей в повстанческие отряды. Данная тенденция вызывала особую тревогу у местных органов власти. В одном из донесений того времени сообщалось: «Нет уверенности, что мы навсегда и бесповоротно утвердились здесь <...> Станицы и аулы после реквизиции вооружаются и уходят в горы» [Хубулова 2001: 457].

О повстанческих настроениях крестьян член Нальчикского окружного исполкома, заведующий земельным отделом З. Мидов в своей докладной записке писал, что в селах, «бывших имениях Хомкова, Сармаково, Ашабово, Куба, Каменноосткое замечается полное отсутствие советской власти, не проводятся в жизнь декреты советской власти, грабежи и разбои среди белого дня стали обычным явлением. Бандитизм в этих селах дошел до небывалых размеров <...> стремительный рост антибольшевистских сил <...> за последние две недели более 150 человек ушло в повстанческие отряды» [За власть Советов 1957: 266].

Власть не нашла иного выхода, как усилить репрессии против сельских жителей, проводить аресты крестьян с обвинением в антисоветской деятельности. О росте числа арестантов свидетельствует приказ Терского облисполкома от 30 октября 1920 г. о создании в округах специальных комиссий для разгрузки мест заключения. В начале ноября такая комиссия в составе из 5 человек была создана в Нальчикском округе. Членам комиссии предлагалось «немедленно приступить к работам и завершить их не позже недельного срока» [За власть Советов 1957: 267].

Число антиправительственных выступлений на Северном Кавказе возросло в связи с активизацией сбора продразверстки. СНК Горской АССР в 1921 г. информировал федеральный центр о настроении сельского населения в отношении сбора налогов: «Настроение крестьян колеблется от выжидательного до крайне обостренного <...> на Северном Кавказе проводят разверстку воинские части и Комиссариат продовольствия» [Власть и крестьянство 2005: 91].

Осуществление местными властями хлебозаготовок с привлечением воинских подразделений вызвало агрессию со стороны крестьян Шатоевского района Чечни и усугубило нестабильную обстановку в чеченских аулах. Из сводки Веденской окружной ГПУ от 1 февраля 1921 г. под грифом «секретно» стало известно, что «в чеченских селениях местными контрреволюционерами производится мобилизация населения <...> во главе стоит Магомет-Хаджи, житель сел. Хилой, старик преклонных лет <...> Лозунг контрреволюционеров: „Мы должны выгнать из Чечни и Тавун всех солдат“. Во главе дагестанских повстанцев стоит Саид-Бек, к которому отправились с докладом представители Чечни из сел. Чапрай, хотят получить приказ, после чего один из них должен вернуться для организации отряда в селениях Дышин, Веден, а оттуда объехать все пограничные аулы — четыре участка Шатоевского района <...> В Хилое и Ракодое усиливается контрреволюционное брожение населения <...> Повстанцы предлагают сделать одновременное наступление на Нешато и Ведено. Беднейшее население Чечни в пограничной полосе продает оружие тавлинам (народность Дагестана) или обменивает на товары» [РГАСПИ. Ф.64. Оп. 1. Д. 117. Л. 86].

Социальное противостояние крестьянства и власти набирало силу, и ситуация в Чечне накалялась и становилась критической. Тем не менее власти требовали принудительного взыскания единого сельскохозяйственного налога с крестьянства: «Если в установленный срок налог не уплачен, то на недополученную часть исчисляется пеня в размере 0,2 % за каждый день просрочки, и помимо того к неплательщикам применяются установленные меры принудительного взыскания» [Власть и крестьянство 2005: 23]. В случае, если власть считала, что крестьянин умышленно уклоняется от хлебаготовок и скрывает хлеб, то по отношению к виновному предлагалось применять статью 107 УК РСФСР, предусматривавшую лишение свободы с полной конфискацией имущества.

В отличие от регионов Северного Кавказа, где борьба против советской власти началась практически со дня её установления, так называемый политический бандитизм в Калмыцкой автономной области (далее — КАО) возник в 1921 г. В степном регионе его представляли малочисленные и разрозненные группировки антибольшевистских сил, оставшиеся на территории после Гражданской войны. Их «движущей силой была ненависть к советской власти, а основной задачей — дестабилизация общества. Бандитские формирования, возглавляемые ярими врагами» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 58] новой власти, бывшими зайсангами (князьями) и бывшими кадетами, атаманами, хорунжими: О. Босхомджиевым, бывшим кадетом, окружным атаманом Малодербетовского улуса; Корниловым, племянником генерала Л. Корнилова; О. Шануновым, бывшим хорунжим, выходцем из зайсангов, выступали под лозунгом «За свободные Советы!», «За победу настоящей революции!» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 2. Л. 220; Д. 5. Л. 58–59; Д. 8. Л. 89].

Если в автономиях Северного Кавказа руководителями и вдохновителями крестьянских восстаний были преимущественно религиозные деятели, то в Калмыкии духовенство занимало в целом выжидательную позицию и не участвовало в повстанческом движении. По своему социальному составу повстанческие отряды состояли в основном из бывших офицеров и помещиков, но находи-

ли там свое убежище и обиженные советской властью зажиточные крестьяне и даже бедняки.

Основными причинами участия представителей беднейшего и среднего крестьянства в незаконных бандитских формированиях стали совершенное разорение крестьянских хозяйств, полнейшая безысходность и пр. По мере укрепления советской власти политические бандформирования на территории калмыцкой степи постепенно утрачивали свое, условно скажем, политическое назначение и превращались в чисто разбойничью группу бандитов.

Дискредитировали советскую власть неправовые действия бойцов Красной армии, направленных Астраханским губисполкомом в улусы и хотоны Калмыкии для подавления крестьянских волнений, поимки дезертиров и повстанцев из числа крестьян. Так, карательные отряды под руководством Самсонова, Горностаева, Черкасова, Матвеева «попутно» изымали у населения продукты питания, скот, теплые вещи, серебряные пояса, серьги и другие ценности. Нередки были случаи, когда советские войсковые части реквизируют у крестьян последний семенной хлеб. Так, в голодном 1921 г. в Элисте было реквизировано 57 пудов зерна, в Ремонтном — 30 пудов зерна и 1 500 пудов сена [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 8. Л. 8].

Политический и уголовный бандитизм серьезно осложнял общественно-политическую ситуацию в первые послеоктябрьские годы в Чечне, Ингушетии, Кабарде и Балкарии и представлял большую угрозу новому строю. Советское государство пыталось ослабить повстанческое движение в регионе и в декабре 1922 г. приняло специальное решение экономического характера по Чечне: «Производить отчисления нефтью исключительно в пользу автономной Чеченской области — как специальный фонд для ликвидации бандитизма. Определить отчисление в размере 150 тыс. пудов нефти ежемесячно» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 56].

В северокавказских автономиях властям приходилось быть более корректными во взаимоотношениях с крестьянством и осторожными в принятии своих решений. Проведение любых общественно-политических и социально-экономических акций в силу

особого горского менталитета могло привести к взрывоопасной ситуации: «Настроение крестьян, особенно округов, в связи с начавшейся продкампанией и с проведением трудгужналаго неудовлетворительное. Наблюдались случаи убийства продинспекторов в Назранском округе» [Хубулова 2001: 263].

Среди повстанческих отрядов, действовавших на Северном Кавказе, самыми многочисленными и боеспособными были бандформирования, укрывавшиеся в горных районах. Там, вдали от равнинных мест, где установилась советская власть, при большом скоплении местных жителей, проводились оппозиционные сходки, проходили агитационные мероприятия по пополнению боевых отрядов: «В первых числах июня (1923 г. — *Е. Б.*) в Шатоевской крепости на одной из вершин хребта собралось 12 тыс. чел. обоого пола, справляющих поминки по умершей в Турции дочери одного из самых влиятельных чеченских шейхов. Такие сборища служат прекрасной почвой для распространения по Чечне слухов и собирания антисоветских элементов» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 10].

В активизации действий повстанческих отрядов наблюдалась определенная сезонная закономерность. Например, в зимний период количество бандитских формирований на Северном Кавказе уменьшалось, не превышая 20 единиц, в калмыцких степях наблюдалась такая же тенденция. С наступлением весны обычно происходило оживление выступлений бандформирований. Как об устоявшейся закономерности, обусловленной природными условиями, сообщалось в одном из донесений властей Терской области: «Бандитские шайки с началом теплых весенних дней снова сгруппируются и начнут свою разрушительную работу» [Органы ... 2007: 116]. В связи с предстоявшей активизацией повстанческого движения власти принимали «самые решительные и беспощадные меры» против вооружённых отрядов. Среди таких мер можно назвать объявление военного положения на всей территории Кабарды в составе 4-х округов для борьбы с бандитизмом [Органы ... 2007: 128].

На расширении повстанческого движения, безусловно, сказались последствия голода в южнороссийском регионе в 1921–

1922 г., вызвавшие приток новых сил в антисоветские бандитские формирования. Руководители КАО видели первопричину выступлений калмыцкого крестьянства в небывалой послевоенной разрухе и голодном бедствии и считали главным рычагом решения проблемы экономическое возрождение области. Так, член ЦИКА А. Амур-Санан за три недели до перехода к нэпу на I учредительной Калмыцкой областной партийной конференции в феврале 1921 г. говорил об этом совершенно определенно, в чем-то предвосхищая доклад В. И. Ленина о переходе к нэпу [Бадмаева 2003: 157].

В Калмыцкой автономной области с практическим введением нэпа в 1923 г. и признанием права собственности крестьянина на производимый продукт, крестьянские волнения постепенно пошли на убыль. На Северном Кавказе местным населением проведение нэпа было воспринято неоднозначно, особенно сложные отношения между властью и крестьянами возникли в период позднего формирования «нэповских отношений», когда продразверстки сохранялись наряду со сбором продналога.

Как свидетельствуют архивные источники, «в Шатоевском и Веденском районах население сдает налог только благодаря применению репрессий <...> по сведениям среди чеченцев Шатоевского и Веденского районов подготавливается восстание <...> „Что это за государство, берет такой большой налог, на что нам нужно такое государство, ни черта мы не дадим налога“ <...> голодающих насчитывается 78 тыс. чел. Голодная смертность увеличилась до 66 %. Отмечены холерные заболевания» [Советская деревня 1998: 556]. На сходках крестьяне даже в присутствии представителей власти открыто возмущались политикой советской власти, что приводило к росту антигосударственных, антисоветских и антибольшевистских выступлений, восстаний и мятежей.

Для решения главной задачи — экспроприации хлеба — государство стало еще больше применять силовые методы воздействия, возродив для этих целей институты революционных комитетов и наделив их чрезвычайными полномочиями. Использование военной силы, чрезвычайных мер при сборе продналога вызвало социальный протест крестьянства на Северном Кавказе. Все чаще

крестьяне стали примыкать к бандформированиям, численность которых постоянно увеличивалась. Властями были официально зафиксированы банды из числа крестьян, орудовавших на территории различных уездов: «В Моздокском уезде действует банда Овчинникова в 300 сабель. В Кизлярском уезде оперирует банда Коняра в 600 сабель. Во Владикавказском районе оперируют банды общей численностью в 300 сабель, занимающиеся грабежами» [Советская деревня 1998: 533].

В Калмыкии в этот период также отмечено появление уголовных шак. Голод толкал крестьян на угон, кражу продовольствия и скота (в особенности лошадей). Члены бандгруппы, скрываясь в безлюдной степи или уходя от преследования в соседние губернии, пускали ворованный скот на пропитание, пополнение своего хозяйства, а породистых скакунов и рабочих лошадей сбывали по сходной цене. Отдаленность от населенных пунктов, отсутствие средств связи, слабая работа милиции и органов власти создавали благоприятные условия для совершения преступных деяний.

В калмыцких степях функционировали мелкие уголовные группировки: Муды Будаева, действовавшая в с. Цаган-Нур; Бовы Тегусова, Гаря Мучкаева; Скороходова из Донской области; группа Очирова, совершавшая налеты на Ремонтненский уезд и скрывавшаяся в балке Дунду-хурул, восточнее села Заветное; группа Нохана Шоро и Кости Бондаренко из Эркетеневого улуса. Бандформирование Кюки Манкирова в течение нескольких лет грабило и держало в страхе население Багацохуровского улуса, Дорджи Цекиров со своей командой совершал нападения на Баруновский аймак [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 5. Л. 172; Д. 14. Л. 177, 137, 139, 199; Д. 8. Л. 7; Д. 15. Л. 40]. Уголовные шайки не ставили перед собой политических целей: они решали проблемы собственного выживания. На территории КАО действовали не только местные бандформирования, но и бандитские отряды из соседних регионов, например Намина Барова из Наурской станицы Терской области.

Местная власть в Калмыкии уделяла большое внимание борьбе с бандитизмом. Президиумом ЦИК КАО «за время с III по IV общекалмыцкий съезды в 1922 г. с июня по декабрь проведено 11 заседаний по вопросам, связанным с бандитизмом; в 1923 г. с

января по сентябрь — 7 заседаний» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 389. Л. 50]. Она всеми силами старалась бороться с действовавшими на территории уголовными шайками. Так, председатель калмыцкого облисполкома А. Чапчаев информировал Северо-Кавказский военный округ о проблемах борьбы с бандитизмом и просил разрешения на формирование добровольных отрядов до окончательной ликвидации бандитизма [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 8. Л. 8]. Ответ пришел за подписью заместителя командующего СКВО С. М. Буденного: «Категорически воспреещаю формирование крестьянских отрядов на борьбу с бандами, ведя таковую отрядами милиции, ЧОН и другими официальными частями, имевшимися в вашем распоряжении. Все существующие до сего времени партизанские отряды немедленно расформировать» [Маслов 1970: 63].

В Калмыкии от бандитских нападений особенно страдали скотоводческие хозяйства. Постепенно крестьянин понимал, что «главное зло в уменьшении крупного рогатого скота заключается в бандитизме. Вначале гражданская война, затем местные банды, приходящие из Дона, Воронежа, Тамбова, а также из соседних регионов, окончательно разорили их хозяйства» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 389. Л. 50].

Власти активно проводили политические и репрессивные мероприятия среди крестьянства Юга России. Военские подразделения проводили на Северном Кавказе и в Калмыкии, выражаясь современным языком, «зачистки» в горных и степных селениях, аулах и хотонах, в результате которых страдало гражданское население. Убийство советских работников и коммунистов жестоко каралось местными органами НКВД. Оперативная деятельность ЧОНов, частей Красной армии в борьбе с бандитизмом, конфискация бандитского имущества и ее распределение среди неимущих крестьян, такие решительные меры в северокавказских территориях, как взятие в заложники родственников, привели к уменьшению, правда, незначительному, действовавших бандформирований. Но большинство их членов вынуждены были сложить оружие из-за безвыходности своего положения. Местное население не оказывало разбойничьим группам поддержку, за исключением близких родственников.

Советские органы власти, одновременно с применением карательных мер, использовали методы убеждения, проводили разъяснительную работу среди населения, склоняя участников подпольных отрядов к возвращению в мирную жизнь. В мае 1921 г. правительство Горской республики обратилось с воззванием к восставшему населению. Тем, кто добровольно сложит или уже сложил оружие, руководство ГАССР гарантировало полную безопасность. Подобные акции проходили повсеместно во всех национальных автономиях, на территории которых орудовали бандитские отряды. Например, в Калмыцкой автономной области, кроме воззваний, издавались листовки, еженедельно в улусах проводились разъяснительные собрания среди населения. В степном регионе эффективным оказался такой шаг, как «неделя добровольной явки бандитов» [Бадмаева 2003: 162], приведший к оттоку повстанцев из бандформирований, число которых в Калмыцкой степи становилось незначительным. Однако к весне 1924 г., как явствует из закрытого письма секретаря Калмыцкого обкома РКП(б) Т. Борисова в секретариат ЦК РКП(б), вновь наблюдается образование пяти местных бандитских шаек: Киселева, Руденко, Черномазова, Озон Очаева и Саныр Ахмаева (количество — от 5 до 25 чел.), но «налетают русские бандиты из соседних губерний — Донской области и Ставропольской губернии. Зачастую уголовный бандитизм переходит в политический: убивают ответственных работников и спрашивают коммунистов» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 720. Л. 1].

На Северном Кавказе, в особенности в Чечне, в 1923–1924-х гг. вновь наблюдается рост массового недовольства населения политикой советской власти, возрастание повстанческого сопротивления. Об этом свидетельствует «Докладная записка по Чечне» начальника Восточного отдела ПП ГПУ Юго-Востока Ю. В. Миронова, направленная в мае 1923 г. на имя начальника Восточного отдела ГПУ Я. Х. Петерса. В ней Ю. В. Миронов дает подробный анализ политического состояния в Чечне, отмечает активный рост негативных тенденций: «Состояние Чечни на сегодняшний день можно назвать таким: анархия, неудержимый рост шариятских течений, подготовка к началу активных действий и отсутствие со-

ветских аппаратов на местах. Это видно из усиления роста бандитизма, роста религиозности, доходящей до состояния экстаза, что видно из выполнения ночного танца „зюкри“, наличие шариатских отрядов, судов и требование меджелиса, объединения, состоявшегося между шейхами Гоцинским, Али Митаевым, Ансалтинским и Белоходжи, образовавших своего рода „Высший Шариатский Совет“ на почве борьбы с Советской властью за религию означает подготовку к активным вооруженным выступлениям» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 3–4].

Усиливавшееся недовольство крестьянства незамедлительно использовалось политическими и религиозными деятелями. Большевики на местах стремились любой ценой сбить накал сопротивления с крестьянством и завоевать доверие чеченцев любой ценой. Так, например, Юго-Восточное бюро ЦК приняло беспрецедентное решение сотрудничать с авторитетным шейхом Али Митаевым, использовать его кипучую деятельность и огромный авторитет среди населения во благо укрепления чеченской автономии. Шейх Али Митаев на тот момент являлся ярким оппонентом советской власти и организовал многочисленный повстанческий отряд, состоявший из более 12 тыс. мюридов. Повстанцы выдвинули политический лозунг «За создание независимой шариатской республики». Отряд физически уничтожал институты действующей власти по всей Чечне и Ингушетии. Али Митаев привлекал в органы милиции и ГПУ своих людей, обучал их военному делу. Отделы вышеназванных правоохранительных органов становились фактически центрами сбора боевиков ислама, средоточием оружия и боеприпасов мюридов. А. Митаев умел приспособляться к быстро меняющейся политической ситуации, порой проявляя элементы политического конформизма. Так, из яркого оппонента советской власти буквально через год он превратился в официального советского чиновника, став членом чеченского ревкома. Политическая трансформация Али Митаева была обусловлена практической целесообразностью и главной целью — упрощением шариатских норм в чеченском социуме.

Но и советская власть умела подыгрывать своим оппонентам, использовать выгодные для себя тактические пути. Однако

в 1925 г. тактическое сотрудничество власти с этим известным на Северном Кавказе национальным и религиозным деятелем, одним из самых главных идеологов чеченского повстанческого движения, закончилось. Карательные отряды во главе с полномочным представителем ОГПУ на Северном Кавказе, одним из известных специалистов по ликвидации антисоветских и уголовных банд Е. Г. Евдокимовым, арестовали А. Митаева, и в последующем он был расстрелян.

Надо отметить, что с приходом на Северный Кавказ Е. Г. Евдокимова в июне 1923 г. тактика борьбы с повстанцами резко изменилась. Полпред ГПУ по Юго-Востоку России, не будучи тонким психологом, уповал только на силовое решение вопроса с повстанческим движением на Северном Кавказе. В этом и заключалась его тактическая ошибка. Он не учитывал национальных особенностей горцев, до конца не вник в патриархальный образ жизни горского народа с его писаными и неписаными законами, традициями кровной мести и абречества, не пытался найти взаимопонимание с мусульманским духовенством и старейшинами, пользовавшимися на Северном Кавказе огромным авторитетом и слово которых имело решающее влияние на горское население. С ними Е. Г. Евдокимов не считал нужным вести диалог в форме мирных переговоров, не пробовал определить наболевшие точки крестьянского сопротивления.

Военные и правоохранительные органы провели ряд операций по подавлению открытых выступлений крестьян региона. Особенно широкомасштабной была операция по разоружению местного населения войсками Северо-Кавказского военного округа (СКВО) и спецслужбами (ОГПУ) в августе 1925 г. в соответствии с постановлением ЦК РКП(б). В Ингушетии, Чечне, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии процесс так называемой «зачистки» проходил в особо жестких условиях и по заранее установленному плану действий. Вначале запланированный к разоружению аул плотным кольцом окружали войска и отряды ОГПУ, лишая жителей возможности выйти из окружения. Далее в аул заезжали представители Чеченского ЦИКа, сотрудники ОГПУ, военного командования и оглашали на аульном

сходе распоряжение правительства о добровольной сдаче всего имеющегося у горцев оружия. Для сдачи оружия устанавливался срок, — как правило, не более двух часов. Сельские жители и находившиеся среди них повстанцы получали предупреждение о персональной ответственности за невыполнение выдвинутых требований. Если имевшееся на руках оружие вовремя не сдавалось, по истечении установленного срока открывался артиллерийский и пулеметный огонь, который продолжался в течение 10 мин. Далее, по отработанной схеме, вновь приезжала комиссия и оглашала очередной приказ, а если и после этого крестьяне отказывались сдавать оружие, то в селение входили воинские части и отряды ОГПУ, начинался «...поголовный обыск и изъятие бандитских элементов», и органы власти дополнительно проводили изъятие «порочного и бандитского элемента» [Аптекарь 1995: 44]. Ожесточенное сопротивление карательным отрядам оказало население аулов и селений Дай, Тагир-Хой, Акки, Боуги, Ошни, Химой, Нижелой, Рагехой, Урус-Мартан, Ножай-Юрт и др. Особенно упорно сопротивлялись жители аула Зумсой (родина одного из главных командиров повстанческого движения в Чечне Атаби Шамилева). Горцы для обороны своего села продали личный скот и приобрели оружие, но властям удалось сломить их сопротивление. Всего в ходе спецопераций против повстанцев воздушной бомбардировке подверглись 16 аулов, ружейно-пулеметному и артиллерийскому обстрелу — 101 из 242 аулов. Во время обстрелов погибло 6 и ранено 30 чел., убито 12 бандитов, разрушено 119 домов [Лашков 2001: 12].

В общей сложности в операции было задействовано 4 500 пехотинцев, более 2 000 кавалеристов, вооружение которых составляло около 250 станковых и ручных пулеметов, свыше десятка горных орудий, а также 10 единиц легкого орудия. Войска имели бронепоезд, 16 самолетов. Было обезврежено более 300 бандитов, у населения изъято около 25 тыс. винтовок, более 4 тыс. револьверов, один пулемет и свыше 80 тыс. патронов. Повстанческий отряд Н. Гоцинского, насчитывавший свыше 15 тыс. чел., потерпел сокрушительное поражение и был практически разгромлен. Сам Н. Гоцинский был арестован и приговорен к расстрелу [Лашков

2001: 13]. Чекистами было задержано 13 повстанческих командиров, в том числе Чапа Аджоколаев, Абдул Меджи Эстемиров, шейхи Эмин Ансалтинский и Бело Хаджи², бывший наиб Гоцинского Мажид Гебертоев [Сталин дал ... 1995: 148]. Атаби Шамилеву удалось скрыться. Его захватили лишь в сентябре 1925 г. бойцы «Первого Революционного боевого отряда Чеченской области» под командованием Джу Акаева.

Были ликвидированы еще 16 бандформирований, более мелких по численности, — банда Яковлева в районе станицы Змейской в Северной Осетии, банда Даурбокова и Евлоева в Ингушетии, небольшое по численности бандформирование Шипшева, орудовавшего в районе Агулуки в Ингушетии, ряд бандитских группировок в Акинском и Терском районах Ингушетии, политбанда Али Шабанова с руководителем Шейха Гаджи Кучримского, контрреволюционные группы в районе Зубутль Хасавюртовского округа, в Аварском и Лакском округах и другие [Очерки истории 1972: 114].

В связи с ликвидацией ряда повстанческих отрядов в регионах Северного Кавказа некоторые высокопоставленные сотрудники ОГПУ получили государственные награды. Среди них — полпред ГПУ по Юго-Востоку России Е. Г. Евдокимов. Однако военными операциями удалось лишь на время умиротворить недовольных советским режимом крестьян, ликвидировать или рассеять бандформирования на более мелкие отряды повстанцев. Полностью разоружить основную массу повстанцев не удалось. Заметим, что повторно провести спецоперации по изъятию оружия у местного населения удалось лишь в 1929–1930-х гг.

Карательные меры в отношении повстанцев и мирных граждан вызвали еще большее озлобление в крестьянской среде, широкий всплеск народных волнений и создали нездоровое политическое настроение среди большей части горского населения Чечни, Ингушетии, Кабарды и Балкарии. Участились массовые погромы советских учреждений в аулах и селениях; вооруженные нападения на руководителей и представителей органов власти; поджоги избирательных участков. Крестьяне открыто игнорировали выборы в советы, отказывались выплачивать налоги и пр.

² Так в источнике.

В целом в годы нэпа нездоровая обстановка в регионе продолжала сохраняться и сельское население негативно воспринимало все новые начинания властей, в особенности, хлебозаготовки, мясозаготовки, массовое раскулачивание, коллективизацию. Так, например, уполномоченные из вышестоящих органов власти, прибывшие в Чечню и Ингушетию, стали спешно проводить коллективизацию сельского хозяйства, насильно принуждать крестьян вступать в колхозы, не учитывая сложной религиозной, социальной ситуации в регионе, тейпово-клановой структуры чечено-ингушского общества.

Неэффективные действия советских органов при проведении этих мероприятий позволили сторонникам силового свержения советской власти в 1929 г. вновь поднять недовольных крестьян на вооруженные выступления в равнинных частях Чечни и Ингушетии. Обладая родовой сплоченностью и взрывной эмоциональностью, крестьяне в ответ на неправомочные действия властей реагировали решительно и жестко.

В Чечне эпицентром волнений стали села Гойты и Шали. Одним из руководителей восставших стал Шита Истамулов, в прошлом член правительства, министр. Повстанцы, уничтожив ряд ссыпных пунктов и арестовав местное начальство, создали временное правительство и выдвинули ряд политических и экономических требований. Властям предлагалось в качестве неотложных мер отменить продналог, полностью заменить нерадивых руководителей органов власти на старейшин чеченских тейпов. Протестное настроение крестьян приобрело особый драматизм и яростный накал, с чем вынуждены были согласиться советские власти: «Непрекращающиеся факты перегибов и искривлений продолжают отмечаться как в отстающих округах, так и в тех, которые близки к полному выполнению плана» [Трагедия 2000: 90]. Власти, на словах признавая свои ошибки, не пытались смягчить нездоровую обстановку среди крестьян и продолжали принудительную коллективизацию. Они зачастую не хотели учитывать и не учитывали местные специфические национальные нормы и традиции. Так, в селе Дарго власти решили завести ферму по выращиванию свиней. Непродуманное решение вызвало ярко выраженную агрессию

у крестьян-мусульман Чечни. В итоге местные жители убили всех свиней [Марченко 2003: 135].

В связи с продолжавшимся давлением на крестьянство автономии главы вооруженных формирований выдвинули новые требования: прекратить незаконную конфискацию крестьянских имуществ; остановить неправомерные аресты крестьян, женщин и детей; отозвать из всех районов Чечни начальников ГПУ, назначив на их место выборных гражданских чинов из самих чеченцев с правом преследования лишь уголовных элементов; восстановить институт шариатских судов; прекратить вмешательство центральных властей во внутренние дела Чеченской автономной области и «все хозяйственно-политические мероприятия <...> проводить только по решению съезда местных выборных представителей» [Авторханов 1991: 10].

Заявления такого характера говорили о притязаниях повстанцев на еще большую автономизацию территории. И все же власть вынуждена была пойти на некоторые уступки и определенные цессии в политическом плане. На государственном уровне колхозное движение в Чечне и Ингушетии было приостановлено, колхозы были отменены, и всем горским крестьянам было рекомендовано заняться организацией ТОЗов (товарищества по совместной обработке земли), поскольку такой тип хозяйствования был более приемлем для кавказских народов, поддерживающих тесные родовые отношения и тяготеющих к ним.

Власти официально выступили с воззванием к восставшим, и тем, кто добровольно сложит оружие, была обещана свобода, т. е. амнистия. Показательно был отстранен от своих должностей ряд чеченских партийных работников, отозваны советские войска и завезены в большом количестве промышленные товары по более низким ценам. Объявлена амнистия всем участникам сопротивления. Шита Истамулов, лидер повстанческого движения и в прошлом красный партизан, был амнистирован и назначен председателем Шалинского сельского потребительского общества (кооперации). Правда, в дальнейшем он был убит властями [Авторханов 1991: 29]

Незавидная участь Ш. Истамулова напоминает судьбу члена ревкома А. Митаева, который был вызван по личному письму Т. Эльдарханова, главы Чеченского ревкома, и арестован в административном здании органами ОГПУ [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538. Л. 3]. В случае с Ш. Истамуловым применена была эта же отработанная схема. Осенью 1931 г. его вызвали к начальнику районного ОГПУ Бакланову для вручения ему официального документа об амнистии. Здесь же, в кабинете руководителя ОГПУ Бакланова, бывший предводитель повстанцев и бывший советский работник был расстрелян [Авторханов 1991: 30].

Крестьянские выступления в Чечне и Ингушетии дали новый толчок для активизации повстанческого движения с национально-религиозными призывами в других национальных автономиях Юга России. Повстанцы, в основном крестьяне, организовано выступили под флагом своих национальных героев — Шамиля, Мансура, Гамзат-бека и др.

Весной 1930 г. одним из новых явлений в повстанческом движении на Северном Кавказе стала попытка объединения антисоветских групп с привлечением не только крестьян Чечни, Ингушетии, Кабарды и Балкарии, но и недовольных сельских жителей Грузии, Дагестана, в качестве единомышленников рассматривались даже терские казаки. Органы ОГПУ, войсковые части (пехотные, кавалерийские, артиллерийские и авиационные) общей численностью свыше 2,5 тыс. чел. провели очередную зачистку по разоружению населения [Гутиева 2010: 8]. Властям удалось арестовать 122 бандитов и изъять 1 500 единиц стрелкового оружия [Александров 2009].

Очередным политическим конфликтом между крестьянами и властью на Северном Кавказе, в основе которого были разногласия по целям и методам насильственной коллективизации, стало крестьянское выступление в Ножай-Юртовском районе Чечни в марте 1932 г. Восставшие организовано нападали на сельские учреждения, сжигали хлеб, приготовленный для сдачи государству, громили кооперативы.

Для подавления восстания вновь привлекли крупные силы ОГПУ. Осенью 1932 г. вооруженное выступление в Ингушетии

быстро локализовали уже местными силами. Всех руководителей повстанческих движений арестовали, и они получили большие тюремные сроки, часть из них приговорена к высшей мере наказания — расстрелу, тысячи непокорных жителей горных и равнинных аулов были депортированы за пределы Северного Кавказа.

Одним из действенных и эффективных методов политического сопротивления крестьян была информационная война, направленная против аграрной политики советской власти. Такого рода информация распространялась как в письменной, так и в устной форме. Своеобразным и распространенным способом противодействия крестьян политике советской власти в 1930-е гг. являлись слухи и толки. Они отражали настроение и поведение населения и обычно передавались друг другу на сельских сходах, в беседах в торговых лавках и базарах, во время застолий и в других местах массового скопления людей. В основе большинства слухов — информация о факте, событии, явлении и пр., уже свершившемся или ожидаемом в будущем. Чаще всего это информация ложная, искаженная, вымышленная, для придания правдоподобности гиперболизированная, но всегда имевшая какой-то определенный умысел.

Слухи, связанные с коллективизацией на селе, — это особый феномен истории советской деревни. Они постоянно фигурируют в сводках ОГПУ/НКВД о положении в деревне, сводках информационных отделов местных партийных организаций, различных отчетах инструкторов ЦК и ЦИК, сводках писем, перехваченных почтовой и военной цензурой, и других документах, ныне хранящихся в архивах.

В случае с коллективизацией в крестьянском социуме бытовали самые разные слухи, в самом общем виде это были: «слух-желание» о скорой кончине колхозов, «слух-пугало» о страшных «ужасах», ждущих тех, кто вступит в колхозы, «слух-агрессия», вызывавший негативные настроения в обществе и направленный на стимулирование жесткого агрессивного действия. Например, в разных вариантах утверждалось, что требуемая новыми властями коллективизация сведется к одному: все сельчане, вместе с женами, будут спать по ночам в одном помещении, укрываясь «большим одеялом» [Шерковин 1981: 49].

С. Н. Бейтуганов в историческом очерке «Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах» приводит наиболее распространенные слухи в виде «самых невероятных небылиц — „хабаров“», бытовавших среди крестьянства автономии в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства. Они, по мнению автора, были рассчитаны «на наиболее отсталую часть крестьянства, находили в этой среде (и не только!) благоприятную почву». Вот лишь несколько примеров таких «хабаров»: «Все крестьяне, согласно Советской власти, будут иметь на нижней рубашке значки вроде тавра, как у лошадей, и по этим значкам будут выдавать пайки, кто не будет иметь тавра, тот погибнет голодной смертью»; «...в связи с проведением коллективизации все мужчины будут спать под общим одеялом размером до 40 метров, что жены будут общие, и никто не будет иметь права возражать этому» [Бейтуганов 1991а: 3].

Определенная часть кабардино-балкарского крестьянства верила этим и другим слухам, они возбуждали у сельских жителей неприятие к советской власти.

Крестьяне Г. Я. Агерик и Г. Г. Арнольд из колхоза им. Розы Люксембург Западного улуса Калмыцкой автономной области распускали антисоветские слухи следующего содержания: «Крестьянину в России стало плохо жить, голод свирепствует кругом, крестьяне сейчас недовольны советской властью, и можно легко сделать восстание, крестьяне восстали бы все, в том числе и мы» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 27].

С антисоветской агитацией тесно увязываются слухи о неизбежном падении советской власти. Так, красный партизан Селигеев, разуверившись в советской власти, предсказывал скорое и неизбежное ее падение: «На Северном Кавказе ни зерна, ни хлеба, все голодают, ходят как тени, а молчат, боятся даже свободно дышать, тюрьмы переполнены, сажают виновных и невиновных. За Краснодаром выселяют чуть ли не все станицы, а больше сами бегут без выселения. За селом Приятное целое село построилось из беглых, народ страдает, живет в норах, как звери, а ведь есть среди них красные партизаны. Партизаны ждут, когда вспыхнет, в том числе, и я жду, еще раз повоевать, а потом можно умирать. Ведь

что делают твари, забирают хлеб у крестьян и сами не пользуются, и он гниет. Понасыпали кучи хлеба на вокзалах, и он весь погнил <...> Будет еще революция, и нужна она. Еще раз хочу повоевать, кого следует повешаем, а потом будем жить или умирать» [НА РК. Ф-131. Оп. 3с. Д. 28. Л. 41].

Посеянные в обществе невероятные слухи влияли на психическое состояние людей. Так, в 1928 г. в Кабарде распространился слух следующего содержания: «Советская власть и Предоблисполком Калмыков продали наших детей Китаю и закрывают все наши мечети» [Бейтуганов 1991а: 3].

Один из участников Баксанских событий Тавкешев, придя домой после допроса, для усиления «антисоветского» настроения сообщил односельчанам: «...их отпустили, так как в Нальчике все коммунисты разбежались. Россия восстала, и если сармаковцы (село Сармаково. — *Е. Б.*) не восстанут — их уничтожат» [Бейтуганов 1991а: 4].

Был распространен и такой слух, где желаемое представлялось возможным: «...по свержении советской власти будем вешать, и не будем снимать, пока не будут разлагаться» [Бейтуганов 1991б: 4].

В селении Малка в Кабарде, крестьяне — участники Баксанского восстания специально распускали слухи среди крестьян, не поддержавших антисоветское выступление: «Кабардинцы Баксанского округа поняли, что Советская власть не для них, т. к. эта власть отбивает у них последний кусок хлеба, притесняет религию, скоро закроет все мечети, арестует всех мулл» [Бейтуганов 1991в: 3].

Таким образом, слухи для крестьян были своего рода формой протеста, «стратегией сопротивления» существовавшему режиму, который «устранил все политические альтернативы, уничтожил свободу слова и сделал конспирацию настоящим способом правления» [Фицпатрик 2008: 6].

Интересной особенностью слухов времен коллективизации, как отмечает Н. Верт, является «беспрецедентно широкий ареал их распространения. Одни и те же слухи фиксируются по всей стране, этнические и религиозные различия фактически не влияют на их содержание. Настроения русских и украинских крестьян, гор-

цев Кавказа и немецких колонистов Поволжья оказываются удивительно близкими» [Верт 2010: 6].

Слухи и толки различного рода по поводу коллективизации влияли на политические настроения и поведение крестьян. Они способствовали расширению повстанческого движения на Юге России, росту вооруженных выступлений сельских жителей, которые стали частью повседневной жизни южнороссийского крестьянства. В целом с 1920 по 1941 гг. историки зафиксировали 12 крупных вооруженных восстаний на Северном Кавказе с участием десятков тысяч человек, а также более 50 менее значительных народных выступлений.

В Калмыцкой автономной области крупных массовых мятежей населения не наблюдалось. Возникали единичные вспышки недовольства властью со стороны калмыцких крестьян, иногда и с политическим оттенком, но в основном на территории Калмыкии преобладал уголовный бандитизм (грабежи и скотокрадство). В Калмыцкой автономной области борьба с бандитизмом продолжалась вплоть до 1925 г.

Жесткие меры, предпринятые государством по подавлению антисоветских выступлений и протестов, способствовали резкому снижению накала и числа крестьянских волнений. К тому же сказались тяжесть и усталость населения от противостояния с властью и понимание бесплодности борьбы с сформировавшимся тоталитарным государством. Поведение крестьян становилось все более спокойным и уравновешенным. Северокавказское крестьянское сообщество стало постепенно втягиваться в новое общественное мироустройство, вникать и воспринимать новые политические реалии страны, учиться жить согласно советским законам. К концу 1930-х гг., по официальным данным, в автономных республиках Юга России были окончательно вычищены «враги народа» и подавлены очаги протестного сопротивления.

Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода у народов Юга России сохранялось неоднозначное отношение к советской власти. На южнороссийской территории, как мы вкратце проследили, постоянно возникали массовые и мелкие очаги крестьянских выступлений. Главным «двигателем» протестного

возмущения на Северном Кавказе, кроме недовольства социально-экономической политикой государства, являлось обостренное чувство справедливости, присущее горцам.

У степняка-калмыка, в силу его ментальности, восприятие действий ленинско-сталинского режима было более спокойным, и потому сильной агрессии по отношению к властям не наблюдалось.

Советское государство в конце 1930-х гг., выиграв затяжную войну с крестьянством, окончательно установило жесткий тоталитарный контроль в российской деревне — в экономической, политической и социальной сферах, а также в частной жизни крестьян.

Источники

Власть и крестьянство 2005 — Власть и крестьянство: Северокавказская деревня в 1917–1929 гг.: Сб. док. и мат-лов. Вып. 1 / сост. Н. Д. Малиев, С. А. Хубулов, А. Т. Царикаев, М. П. Туаева. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2005. 326 с.

За власть Советов 1957 — За власть Советов в Кабардино-Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской автономной области (1917–1922 гг.). Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1957. 538 с.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Органы ... 2007 — Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария (1920–1992): сб. док. и мат-лов / сост. и автор коммент. А. В. Казаков. Нальчик: Эль-фа, 2007. 375 с.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Советская деревня 1998 — Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы: В 4-х т. Т. 1. 1918–1922 / под ред. А. Береловича и В. Данилова М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.

Трагедия советской 2000 — Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.

Sources

For the Soviet Rule: documents and materials on the history of the struggle for the Soviet rule and establishment of Kabardino-Balkar Autonomous

- Oblast (1917–1922). Nalchik: Kabard.-Balkar Book Publ., 1957. 538 p. (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Archive of Socio-Political History.
- State security agencies and society: Kabardino-Balkaria (1920–1992). Coll. documents and materials. A. V. Kazakov (comp., comment.). Nalchik: El'fa, 2007. 375 p. (In Russ.)
- The catastrophe of the Soviet village: collectivization and dekulakization. Documents and materials. In 5 vols. Vol. 2. November 1929 — December 1930. V. Danilov, R. Manning, L. Viola (eds.). Moscow: ROSSPEN, 2000. 927 p. (In Russ.)
- The Government and peasants: rural North Caucasus in 1917–1929. Coll. documents and materials. Is. 1. N. D. Maliev et al. (comps.) Vladikavkaz: North Ossetian State Univ., 2005. 326 p. (In Russ.)
- The Soviet village in the eyes of VChK–OGPU–NKVD. Documents and materials, in 4 vols. Vol. 1. 1918–1922. A. Berelovich, V. Danilov (eds.). Moscow: ROSSPEN, 1998. 864 p. (In Russ.)

Литература

- Авторханов 1991 — *Авторханов А.* Убийство чечено-ингушского народа: Народоубийство в СССР. М.: СП «Вся Москва», 1991. 79 с.
- Айшаев 2011 — *Айшаев О. О.* Крестьянские восстания на Северном Кавказе в период коллективизации сельского хозяйства // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х годах (статьи и документы). Вып. 5. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2011. С. 15–16.
- Александров 1999 — *Александров К. М.* Народ, режим и армия. Великий перелом 1930–1933 годов. 15 мая 2009 г. (впервые опубликовано в журнале «Посев» (1999. № 12) [электронный ресурс] // URL: http://www.yabloko.ru/mneniya_i_publicatsii/2009/05/15 (дата обращения: 25.08.2018 г.).
- Второе покорение 1995 — Второе покорение Кавказа. Большевики и чеченские повстанцы // Родина. 1995. № 6. С. 43–48.
- Бадмаева 2003 — *Бадмаева Е. Н.* О деятельности различных формирований по борьбе с советской властью и участия в них крестьянства в Калмыкии в 1921–1924 гг. // Вестник КИГИ РАН. Вып. 18. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 156–164.
- Бадмаева 2012 — *Бадмаева Е. Н.* События 1932–1933 гг. в судьбах калмыцкого крестьянства // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 105–108.

- Бейтуганов 1991а — *Бейтуганов С. Н.* Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Исторический очерк // Советская молодежь. 1991. 2 августа. С. 3–4.
- Бейтуганов 1991б — *Бейтуганов С. Н.* Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Исторический очерк // Советская молодежь. 1991. 9 августа. С. 3.
- Бейтуганов 1991в — *Бейтуганов С. Н.* Восстание крестьян в Кабардино-Балкарии в 1928–1931 годах. Исторический очерк // Советская молодежь. 1991. 16 августа. С. 3.
- Верт 2010 — *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.
- Грациози 2001 — *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 95 с.
- Гутиева 2010 — *Гутиева М. А.* Власть и общество на Северном Кавказе в условиях сплошной коллективизации на рубеже 1920–1930-х гг.: опыт и уроки истории // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 2–10.
- Жупкиова 2008 — *Жупкиова Е. Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. М.: Новый хронограф, 2008. 206 с.
- Казиев, Карпиев 2003 — *Казиев Ш. М., Карпиев И. В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2003. 452 с.
- Кринко и др. 2011 — *Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П.* Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
- Козлов 1977 — *Козлов А. И.* На историческом повороте / отв. ред. К. А. Хмелевский. Ростов н/Д: РГУ, 1977. 214 с.
- Лашков 2001 — *Лашков А.* За Тереком для бандитов земли нет // Военно-исторический журнал. 2001. № 7. С. 12.
- Марченко 2003 — *Марченко Г. В.* Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.
- Мартин 2011 — *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
- Маслов 1970 — *Маслов А. Г.* Ленин и автономия калмыцкого народа // Ученые записки. Вып. № 9. Сер. историч. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 49–69.
- Овчинникова 1972 — *Овчинникова М. И.* Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929). Ростов н/Д: РГУ, 1972. 199 с.

- Очерки истории 1972 — Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2-х т. Т. 2: 1917–1970 / гл. ред. М. С. Тотоев. Грозный: Чеч.–Инг. кн. изд-во, 1972. 359 с.
- Разгон 1941 — *Разгон И.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. М.: Госполитиздат, 1941. 332 с.
- Сталин дал 1995 — Сталин дал личное согласие... Документы о событиях в Чечне // Источник. 1995. № 5. С. 141–151.
- Туаева, Хубулова 2007 — *Туаева М. П., Хубулова С. А.* Социальный протест сельского населения в первой половине 1920-х годов (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. 2007. № 2. С. 68–72.
- Тюмидова 2013 — *Тюмидова Т. Е.* Ментальность калмыцкого этноса как объект социально-философского исследования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. 152–155.
- Узун-Хаджи 2017 — Узун-Хаджи Салтинский — политический и религиозный деятель Дагестана и Чечни (Документы и материалы). Махачкала: АЛЕФ, 2017. 254 с.
- Уиткрофт 1991 — *Уиткрофт С. Г.* Голод и эпидемии в России в 1918–1922 гг. Пример Саратова // Демографические процессы в СССР. 20–80-е гг. (Современная зарубежная историография). М.: ИНИОН, 1991. С. 65–70.
- Фицпатрик 2008 — *Фицпатрик С.* Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. 421 с.
- Холмс 1994 — *Холмс Л.* Социальная история России: 1917–1941. Ростов н/Д.: РГУ, 1994. 144 с.
- Хубулова 1981 — *Хубулова М. П.* Социальная напряженность в Терской области в первые годы советской власти // Северный Кавказ» в условиях глобализации. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Майкоп: АГУ, 2001. С. 456–460.
- Шерковин 1981 — *Шерковин Ю. А.* Слухи: их возникновение и разоблачение // Слово лектора. 1981. № 11. С. 48–52.
- Эльбуздукаева 2015 — *Эльбуздукаева Т. У.* Хроника «первого разоружения Чечни» (20-е гг. XX в.) // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. Т. 15. № 1. С. 15–20.

References

- Aleksandrov K. M. The people, regime and army: the Great Break of 1930–1933. 15 May 2009. (reprint: *Posev* (journal). 1999. No. 12. An

- Internet resource: see hyperlink above: (accessed: 25 August 2018). (In Russ.)
- Avtorkhanov A. Killing the Chechen-Ingush people: assassinations of nations in the USSR. Moscow: Vsyā Moskvā, 1991. 79 p. (In Russ.)
- Ayshaev O. O. Peasants' revolts in the North Caucasus during the agricultural collectivization. *Politicheskie repressii v Kabardino-Balkarii v 1918–1930-kh godakh*. Articles and documents. Is. 5. Nalchik: Pechatnyy Dvor, 2011. Pp. 15–16. (In Russ.)
- Badmaeva E. N. Kalmykia in 1921–1924: activities of different anti-Soviet groups and the impact of peasants revisited. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. Is. 18. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 156–164. (In Russ.)
- Badmaeva E. N. The events of 1932–1933 and their influence on Kalmyk peasants. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2012. No. 2. Pp. 105–108. (In Russ.)
- Beytuganov S. N. The 1928–1931 peasants' revolt in Kabardino-Balkaria: a historical essay. *Sovetskaya molodezh'*. 1991. 2 August. Pp. 3–4. (In Russ.)
- Beytuganov S. N. The 1928–1931 peasants' revolt in Kabardino-Balkaria: a historical essay. *Sovetskaya molodezh'*. 1991. 9 August. P. 3. (In Russ.)
- Beytuganov S. N. The 1928–1931 peasants' revolt in Kabardino-Balkaria: a historical essay. *Sovetskaya molodezh'*. 1991. 16 August. P. 3. (In Russ.)
- Elbuzdukaeva T. U. A chronicle of the 'first disarmament of Chechnya: 1920s. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*. 2015. Vol. 15. No. 1. Pp. 15–20. (In Russ.)
- Fitzpatrik Sh. Stalin's peasants: resistance and survival in the Russian village after collectivization. Moscow: ROSSPEN, 2008. 421 p. (In Russ.)
- Gratsiozi A. The Great Peasants' War in the USSR: Bolsheviks and peasants (1917–1933). Moscow: ROSSPEN, 2001. 95 p. (In Russ.)
- Gutieva M. A. The Government and society in the North Caucasus during the total collectivization of 1920–1930s: experiences and historical lessons. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2010. No. 5. Pp. 2–10. (In Russ.)
- Holmes L. The social history of Russia, 1917–1941. Rostov-on-Don: Rostov State Univ., 1994. 144 p. (In Russ.)
- Kaziev Sh. M., Karpiev I. V. Highlanders of the North Caucasus: everyday life in the 19th century. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2003. 452 p. (In Russ.)
- Khbulova M. P. Social tension in Terek Oblast during the early years of Soviet rule. *Severnyy Kavkaz» v usloviyakh globalizatsii*. Conf. proc. Maykop: Adyghe State Univ., 2001. Pp. 456–460. (In Russ.)

- Krinko E. F., Tazhidinova I. G., Khlynina T. P. The Soviet man's routine world in 1920–1940s: life during social transformations. Rostov-on-Don: South. Sc. Center of RAS, 2011. 360 p. (In Russ.)
- Kozlov A. I. At the turn of the history. K. A. Khmelevsky (ed.). Rostov-on-Don: Rostov State Univ., 1977. 214 p. (In Russ.)
- Lashkov A. No land for bandits behind the Terek. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 2001. No. 7. P. 12. (In Russ.)
- Marchenko G. V. The anti-Soviet movement in Chechnya: 1920–1930s. *Vo-prosy istorii*. 2003. No. 1. Pp. 131–138. (In Russ.)
- Martin T. The Empire of 'Positive Actions': nations and nationalism in the USSR, 1923–1939. Moscow: ROSSPEN, 2011. 855 p. (In Russ.)
- Maslov A. G. Lenin and the Kalmyk people's autonomy. *Uchenye zapiski*. Is. 9. Ser. 'History'. Elista: Kalm. Book Publ., 1970. Pp. 49–69. (In Russ.)
- Ovchinnikova M. I. Soviet peasants of the North Caucasus (1921–1929). Rostov-on-Don: Rostov State Univ., 1972. 199 p. (In Russ.)
- The Chechen-Ingush ASSR: historical essays. In 2 vols. Vol. 2: 1917–1970. M. S. Totoev (ed.). Grozny: Chech.–Ing. Book Publ., 1972. 359 p. (In Russ.)
- Razgon I. Ordzhonikidze and Kirov: struggling for the Soviet rule in the North Caucasus. Moscow: Gospolitizdat, 1941. 332 p. (In Russ.)
- Sherkovin Yu. A. Rumors: their emergence and detection. *Slovo lektora*. 1981. No. 11. Pp. 48–52. (In Russ.)
- Stalin gave his personal consent... Documents about events in Chechnya. *Is-technik*. 1995. No. 5. Pp. 141–151. (In Russ.)
- The Second Conquest of the Caucasus. Bolsheviks and Chechen rebels. *Rodina*. 1995. No. 6. Pp. 43–48. (In Russ.)
- Tuaeva M. P., Khubulova S. A. Social protest of rural population in the early-to-mid 1920s (a case study of materials from the North Caucasus). *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2007. No. 2. Pp. 68–72. (In Russ.)
- Tyumidova T. E. Mentality of the Kalmyk people as a subject of socio-philosophical research. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2013. No. 1. Pp. 152–155. (In Russ.)
- Uzun Hajji Saltinsky: a political and religious figure of Dagestan and Chechnya. Makhachkala: ALEF, 2017. 254 p. (In Russ.)
- Vert N. Terror and chaos: Stalinism as a system. Moscow: ROSSPEN, 2010. 447 p. (In Russ.)
- Wheatcroft S. G. Famine and epidemic crises in Russia, 1918–1922: the case of Saratov. *Demograficheskie protsessy v SSSR. 20–80-e gg.* (Ser 'Con-

temporary Foreign Historiography'). Moscow: Inst. of Scientif. Inform. on Soc. Sc. of RAS, 1991. Pp. 65–70. (In Russ.)

Zhupikova E. F. The rebel movement in the North Caucasus: 1920–1925. Moscow: Novyy Khronograf, 2008. 206 p. (In Russ.)

Развитие Хошеутовской партийной организации в 20-е гг. XX в.*

Development of Khosheutovskaya Party Organization in the 1920s

Е. В. Сартикова (E. Sartikova)¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и археологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Associate Professor, Leading Research Associate, Department of History, Ethnology and Archaeology, Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Piishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Аннотация. На архивном материале исследуются история развития и начало деятельности Хошеутовской партийной организации. Установлено, что в 1918 г. в Хошеутовском улусе проживало несколько граждан, организационно связанных с Калмбазаринской ячейкой и Астраханским укомом РКП(б). Среди них — секретарь аймачного исполкома Хошеутовского улуса, а затем начальник улусной милиции Г. К. Колпачков. Организация по социальному составу большей частью была рабоче-крестьянской, а в качественном отношении — весьма слабой.

Делается вывод о том, что формирование Хошеутовской партийной организации создавало условия для решения задач, стоявших на тот период перед большевиками в улусе: возрождение народного хозяйства, ликвидация неграмотности, организация советского строительства, профсоюзного и молодежного движения, усиление партийно-воспитательной работы, увеличение численности коммунистов, подготовка партийных кадров. В то же время в характеристике деятельности Хошеутовской организации ВКП(б) отмечались и недостатки в работе. К ним относились: слабость в руководстве низовыми ячейками ВКП(б), профсоюзными, комсомольскими организациями, недостаточно эффективное руководство работой крестьянских обществ взаимопомощи.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ государственной регистрации — АААА-А17-117030910096-7).

Ключевые слова: Калмыкия, партийное строительство, Хошеутовский комитет ВКП(б), организация, численность, деятельность

Abstract. The paper investigates archival materials and examines the beginnings of Khosheutovskaya Party Organization. It reveals that in 1918 there were a number of Communist sympathizers in Khosheutovsky Ulus who had some organizational ties with Kalmytsky Bazar Party Nucleus and Astrakhan Uezd Committee of RCP(B). Those included G. Kolpachkov, the Secretary of the Aimag Executive Committee of Khosheutovsky Ulus who subsequently headed the Ulus Militia. In terms of social structure, the organization consisted of workers and peasants, remaining weak enough qualitatively.

The article concludes the establishment of Khosheutovskaya Party Organization made it possible to tackle certain challenges within the district, such as revival of the national economy, eradication of illiteracy, organization of Soviet construction, trade union and youth movements, intensification of party awareness-raising work, increase in the number of Communists, party personnel training. At the same time, the activities of Khosheutovskaya Organization of RCP(B) were characterized by certain shortcomings, namely, weak control over minor local associations of RCP(B), trade union and Komsomol groups, inefficient management of activities undertaken by peasant mutual benefit societies.

Keywords: Kalmykia, party construction, Khosheutovsky Committee of RCP(B), organization, number, activities

История Коммунистической партии Советского Союза до недавнего времени казалась историкам темой неактуальной. По прошествии времени становится ясно, что КПСС была крупнейшей политической силой в мире. Поэтому изучение, анализ и обобщение опыта Коммунистической партии имеют важное значение, ведь и сегодня в России создаются политические партии, возрождаются общественные организации. В современном обществе происходят глобальные перемены во всех сферах жизни, в том числе в сфере общественно-политических реформ, партийного строительства [Сартикова 2018: 60].

Автор ставит своей целью показать начало деятельности Хошеутовской партийной организации. Основным методом исследования послужил историко-системный метод, основанный на принципах системного подхода к анализу процессов и явлений прошлого. Анализ архивных материалов основан на принципах объективности и историзма. Научная новизна исследования определяется тем,

что автор, привлекая архивные источники, комплексно рассматривает деятельность улусной парторганизации в 1920-е гг., рост её численности [Сартикова 2018: 60].

Истории Коммунистической партии посвящено огромное количество работ ученых. В советское время развитие историко-партийной науки находилось под контролем идеологических органов КПСС, а историко-партийная историография, как пишет Л. А. Молчанов, «гармонично вписывалась в систему тоталитарного государства и была приспособлена к обслуживанию его идейно-политических потребностей» [Молчанов 2014: 28].

В развитии историко-партийной науки большую роль сыграло создание в 1920 г. Комиссии по изучению истории коммунистической партии (Истпарт), которая состояла из ведущих партийных историков 1920-х гг.: М. С. Ольминского (председатель), В. В. Адоратского, Н. Н. Батурина, А. С. Быстрянского, В. И. Невского, С. А. Пионтковского, М. Н. Покровского [Молчанов 2014: 30].

Одним из направлений деятельности Истпарта и его местных комиссий являлось изучение истории региональных партийных большевистских организаций. Для достижения этой цели была налажена подготовка книг по истории местных организаций большевиков. Однако в целом этот процесс на периферии шел медленно. История местных организаций ВКП(б) являлась и является одной из актуальных проблем историко-партийной науки [Молчанов 2014: 33].

Теме истории коммунистической партии посвящено множество исследований, которые можно разделить на две группы. Первая группа носит явно идеологический характер. Первые работы по истории Калмыцкой областной партийной организации издаются в конце 1960-х – начале 1970-х гг. [Бадмаев 1969а; 1969б]. Автор обобщил опыт работы областной партийной организации на протяжении переходного периода. Исследования И. Э. Сангаевой [Сангаева 1971] посвящены начальному периоду формирования партийной организации в 1918–1920 гг. Деятельности партийной организации Калмыкии посвящены диссертации и статьи ученых [Киевская 1975; Буров 1982; Неяченко 1983; Гиляшаева 1984; Сенглеева 1987; Убушаев 1969; Бембеев 1969].

Особо следует выделить крупный коллективный труд обобщающего характера «Очерки истории Калмыцкой организации КПСС» [Очерки истории 1980]. Сравнительно подробно, с использованием широкого круга источников, в них освещается история и деятельность Калмыцкой партийной организации.

Вторая группа научных работ — это те исследования, которые появились после распада СССР, когда появилась возможность глубокого анализа исторического процесса, критического осмысления предшествующего периода, в том числе истории КПСС.

Анализ и оценка деятельности партийных организаций в последние десятилетия отличаются новым подходом — без политизации и стереотипов, которые имелись в условиях идеологического контроля и цензуры. В этом ключе проведены исследования в работах С. А. Гладковой. Автор статей по-новому раскрывает роль и место Калмыцкой областной организации РКП(б) в политической системе 20-х гг. XX в. [Гладкова 2008 Сартикова 2018: 60]. Отдельных монографий по истории районных (улусных) партийных организаций нет, кроме одной статьи С. А. Гладковой (о Большедербетовской партийной организации) и Е. В. Сартиковой (о Яндыко-Мочажной парторганизации) [Гладкова 2008; Сартикова 2018].

Большая часть документов по истории Калмыцкой партийной организации хранится в фонде Калмыцкого обкома КПСС Национального архива Республики Калмыкия [НА РК. Ф. П-1]. Документы фонда областного комитета партии, улускомов зафиксировали историю создания первых партийных ячеек Калмыцкого комитета РКП(б) в январе 1920 г. Обширный материал о деятельности улусных партийных организаций и ряда партийных ячеек отложился в фондах улусных комитетов партии. В каждом фонде улусных комитетов партии обязательно содержатся и статистические источники [НА РК. Ф. П-18; Ф. П-45]. Например, в фонде Хошеутовского улускома РКП(б) это статистические отчеты о членах и кандидатах РКП(б), о составе ячеек по улусу.

В административном отношении Хошеутовский улус делился на 2 аймака с количеством населения в 5 659 чел., из них 2 958 мужчин и 2 700 женщин. Основное занятие населения — скотоводство, кроме того, имелось рыболовное хозяйство, но оно ре-

шающего значения в экономике улуса не имело, а являлось лишь подсобной формой хозяйства.

Хозяйств, занимавшихся рыболовством, в 1925 г. насчитывалось 130, а в 1926 г. — 172. Батрацкие и бедняцкие хозяйства в улусе составляли в 1926 г. 95,08 % и имели в своем распоряжении 71,47 % скота, середняцкие хозяйства — 4,58 % и скота — 25,55 %. Кулацких хозяйств было 0,39 %, а скота — 0,51 % [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 20. Л. 8]. Очень небольшой процент жителей занимался земледелием, в основном русское население [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 6. Л. 7].

Особенность этого улуса, кроме того, что население вело кочевой образ жизни, заключалась в крайней экономической мало-мощности населения, отсюда — наличие обездоленных, число которых достигало 235 чел. [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 20. Л. 7]. В то же время в докладе обкому РКП(б) от Хошеутовского улускома РКП(б) отмечалось, что «отношение рабочих и крестьян к советской власти положительное. Рост народного хозяйства в целом, установление твердого курса рубля, отсутствие военных потрясений радует их» [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 6. Л. 3].

В 1918 г. в Хошеутовском улусе партийная ячейка еще не оформилась. Однако в улусе находилось несколько кандидатов в партию, связанных с Калмбазаринской ячейкой и Астраханским укомом (улусным комитетом) РКП(б). Среди них — секретарь Серебджаповского аймачного исполкома Хошеутовского улуса, а затем начальник улусной милиции Г. К. Колпачков, ставший кандидатом в члены партии в сентябре 1918 г., а членом партии — в феврале 1919 г. [Очерки истории 1980: 21].

В 1925 г. на учете в партийной организации улуса состояли 40 коммунистов [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 6. Л. 3], объединенных в 4 ячейки. Ответственным секретарем Хошеутовского улускома РКП(б) был Босхомджиев. К 7-й улусной партийной конференции (20 апреля 1926 г.) уком объединял 4 ячейки с количеством 41 чел. (18 членов ВКП(б) и 23 кандидата в партию). Национальный состав — 26 калмыков и 15 русских. Распределение по социальному положению следующее: 22 крестьянина, 16 рабочих и трое служащих; по полу: 37 мужчин и 4 женщины [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 13. Л. 8].

В акте, составленном Дорджи Пюрвеевым, об обследовании состояния работ Хошеутовского укома ВКП(б) с 24 февраля по 3 марта 1928 г., было установлено, что Хошеутовская организация объединяла 4 ячейки ВКП(б), из них 3 деревенских, 1 советская. Парторганизация на 01.10.1927 состояла из 20 членов ВКП(б) и 21 кандидата. Социальный состав на 01.10.1927 составлял: 9 рабочих, 13 крестьян, 19 служащих. С 01.10.1927 было принято, не считая октябрьского призыва, 6 чел. Социальное положение принятых членов было следующим: 3 рабочих, 3 крестьянина. Переведено из кандидатов в действительные члены ВКП(б) 6 чел. На 01.03.1928 организация объединяла 29 членов ВКП(б) и 20 кандидатов. Социальный состав организации на 01.03.1928 был следующий: 21 рабочий, 15 крестьян, 13 служащих; по полу: 41 мужчина, 8 женщин. По национальному составу организация включала 44 калмыка и 5 русских. Возрастной состав: 21 чел. от 20 до 25 лет, 13 — от 25 до 30 лет, 8 — от 30 до 35 лет, 7 — от 35 до 40 лет и выше. По октябрьскому набору приняли в ряды партии 19 чел. Социальный состав принятых: 16 рабочих, 3 крестьянина, служащие отсутствовали. Из общего числа октябрьского набора работали в Советах 4 чел. и в женских делегатских собраниях — 2 чел. [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 20. Л. 8].

В 1929 г., получив указание о вовлечении в партию рабочих и крестьян, сократив прием служащих, своевременно переводя кандидатов в действительные члены, Хошеутовским улускомом партии принято и утверждено 26 членов, из них 14 рабочих, 10 крестьян и только 2 служащих. Всего в организации насчитывалось уже 93 чел., из них 43 члена партии и 50 кандидатов. По социальному положению: 40 рабочих, 38 крестьян, 15 служащих. По национальности: 8 русских, 82 калмыка, 3 человека другой национальности [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 22. Л. 36].

Уком партии руководил ячейками методом письменных директив, заслушиванием отчетов секретарей ячеек на заседаниях улускома, а также посещением ответственными работниками Калмыцкого обкома партии учреждений и организаций улуса. Налоговая кампания, реализация крестьянского займа, установление улусной границы, проведение съездов Советов — все эти направления деятельности советских и хозяйственных учреждений осу-

ществлялись под руководством улусного комитета партии. Основное внимание обращалось на усиление хозяйственно-культурного строительства в улусе, развертывание массовой работы с бедной и батрачеством, политической работы в аймаках и хотонах, расширение коллективного строительства крестьянских хозяйств.

Как свидетельствуют архивные источники, под руководством Хошеутовского улусного комитета партии в 1925 г. было организовано 4 уполномоченных союза. В 1926 г. в улусе действовали 5 профессиональных союзов: работников просвещения, медсантруда, работников земли и леса, советских служащих и пищевиков. Работа в союзах, как следует из документов, велась слабо из-за отсутствия специальных работников и работников по совместительству [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 13. Л. 9об]. В 1928 г. профсоюзный комитет батраков (батрачком) объединял 53 члена союза, местком союза торговых служащих (СТС) — 35 членов, рабпрос — 42 члена, медсантруд — 17 чел. [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 13. Л. 9об]. Улусная секция организовала по аймакам батрачкомы, которые заключали коллективные договоры с работодателями. Формы и методы производственно-экономической деятельности профессиональных союзов были разнообразны. Профсоюзы использовали разные средства и формы привлечения трудящихся к управлению производством: соревнование, постоянно действующие производственные совещания, в том числе коллективные договоры [Сартикова 2015: 502]. Но улусное профсоюзное бюро (Упрофбюро) в улусе отсутствовало, поэтому улусному комитету партии трудно было вести работу и руководить этими профсоюзами [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 4].

Работа среди женщин велась через волостного организатора работы среди женщин (волженорганизатора), которая периодически выезжала на места, устраивала хотонные и делегатские собрания (их было проведено 42 и 25 бесед). По улусу числилось 46 делегаток женских собраний. В ряды партии приняли всего 7 женщин, а в комсомол — 1 девушку. Женотдел улускома осуществлял связь с делегатками путем письменных директив, а также непосредственным участием в работе среди женщин как в профессиональных кооперативах, так и в добровольных организациях [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 13. Л. 8].

В 1928 г. прошли перевыборы делегатских собраний. Всего делегатов стало 67. Работающих делегатских собраний в аймаках насчитывалось 3, в которых проводились занятия один раз в неделю. Кроме того, взяли на учет 19 женщин — членов аймачного исполкома (АИК), из них 2 являлись членами президиума АИКа [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 20. Л. 13]. В циркуляре ответственного секретаря обкома партии И. Глухова от 4 июня 1925 г. подчеркивалось: «Надо дать понять женщине, что на неё смотрят как на товарища — это наша задача, её нужно разрешить быстрее» [НА РК. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 15. Л. 81].

Партийная организация Калмыцкой области вела работу и среди молодежи. В 1925 г. на учете в комсомольской организации Хошеутовского улуса состояли 220 членов, объединенных в 7 ячеек [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 4]. К 1928 г. численность комсомольской организации увеличилась до 321 чел. Социальный состав организации выглядел следующим образом: 59 рабочих, 152 крестьянина, 10 служащих. Вступило в комсомол за март и апрель 1928 г. 11 чел. Связь между укомом и улусным комитетом комсомола (укомолом) осуществлялась взаимным представительством на заседаниях. Кроме того, ответственный секретарь укома ВКП(б) входил в состав бюро улусного комитета комсомола. Доклады о работе комсомольской организации улуса периодически рассматривались на заседаниях бюро улускома партии [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 20. Л. 13].

Политико-воспитательную работу уком ставил на первое место, так как уровень политвоспитания партийцев был очень низким. На места улусный комитет партии отправил волостного организатора для организации школы политграмоты. В местной школе работа политкружка велась слабо в виду отсутствия опытного руководителя. В центре ставки занятия еще продолжались, так как прибыли школы-передвижки из области. В школе насчитывалось всего около 20 учащихся [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 13. Л. 8]. В улусной избе-читальне был организован драмкружок, в котором еженедельно ставились спектакли. Доклад о работе избы-читальни заслушивался на бюро улускома [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 20. Л. 13]. Таким образом, система политпросветов имела свою сеть клубов, библиотек, изб-читален, советско-партийных школ, агит-

пунктов, школ политграмоты, пунктов по ликвидации безграмотности, красных уголков и т. д. [Красовицкая 2014: 166]

Немаловажное значение улусный комитет партии придавал агитационной работе, которая проводилась через волорганизатора. В 5 клубах ставились спектакли, проводились собрания, лекции и беседы [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об], а посещаемость изб-читален была незначительной ввиду неграмотности населения и отсутствия опытных избачей (работников изб-читален) [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 13. Л. 8]. Улусный комитет партии давал указания ячейкам как проводить очередные кампании. В качестве конкретного достижения в агитационной кампании Хошеутовский комитет партии считал результаты перевыборов в кооперативных организациях, где несколько человек вступило в члены кооперативов [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 20. Л. 13]. К сожалению, уком не располагал достаточным количеством хорошо подготовленных агитаторов, что отражалось на проведении той или иной кампании.

На собраниях партийных ячеек, в улусных комитетах партии постоянно обсуждались вопросы о борьбе с неграмотностью. Каждому грамотному коммунисту поручалось обучить грамоте не менее 10 чел. Организующим толчком к работе по ликвидации неграмотности народа стало издание 26 декабря 1919 г. Декрета Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В нем, в частности, подчеркивалось, что «в целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны Совет Народных Комиссаров постановил: „Все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться на родном или русском языке по желанию“» [Сартикова 2008: 71]. В первые же годы советской власти было положено начало реализации программы подготовки партийных и советских работников. Огромную роль в этом сыграла партийно-советская школа.

При ставке Шамбай организовали одну школу-передвижку, куда вовлекли 17 чел. из аймачных ячеек, из них 9 комсомольцев. Занятия здесь велись регулярно, средняя посещаемость составляла 92,3 %. Было организовано 2 добровольных предметных кружка, из них один по изучению истории партии, а другой — текущей политики [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 20. Л. 13].

В 1927 г. IX улусная партконференция отметила определенные достижения в работе Хошеутовского комитета ВКП(б): выполнена одна из основных задач по урегулированию спорных вопросов о границе с соседними губерниями, положительно решен вопрос о передаче ряда рыболовных промыслов, находившихся на территории области, в ведение Калмыбтреста, приступили к проведению землеустройства внутри области, проведена компания по перевыборам в Советы, где отмечена небывалая активность середняков и бедняков с участием женщин. Общее участие в перевыборах достигло 40–80 %, отмечались значительные достижения в коренизации аппарата и вовлечении в партийную советскую работу представителей коренного населения (выдвижение восьми секретарей улускомов из калмыков), перевод делопроизводства на калмыцкий язык в ряде аймаков [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 16. Л. 4]. Кроме того, отмечалось успешное проведение в 1929 г. перевыборов Советов, в связи с чем налицо: увеличение явки избирателей (особенно женщин) и политической активности бедноты, батрачества, осуществление ряда мероприятий, направленных на подъем экономики улуса (организация колхозов, сенообложение, создание рыболовного товарищества и т. д.), успешная реализация 2-го займа индустриализации, особенно среди крестьянства и, наконец, регулирование роста организации за счет рабочих, батраков и бедняков [НА РК. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 22. Л. 19].

К недостаткам в деятельности улусной партийной организации относились: слабость в руководстве низовыми ячейками ВКП(б), профсоюзными, комсомольскими организациями, недостаточно эффективное руководство работой крестьянских обществ взаимопомощи. Парторганизации в отдаленных районах страны, как справедливо отмечает Т. Ю. Красовицкая, были слабы, недоставало опытных партийных руководителей, были расстроены средства связи [Красовицкая 2014: 163]. Не следует, однако, забывать, что исторический опыт советской Компартии охватывает огромную массу вопросов перехода от капитализма к социализму и обратно, а также функционирования власти и общества в условиях мобилизационной политсистемы [Безбородов 2014: 554].

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Бадмаев 1969 — *Бадмаев Н. Х.* Калмыцкая областная партийная организация в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Серия историко-партийная. № 4. Элиста: Элистинск. республиканск. тип. № 1 Управления по печати при Совете Министров КАССР, 1969. С. 22–34.
- Бадмаев 1969 — *Бадмаев Н. Х.* Партийное строительство в Калмыцкой автономной области (1921–1929 гг.). Элиста: КНИИЯЛИ, 1969. 51 с.
- Безбородов 2014 — *Безбородов А. Б.* Заключение // История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 554–558.
- Бембеев 1969 — *Бембеев У. Э.* Совершенствование методов организационно-партийной работы в Калмыцкой областной партийной организации после XXIII съезда КПСС // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Серия историко-партийная. № 4. Элиста: Элистинск. республиканск. тип. № 1 Управления по печати при Совете Министров КАССР, 1969. С. 106–119.
- Буров 1982 — *Буров А. Н.* Деятельность Калмыцкой областной организации КПСС по осуществлению аграрной политики партии в условиях развитого социализма (1965–1975 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1982. 18 с.
- Гиляшаева 1984 — *Гиляшаева М. Н.* Историография партийного руководства сельским хозяйством в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1984. 22 с.
- Гладкова 2008 — *Гладкова С. А.* Большедербетовская партийная организация в период нэпа (20-е гг. XX в.) // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Мат-лы конф. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 28–32.
- Гладкова 2006 — *Гладкова С. А.* Место и роль Калмыцкой областной организации РКП(б) в политической системе 20-х гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. 20. Элиста: КИГИ РАН, 2006. С. 89–98.
- Киевская 1975 — *Киевская Т. Н.* Калмыцкая областная партийная организация в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства

- области на основе новой экономической политики (1921–1925 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1975. 29 с.
- Красовицкая 2014 — *Красовицкая Т. Ю.* Трансформация партийной структуры и кадровых механизмов: 1921–1928 гг. // История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 161–204.
- Молчанов 2014 — *Молчанов Л. А.* Историография // История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А. Б. Безбородов; науч. ред. Н. В. Елисеева. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 28–79.
- Неяченко 1983 — *Неяченко Р. В.* Деятельность партийной организации Калмыкии по идейно-политическому воспитанию женщин и вовлечению их в строительство социализма (1917–1937 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. 17 с.
- Очерки истории 1980 — Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 451 с.
- Сангаева 1971 — *Сангаева И. Э.* Образование Калмыцкой областной партийной организации (1918–1921 гг.) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Серия историко-партийная. № 5. Элиста: Элистинск. республиканск. тип. № 1 Управления по печати при Совете Министров КАССР, 1971. С. 25–69.
- Сартикова 2015 — *Сартикова Е. В.* Деятельность местных комитетов профсоюзов по заключению коллективных договоров в 1963–1973 гг. (на материалах Калмыкии) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 113. С. 502–512.
- Сартикова 2008 — *Сартикова Е. В.* Кампании по ликвидации неграмотности калмыцкого народа и их результаты // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4. С. 1–76.
- Сартикова 2018 — *Сартикова Е. В.* Яндыко-Мочажная партийная организация в 1921–1925-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 2. С. 59–67.
- Сенглеева 1987 — *Сенглеева С. З.* Деятельность Калмыцкой областной партийной организации по осуществлению задач культурной революции (1928–1937 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1987. 24 с.
- Убушаев 1969 — *Убушаев В. Б.* Партийное руководство деятельностью комсомола Калмыкии в борьбе за победу социализма (1921–1937 гг.) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Серия историко-партийная. № 4.

Элиста: Элистинск. республиканск. тип. № 1 Управления по печати при Совете Министров КАССР, 1969. С. 47–71.

References

- Badmaev N. Kh. Kalmyk Oblast Party Organization during the restoration period (1921–1925). *Vestnik Kalmytskogo NIIYaLI*. Ser. of party history. No. 4. Elista: Elista Republ. Print House No. 1 (Print Dept., KASSR Council of Ministers), 1969. Pp. 22–34. (In Russ.)
- Badmaev N. Kh. Party construction in Kalmyk Autonomous Oblast: 1921–1929. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1969. 51 p. (In Russ.)
- Bezborodov A. B. Conclusions. A history of the Communist Party of the Soviet Union. A. B. Bezborodov, N. V. Eliseeva (eds.). Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014. Pp. 554–558. (In Russ.)
- Bembееv U. E. Kalmyk Oblast Party Organization: improving methods of party-and-organizational work after the 23rd Congress of the CPSU. *Vestnik Kalmytskogo NIIYaLI*. Ser. ‘Party History’. No. 4. Elista: Elista Republ. Print House No. 1 (Print Dept., KASSR Council of Ministers), 1969. Pp. 106–119. (In Russ.)
- Burov A. N. Activities of the Kalmyk Oblast CPSU Organization aimed to implement the agrarian policy of the Party under conditions of Developed Socialism. A PhD thesis abstract. Rostov-on-Don, 1982. 18 p. (In Russ.)
- Gilyashaeva M. N. A historiography of the Party’s management of agriculture during the Great Patriotic War. A PhD thesis abstract. Rostov-on-Don, 1984. 22 p. (In Russ.)
- Gladkova S. A. Iki Dorbet Party Organization during the NEP period (1920s). *Rossiia i Tsentral’naya Aziia: istoriko-kul’turnoe nasledie i perspektivy razvitiya*. Conf. proc. Part 2. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2008. Pp. 28–32. (In Russ.)
- Gladkova S. A. Kalmyk Oblast Organization of the RCP(B): its place and role in the political system of the 1920s. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. Is. 20. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2006. Pp. 89–98. (In Russ.)
- Kalmyk Organization of the CPSU: historical essays. Elista: Kalm. Book Publ., 1980. 451 p. (In Russ.)
- Kievskaya T. N. Struggling for the restoration and development of the regional economy on the basis of the New Economic Policy (1921–1925): Kalmyk Oblast Party Organization. A PhD thesis abstract. Rostov-on-Don, 1975. 29 p. (In Russ.)

- Krasovitskaya T. Yu. Transformation of the Party's structure and staffing mechanisms: 1921–1928. *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuzu*. A. B. Bezborodov, N. V. Eliseeva (eds.). Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014. Pp. 161–204. (In Russ.)
- Molchanov L. A. Historiography. *Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuzu*. A. B. Bezborodov, N. V. Eliseeva (eds.). Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2014. Pp. 28–79. (In Russ.)
- Neyachenko R. V. Kalmykia's Party Organization: activities aimed to facilitate the ideological and political maturity of women and involve the latter into Socialist construction. A PhD thesis abstract. Moscow, 1983. 17 p. (In Russ.)
- Sangaeva I. E. Establishment of the Kalmyk Oblast Party Organization (1918–1921). *Vestnik Kalmyt'skogo NIIYaLI*. Ser. 'Party History'. No. 5. Elista: Elista Republ. Print House No. 1 (Print Dept., KASSR Council of Ministers), 1971. Pp. 25–69. (In Russ.)
- Sartikova E. V. The activity of the local trade union committees about collective agreements in 1963–1973 (on materials of Kalmykia). *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2015. No. 113. Pp. 502–512. (In Russ.)
- Sartikova E. V. Campaigns aimed to eradicate illiteracy among the Kalmyk people and their outcomes. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 2008. No. 4. Pp. 1–76. (In Russ.)
- Sartikova E. V. Yandyko-Mochazhnaya Party Organization in 1921–1925. *Vestnik Kalmyt'skogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2018. No. 2. Pp. 59–67. (In Russ.)
- Sengleeva S. Z. Activities of the Kalmyk Oblast Party Organization aimed to achieve the goals set forth by the Cultural Revolution (1928–1937). A PhD thesis abstract. Rostov-on-Don, 1987. 24 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. The Party's operating control over socialism-driven activities of Kalmykia's Komsomol (1921–1937). *Vestnik Kalmyt'skogo NIIYaLI*. Ser. of party history. No. 4. Elista: Elista Republ. Print House No. 1 (Print Dept., KASSR Council of Ministers), 1969. Pp. 47–71. (In Russ.)

**Акты конституционного значения в системе управления
Калмыцкой автономной области (1920–1935 гг.)*****The Administrative System of Kalmyk Autonomous Oblast
(1920–1935): Acts of Constitutional Significance***Е. А. Гунаев (E. A. Gunayev)*¹

¹ кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: gunayeva@kigiran.com
Ph.D. in Law (Cand. of Juridical Sc.), Senior Research Associate, Department of History, Ethnology and Archaeology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: gunayeva@kigiran.com

Аннотация. Цель исследования — рассмотреть роль актов конституционного значения в системе управления одной из российских автономий — Калмыкии — в 1920–1935 гг., когда регион имел статус автономной области. В отличие от автономных республик автономные области не принимали свои конституции и законодательство, однако их жизнедеятельность регулировалась, кроме законов, постановлений центральной власти (РСФСР), также внутренними документами, среди которых важнейшую роль играли акты конституционного значения, определявшие статус автономных областей, систему и полномочия их органов государственной власти, вопросы самоопределения народов, территорию и границы автономий и др. Хотя конституционное законодательство РСФСР в начале советского периода допускало принятие в отношении каждой автономной области собственного Положения об автономии, практически ни в одной из них по разным причинам оно не было принято. В Калмыкии подобные документы, как и в других автономных областях, носили разрозненный характер, что в определенной мере затрудняет определение актов конституционного значения. По мнению автора, актами конституционного значения выступали, по сути, несколько отдельных нормативных постановлений, которые в совокупности с федеральными составляли неконсолидированную своеобразную «малую конституцию» региона.

Ключевые слова: РСФСР, Калмыцкая автономная область, декреты Советской власти, декларации, постановления съездов, акты конституционного значения

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации: АААА-А17-117030910096-7)

Abstract. The paper aims to examine the role of acts of constitutional significance within the administrative system of Kalmykia — one of Russia's autonomies — between 1920 and 1935 when the region ranked as an autonomous oblast. Unlike autonomous republics, autonomous oblasts adopted no constitutions and related laws; still their activities were regulated by internal documents — in addition to laws and decrees of central authorities — and a most important role among the latter was played by acts of constitutional significance that determined the status of autonomous oblasts, structure and powers of their government bodies, issues of national self-determination, territories and borders of autonomies, etc. Though in the early Soviet period the RSFSR's constitutional legislation acknowledged the right of autonomous oblasts to adopt respective Statutes of Autonomy, virtually none of them — for various reasons — passed such acts. Like the case with any other autonomous oblast, Kalmykia's documents were fragmentary enough, this hampering the identification of acts of constitutional significance. The article concludes only a few unrelated regulatory resolutions virtually served as acts of constitutional significance that, coupled with federal ones, delineated a somewhat non-consolidated 'minor constitution' of the region.

Keywords: RSFSR, Kalmyk Autonomous Oblast, decrees of the Soviet Government, manifests, decisions of congresses, acts of constitutional significance

Особенностью конституционного развития РСФСР в 1920–1930-е гг. XX в. в сфере национально-территориального устройства государства являлось наличие нескольких уровней автономии — автономных республик, автономных областей, автономных трудовых коммун, национальных округов и национальных районов. Все они, кроме национальных районов, составляли разновидность политической автономии в виде государственно-политической (автономная республика) и административно-политической (автономная область, автономные трудовые коммуны, национальные округа).

Автономных трудовых коммун возникло только две (Немцев Поволжья и Карельская), и в 1923 г. они преобразовались в автономные республики. В 1925 г. появляется новый вид автономии — национальный округ. Национальные районы — это собственно административная автономия, своего рода уровень местного самоуправления [Кутафин 2006: 134; Иванцов 2013].

Проблемы истории государственности Калмыкии советского периода наиболее полно и обстоятельно исследованы в трудах К. Н. Максимова [Максимов 1970; 1975а; 1975б; 2002; 2013; 2016а;

2016б; 2017; Максимов, Мацакова 2016]. Также отметим работы У. Б. Очирова [Очиров 2006; 2015], О. В. Северцева [Северцев 2015а; 2015б] и публикации М. И. Мацаковой (Кичеевой) [Кичеева 2017; Мацакова 2016; 2017; Максимов, Мацакова 2016].

Однако в вышеуказанных работах подробно не рассматривается вопрос о специфике регулирования статуса Калмыцкой автономной области нормативными актами конституционного значения в совокупности федерального и регионального уровней. Общеизвестным в калмыцкой историографии является вывод о том, что Декларация прав трудового калмыцкого народа от 5 июля 1920 г. — это акт конституционного значения.

В настоящей работе рассматриваются отдельные аспекты, связанные со статусом Калмыцкой автономной области в 1920–1935 гг., связанные с нормотворчеством в конституционной сфере. Автономная область занимала как бы промежуточное положение, не являясь высшей формой национально-государственного образования, как автономная республика, но, вместе с тем, не относилась к обычному уровню самоуправления. Автономные республики имели право принимать свои основные законы — конституции и, соответственно, законодательство. В отношении автономных областей ситуация была более противоречивой, особенно на начальном этапе строительства Советского государства.

В отношении автономных областей в советский период существовала научная дискуссия о статусе автономных областей, считать ли их субъектами РСФСР (см.: [Лебедев 2013; Некрасов 2011]). Также в конституционном законодательстве РСФСР подробно не регулировался вопрос о нормотворческой деятельности автономных областей (см.: [Шармоянц 2015]).

Как отмечает М. А. Митюков, регулирование статуса автономных областей, их образование осуществлялось в конституционной форме на основе статьи 11 Конституции РСФСР 1918 г. об автономных областных союзах. При этом значительную роль играли акты местного правотворчества, выражавшие волю отдельных народов на самоопределение в автономные области. Акты высших органов власти РСФСР об образовании автономных областей начала 1920-х гг. разрабатывались также с участием представителей заинтересованных национальностей и играли учредительную роль. Многие

из этих актов по своему содержанию (но не по форме. — *Е. Г.*) являлись положениями об автономных областях. В них определялись границы и внутреннее деление возникших тогда автономных областей, конституировались их органы государственной власти и управления, формы представительства на уровне РСФСР, определялась компетенция автономных областей РСФСР по аналогии с компетенцией губернских органов. С принятием Конституции СССР 1924 г. и соответствующей ей Конституции РСФСР 1925 г. усиливается роль конституционного регулирования основ статуса автономных областей. При этом определяющее значение приобретает республиканское конституционное регулирование, т. е. на уровне РСФСР [Митюков 1979: 9–11].

В частности, М. А. Митюков также обращает внимание на то, что вопросы внутреннего устройства автономных областей должны были быть конкретизированы в специальных положениях, но они не были приняты, что существенно затрудняет анализ статуса автономных областей этого периода. «Поскольку положения об автономных областях оказались не принятыми, то законодательство о них в исследуемый период представляло собой как бы попутное явление, связанное с регулированием деятельности местных Советов вообще или иных отраслей государственного и хозяйственного строительства» [Митюков 1979: 12].

Согласно О. И. Чистякову, «почти все образовавшиеся автономии были провозглашены соответствующими актами ВЦИК, Совнаркома или их обоих. Акты центральной власти определяли форму той или иной автономии, ее территорию, принципиальную структуру органов власти и управления, основы правового статуса. И после образования автономных единиц издавались отдельные акты ВЦИК и СНК, посвящавшиеся конкретным вопросам их строительства, преимущественно уточнению территории, конструкции государственного механизма, взаимоотношениям с центром» [Чистяков 2003б: 140].

О. И. Чистяков отмечал, что если в актах об учреждении автономных республик хотя бы в общих чертах определялось их правовое положение, то в отношении автономных областей этого почти совсем не делалось. Устанавливались только границы соответствующих областей, провозглашалось, что они будут автоном-

ной частью РСФСР. «В декретах об образовании Калмыцкой, Марийской и Вотской областей прямо говорилось, что определение их правового статуса — дело будущего, разумеется, ближайшего. Эти акты обязывали специальные комиссии из представителей народных комиссариатов по делам национальностей, внутренних дел и земледелия с участием представителей от заинтересованных национальностей разработать положение о каждой автономной области. В 1920 г. эти положения еще не были подготовлены» [Чистяков 2003б: 162].

О. И. Чистяков полагал, что применительно к периоду 1917–1922 гг. с учетом недостатка нормативного и иного материала, судить о статусе автономных областей довольно затруднительно, поскольку фактическое строительство большинства автономных областей выходит за рамки данного хронологического периода. «Автономную область следует рассматривать так же, как разновидность автономного областного союза, предусмотренного ст. 11 Конституции РСФСР 1918 г. Об этом говорит хотя бы сам термин автономная область» [Чистяков 2003б: 162–163].

В связи с этим в литературе приводится пример специфики государственно-правового развития отдельных стран, существование института «малой конституции». Среди них особое значение занимают так называемые акты конституционного значения. Как правило, они принимаются в переломные, судьбоносные периоды развития тех или иных стран и носят ярко выраженный политический, во многих случаях программный характер. Вместе с тем такого рода акты регулируют и наиболее существенные, всеобъемлющие проблемы жизни общества, которые в той или иной мере могут составлять конституционную материю. Зачастую данные акты могут затрагивать лишь частично сферы конституционного регулирования и имеют временный характер [Шульженко 2000: 81–83].

Правоведы отмечают, что в РСФСР в первые годы советской власти нормы права (декреты, распоряжения, постановления и инструкции) принимались преимущественно ВЦИК и СНК РСФСР, а также создаваемыми наркоматами. Условно к «законам» можно отнести только нормативные акты ВЦИК РСФСР как высшего органа Советского государства, действовавшего между Всероссий-

скими съездами Советов. В остальных случаях «речь шла о создании подзаконных актов, то есть о таком виде деятельности, как правотворчество» [Ревина, Головина 2011: 40–41].

В связи с этим, по нашему мнению, в Калмыцкой автономной области в рассматриваемый период роль «малой конституции» региона, помимо норм Конституций РСФСР 1918 г. и 1925 г., выполняли декреты, постановления и даже инструкции советской власти, а также местные акты конституционного значения, среди которых главная роль принадлежала Декларации прав трудового калмыцкого народа 1920 г.

Если рассматривать акты конституционного значения федерального уровня, то здесь речь идет только об актах, исключая собственно нормы Конституций РСФСР 1918 г., затем 1925 г. Они могут быть разделены на:

1) общегосударственные акты РСФСР в сфере национально-го вопроса — «Декларация прав народов России», Резолюция III Всероссийского съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской Республики», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», ставшая впоследствии составной частью Конституция РСФСР 1918 г.

2) акты РСФСР непосредственно, касавшиеся определения политического и социально-экономического положения калмыцкого народа, — Постановление СНК РСФСР о новом устройстве земельного быта калмыцкого народа от 24 июля 1919 г.; Постановление совета народных комиссаров РСФСР «Об охране и восстановлении калмыцкого животноводства» от 15 октября 1919 г.; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании автономной области калмыцкого народа» от 4 ноября 1920 г.; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О границах автономной области калмыцкого народа» от 25 ноября 1920 г. [К истории образования 1960: 58–61; 82–84].

Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. непосредственно регулировала вопросы национальных отношений на таких началах, как «равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена национальных привилегий и ограничений, развитие национальных меньшинств

и этнографических групп» [Заметина 2016: 46–47]. В первые годы становления советской власти ведущая роль принадлежала процессам самоорганизации этнических общностей, поддерживаемых со стороны государства. Так, 10 июля 1919 г. было принято Постановление СНК об организации содействия калмыцкому трудовому народу в созыве всеобщего калмыцкого съезда, 22 июля 1919 г. — Обращение СНК к калмыкам [Заметина 2016: 46–47].

О. В. Северцев отмечает, что Обращение СНК к калмыкам (более известное как Ленинское воззвание) от 22 июля и постановление СНК РСФСР от 24 июля 1919 г. явились «директивными документами для калмыцких и астраханских органов Советской власти, определяющими основы национальной политики в Калмыкии» [Северцев 2015б: 109].

Как отмечал О. И. Чистяков, «наряду с политическими мероприятиями Совнарком решил насущный экономический вопрос — о земле. 24 июля 1919 г. он издал декрет „Об устройстве земельного быта калмыцкого народа“, которым объявлял земли, степи достоянием трудящихся калмыков, предоставлял калмыцкому народу самому выработать правила пользования землей, запрещал всякое неорганизованное переселение в Калмыкию. Одновременно правительство позаботилось о важнейшей отрасли хозяйства степных народов. 23 августа 1919 г. Малый Совнарком обсудил проект положения об охране животноводства в Башкирии, Киргизской и Калмыцкой степях. Уже в декрете „Об устройстве земельного быта калмыцкого народа“ Совнарком проводил идею создания национальной государственности калмыков. Здесь говорится „о будущем правительстве“ Калмыкии» [Чистяков 2003а: 84].

Другим не менее важным актом явилось Постановление Совнаркома РСФСР «Об охране и восстановлении калмыцкого животноводства» от 15 октября 1919 г. Задача данного Постановления — решение проблемы «катастрофического уменьшения поголовья скота в результате военных действий в условиях Гражданской войны. С ним теснейшим образом было связано выделение Калмыкии в самостоятельную продовольственную область на основе постановления Народного комиссариата продовольствия от 10 октября 1919 г.» [Северцев 2015б: 113–114].

По сравнению с Конституцией РСФСР 1918 г., Конституция РСФСР 1925 г. содержала специальную главу «Об автономных советских социалистических республиках и областях». Таким образом, были четко определены две формы автономии — автономная республика и автономная область. Как отмечали исследователи, «в данном отношении Основной Закон следовал не только сложившейся практике, но и общесоюзным конституционным нормам. В Конституции СССР закреплялись только эти формы автономии. Но в вопросе о том, кого Основной Закон РСФСР относил к членам Российской Федерации, большей четкости не наблюдается. В гл. 4 говорилось об автономных республиках и областях, о том же говорилось и в ст. 13. Но в ст. 2 фиксировалось, что Российская республика строится „на основе федерации национальных советских республик“» [Чистяков, Семидеркин 1976: 119].

Вопросам правового положения автономных образований была посвящена в основном глава 4 Конституции РСФСР. Для автономных республик предусматривались их собственные конституции, которые должны были утверждаться ВЦИК и окончательно Всероссийским съездом Советов. Статус автономных областей регулировался Положениями о них, которые должны были приниматься их съездами Советов и утверждаться ВЦИК [Чистяков, Семидеркин 1976: 120].

Конституция РСФСР 1925 г. (ст. 44), закрепив право съездов Советов АО принимать Положения об автономных областях и вносить их на утверждение ВЦИК, создала возможность кодификации законодательства об этом виде автономии. Однако, Съезды Советов автономных областей не воспользовались этим правом. Были лишь разработаны проекты данных Положений некоторыми автономными областями в 1930–1932 гг., а, например, Калмыцкая автономная область наряду с Северо-Осетинской представили в Отдел национальностей ВЦИК проекты Положений об областном и окружных съездах и их исполкомах [Митюков 1976: 50].

В связи с этим обратим внимание, что Резолюцией III Общекалмыцкого съезда Советов, состоявшегося 16–20 мая 1922 г. в г. Астрахани, было принято Постановление «Об органах государственной власти и управления Калмыцкой автономной области». По нашему мнению, данное постановление также имеет значение

конституционного акта наряду с Декларацией прав калмыцкого трудового народа.

Указанный документ регулировал статус и полномочия Общекалмыцкого съезда Советов, Центрального исполнительного комитета (так назывался Калмыцкий облисполком до 1926 г.), Пленума ЦИК, Президиума ЦИК, уисполкомов, волисполкомов (аймачных исполкомов) и сельсоветов, ЭКОСО [Национально-государственное 1981: 55–60].

Еще одним актом, регулировавшим права автономной области РСФСР в период районирования в составе укрупненных регионов, длительное время было постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 октября 1928 г. «О взаимоотношениях между автономными областями, входящими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти», исходящее из того, что одной из сторон в этих взаимоотношениях выступает автономия [Конституции 1940: 211–213; Кутафин 2006: 226].

Вопросам территориальной «неприкосновенности», прав «населения автономных областей на занимаемую территорию» были в свое время гарантированы специальным порядком передачи территорий указанных областей при выделении их в новую административную единицу или переходе из одной административной единицы в другую. Так, Инструкция ВЦИК и СНК от 30 января 1931 г., регулировавшая эти вопросы, предусмотрела, что «передача-прием территорий из одной автономной области в другую или из автономной области в автономную республику или в край (область) должны производиться согласительной комиссией самой автономной области» [Советы 1981: 63].

Представляется, что актами конституционного значения можно считать и Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Нижне-Волжской области» от 21 мая 1928 г., соответственно и Постановление президиума Калмыцкого облисполкома «О вхождении Калмыцкой автономной области в состав Нижне-Волжской области» от 23 мая 1928 г. [Национально-государственное 1981: 170–171], как и все последующие акты, связанные с нахождением Калмыцкой автономной области в составе Нижневолжского, а затем Сталинградского края, до преобразования в автономную республику в 1935 г.

Несомненно, роль конституционного акта принадлежит и Положению «О бюджетных правах автономных областей», утвержденному ВЦИК и СНК РСФСР от 17 августа 1925 г. [Конституции 1940: 174–175].

Согласно М. А. Митюкову, «предметы ведения органов власти в управления автономных областей устанавливались практикой по аналогии с компетенцией одноименных органов административных областей на основе общих конституционных принципов, но с учетом вхождения автономных областей в края. Поэтому объем их правомочий по конкретным вопросам хозяйственного и социально-культурного строительства несколько отличался от компетенции административных областей» [Митюков 1979: 12].

Если говорить об актах собственно Калмыцкой автономной области, то, безусловно, определяющее значение имела Декларация прав трудового калмыцкого народа от 5 июля 1920 г. [Национально-государственное 1981: 24–27]. Общепризнанным является подход, согласно которому декларации являются документами политического значения. «Именно с разработки и принятия деклараций как программных политико-юридических актов начинается процесс конституционных преобразований, <...> и конструирования новой государственности» [Логвинова 2017: 107].

Однако Декларация прав трудового калмыцкого народа так и осталась бы политическим и программным документом, если бы ее положения не были реализованы в последующих актах. Выше мы привели пример Постановления «Об органах государственной власти и управления Калмыцкой автономной области». Другой пример — Постановление I съезда Советов трудового калмыцкого народа «О создании новых судов» от 2 июля 1918 г. [К истории образования 1960: 38–39]. Если Декларация регулировала организацию представительных и исполнительных органов власти будущей автономной области, то постановления и иные акты об организации судов и правоохранительной системы принимались обособленно, что связано, видимо, с большей централизацией в указанной сфере деятельности (подробнее о судебной системе см.: [Надбитов 2013, Очиров 2015, Улюмджиева 2016]). Однако и данные акты также относятся к элементам конституционного статуса автономной области.

В связи с этим Декларацию прав трудового калмыцкого народа нельзя рассматривать в качестве единственного акта конституционного значения, хотя ей принадлежала ведущая роль. По мнению автора, в связке с другими актами, развивавшими ее положения или же оказывавшими влияние на элементы статуса Калмыцкой автономной области (например, организация судебных и иных правоохранительных органов власти, организация финансовой и хозяйственной деятельности, вхождение в область, край в период районирования), все они вместе составляли своеобразную неконсолидированную «малую конституцию» региона.

Таким образом, специфика статуса автономных областей, в частности Калмыцкой автономной области, в 1920–1930-е гг. состояла в большей регламентации актами центральных органов власти и практически неразработанностью местного регулирования, что отражало ее природу как административно-политической автономии.

Литература

- Заметина 2016 — *Заметина Т. В.* Становление конституционных основ национальной политики в 1917–1940 годах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2 (109). С. 46–47.
- Иванцов 2013 — *Иванцов И. Г.* Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924–1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Альфа-Принт, 2013. 128 с.
- К истории образования 1960 — К истории образования автономной области калмыцкого народа (октябрь 1917 – ноябрь 1920 гг.): сборник док-тов и мат-лов. Элиста: Калмиздат, 1960. 104 с.
- Кичеева 2017 — *Кичеева М. И.* Создание национальной государственности Калмыкии в форме автономной области // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра Российской академии наук – VI. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 48–50.
- Конституции 1940 — Конституции и конституционные акты РСФСР. 1918–1937 гг.: сб. док-тов под общ. ред. ак. А. Я. Вышинского. М.: Изд-во «Ведомостей Верховного Совета СССР», 1940. 299 с.
- Кутафин 2006 — *Кутафин О. Е.* Российская автономия. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 768 с.
- Лебедев 2013 — *Лебедев А. Н.* Советские государствоведы о проблемах и перспективах развития советской федерации (1918–1985 гг.) // Труды

- Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 6. С. 24–41.
- Логвинова 2017 — *Логвинова И. В.* О политико-юридическом значении деклараций // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 106–110.
- Максимов 1970 — *Максимов К. Н.* Органы государственной власти и управления Калмыцкой автономной области (1920–1935 гг.). Элиста: Республиканск. тип. управления по печати при Совете Министров КАССР, 1970. 67 с.
- Максимов 1975а — *Максимов К. Н.* Высшие органы государственного управления Советской Калмыкии (1920–1971 гг.) // Ученые записки. Сер.: Историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1975. С. 73–89.
- Максимов 1975б — *Максимов К. Н.* Государственные учреждения Калмыцкой автономной области в 1920–1935 гг. (источниковедческий и историографический обзор) // Ученые записки. Сер.: Историческая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1975. С. 54–72.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX в.). М.: Наука, 2002. 523 с.
- Максимов 2013 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: ИД «Герел», 2013. 464 с.
- Максимов 2016а — *Максимов К. Н.* Наркомнац РСФСР и нациестроительство в Калмыкии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1. С. 59–66.
- Максимов 2016б — *Максимов К. Н.* Формирование представительных органов государственной власти Калмыкии после февраля 1917 г. и на первом этапе советского строительства // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 10–18.
- Максимов 2017 — *Максимов К. Н.* Альтернативы в строительстве национальной государственности XX в. и значение их в исторической судьбе калмыцкого народа // *Magna Adurgit: Historia Studiorum*. 2017. № 1. С. 64–73.
- Максимов, Мацакова 2016 — *Максимов К. Н., Мацакова М. И.* Конституирование национальной государственности Калмыкии в форме административной автономии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 11–19.
- Мацакова 2016 — *Мацакова М. И.* «Декларация прав трудового калмыцкого народа» 1920 г. — акт конституционного значения // *Magna Adurgit: Historia Studiorum*. 2016. № 2. С. 135–141.
- Мацакова 2017 — *Мацакова М. И.* Создание национальной государственности Калмыкии в форме автономной области: некоторые аспекты

- [электронный ресурс] // Ежегодные научные чтения Калмыцкого научного центра РАН – VI. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2017. С. 48–50.
- Митюков 1976 — *Митюков М. А.* О структуре и содержании нормативного акта о правовом статусе автономной области РСФСР // Проблемы повышения эффективности правового регулирования на современном этапе. Т. 260. Вып. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. С. 49–55.
- Митюков 1979 — *Митюков М. А.* Законодательство об автономных областях: Государственно-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Томск, 1979. 21 с.
- Надбитов 2013 — *Надбитов М. В.* Развитие судебной системы в Калмыкии в первые годы советского государства (1917–1920 гг.) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2013. № 4. С. 86–88.
- Национально-государственное 1981 — Национально-государственное строительство в Калмыцкой АССР (июль 1920 – июнь 1937 гг.): сб. док. и мат-лов / сост. А. М. Джалаева и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 367 с.
- Некрасов 2011 — *Некрасов С. И.* Автономия и национальный вопрос в советском государственном праве (1917–1940 гг.) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 3. С. 106–126.
- Очиров 2006 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.) / отв. ред. А. С. Сенявский. Элиста: ЗАОр «НПП Джангар», 2006. 448 с.
- Очиров 2015 — *Очиров У. Б.* Правоохранительные и судебные органы Калмыкии в 1917–1925 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 34–42.
- Ревина, Головина 2011 — *Ревина С. Н., Головина Е. В.* Об особенностях правотворческой деятельности в РСФСР в первые годы советской власти // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 40–44.
- Северцев 2015а — *Северцев О. В.* Национальное самоопределение / науч. ред. В. Б. Убушаев. Элиста: Изд-во БНУ РК ИКИАТ, 2015. 252 с.
- Северцев 2015б — *Северцев О. В.* Правовая основа образования калмыцкой автономии (1917–1919 гг.) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2015. Т. 1. № 1 (30). С. 108–115.
- Советы народных депутатов 1981 — Советы народных депутатов. Конституционные основы организации и деятельности. М.: Наука, 1981. 382 с.

- Улюмджиева 2016 — *Улюмджиева Е. Л.* К вопросу о времени создания судебной системы в Калмыцкой степи // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 2 (47). С. 56–62.
- Шармоянц 2015 — *Шармоянц А. Н.* Становление автономных областей как субъектов нормотворческой деятельности в советский период // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 3. С. 42–48.
- Шульженко 2000 — *Шульженко Ю. Л.* Акты конституционного значения // Государство и право на рубеже веков. Мат-лы Всеросс. конф. Конституционное и административное право. М.: ИГП РАН. 2000. С. 81–86.
- Чистяков 2003 — *Чистяков О. И.* Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е, перераб. М.: Зерцало-М, 2003. 215 с.
- Чистяков 2003 — *Чистяков О. И.* Становление «Российской Федерации» (1917–1922). Изд. 2-е, репр. М.: Зерцало-М, 2003. 343 с.
- Чистяков, Семидеркин 1976 — *Чистяков О. И., Семидеркин Н. А.* Конституция РСФСР 1925 г. // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 114–120.

References

- Chistyakov O. I. The 1918 Constitution of the RSFSR. 2nd ed., rev. Moscow: Zertsalo-M, 2003. 215 p. (In Russ.)
- Chistyakov O. I. Development of the ‘Russian Federation’ (1917–1922). 2nd ed., reprint. Moscow: Zertsalo-M, 2003. 343 p. (In Russ.)
- Chistyakov O. I., Semiderkin N. A. The 1925 Constitution of the RSFSR. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1976. No. 1. Pp. 114–120. (In Russ.)
- Constitutions and constitutional acts of the RSFSR: 1918–1937. Coll. documents. Acad. A. Ya. Vyshinsky (ed.). Moscow: Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1940. 299 p. (In Russ.)
- Ivantsov I. G. Soviet forms of ‘minor autonomies’: nationality districts and municipalities in Kuban Region, 1924–1953 (a case study of Kuban Region and North Caucasus). Krasnodar: Al’fa-Print, 2013. 128 p. (In Russ.)
- Kalmyk People’s Autonomous Oblast: history of establishment revisited (Oct. 1917 – Nov. 1920). Coll. documents and materials. Elista: Kalmizdat, 1960. 104 p. (In Russ.)
- Kicheeva M. I. Establishing the nationhood of Kalmykia in the form of an autonomous oblast. *Ezhegodnye nauchnye chteniya Kalmytskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – VI*. Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2017. Pp. 48–50. (In Russ.)

- Kutafin O. E. The Russian autonomy. Moscow: TK Velbi, Prospekt, 2006. 768 p. (In Russ.)
- Lebedev A. N. Problems and development prospects of the Soviet Federation (1918–1985): opinions of Soviet constitutional lawyers. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*. 2013. No. 6. Pp. 24–41. (In Russ.)
- Logvinova I. V. On the political and legal importance of declarations. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2017. No. 2. Pp. 106–110. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Alternative ways of the 20th-century nationhood construction and their impact on the historical destinies of the Kalmyk people. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 2017. No. 1. Pp. 64–73. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Supreme government agencies of Soviet Kalmykia (1920–1971). *Uchenye zapiski*. Ser. 'History'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1975. Pp. 73–89. (In Russ.)
- Maksimov K. N. State agencies of Kalmyk Autonomous Oblast: 1920–1935 (a historiographic review). *Uchenye zapiski*. Ser. 'History'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1975. Pp. 54–72. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in the Soviet era: policies and realia. Elista: Gerel, 2013. 464 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's past and present national policies and administrative system. Moscow: Nauka, 2002. 523 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The People's Commissariat for Nationalities and nation-formation process. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. No. 1. Pp. 59–66. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Formation of Kalmykia's representative bodies of state power after the February Revolution (1917) and at the initial stage of Soviet state construction. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. No. 2. Pp. 10–18. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyk Autonomous Oblast (1920–1935): organs of state power and administration. Elista: Republ. Print House (Print Dept., KASSR Council of Ministers), 1970. 67 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Matsakova M. I. The establishment of the constitution of the national state of Kalmykia in the form of administrative autonomy. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. No. 3. Pp. 11–19. (In Russ.)
- Matsakova M. I. The 1920 Declaration of Rights of Kalmyk Working People — an act of constitutional significance. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 2016. No. 2. Pp. 135–141. (In Russ.)

- Matsakova M. I. Establishing the nationhood of Kalmykia in the form of an autonomous oblast: some aspects. *Ezhegodnye nauchnye chteniya Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN – VI*. E. P. Bakaeva et al. (eds.), E. V. Bembeev (comp.). Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2017. Pp. 48–50. (In Russ.)
- Mityukov M. A. The legislative framework of autonomous oblasts: a study in state law. A PhD thesis abstract. Tomsk, 1979. 21 p. (In Russ.)
- Mityukov M. A. An autonomous oblast within the RSFSR: structure and contents a regulatory act regarding its legal status revisited. *Problemy povysheniya effektivnosti pravovogo regulirovaniya na sovremennom etape*. Vol. 260. Is. 1. Tomsk: Tomsk State Univ., 1976. Pp. 49–55. (In Russ.)
- Nadbitov M. V. Development of Kalmykia's court system during the early years of the Soviet era (1917–1920). *Vestnik Prikaspiya: arkhologiya, istoriya, etnologiya*. 2013. No. 4. Pp. 86–88. (In Russ.)
- Nationhood construction in the Kalmyk ASSR (July 1920 – June 1937). Coll. documents and materials. A. M. Dzhalalova et al. (comp.). Elista: Kalm. Book Publ., 1981. 367 p. (In Russ.)
- Nekrasov S. I. Autonomies and the 'national question' in Soviet state law (1917–1940). *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*. 2011. No. 3. Pp. 106–126. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Kalmykia during the Russian Civil War (1917–1920). A. S. Senyavsky (ed.). Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Law-enforcement and judicial authorities of Kalmykia in 1917–1925. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2015. No. 4. Pp. 34–42. (In Russ.)
- Revina S. N., Golovina E. V. RSFSR in the early Soviet era: some features of lawmaking activities revisited. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2011. No. 2 (15). Pp. 40–44. (In Russ.)
- Severtsev O. V. National self-determination. V. B. Ubushaev (ed.). Elista: Inst. for Compreh. Res. of Arid Territories, 2015. 252 p. (In Russ.)
- Severtsev O. V. A legal basis for the establishment of the Kalmyk people's autonomy (1917–1919). *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2015. Vol. 1. No. 1 (30). Pp. 108–115. (In Russ.)
- Soviets (councils) of people's deputies: constitutional fundamentals of their structure and activities. Moscow: Nauka, 1981. 382 p. (In Russ.)
- Ulyumdzhieva E. L. To the question about the inception of the judicial system in the Kalmyk Steppe. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2016. No. 2 (47). Pp. 56–62. (In Russ.)

- Sharmoyants A. N. Development of autonomous oblasts as lawmaking subjects in the Soviet era. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*. Ser. 'Juridical Sciences'. 2015. Vol. 1 (67). No. 3. Pp. 42–48. (In Russ.)
- Shulzhenko Yu. L. Acts of constitutional significance. *Gosudarstvo i pravo na rubezhe vekov*. Conf. proc. Moscow: Inst. of State and Law of RAS, 2000. Pp. 81–86. (In Russ.)
- Zametina T. V. Formation of the constitutional foundations of the national policy in 1917–1940. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2016. No. 2 (109). Pp. 46–47. (In Russ.)

УДК 811.512.3

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-67-80

Животные в приметах монгольских народов* Animals in Superstitious Signs of Mongolic Peoples

*А. Б. Лиджиев (A. Lidzhiev)*¹

*Е. В. Ванькаева (E. Vankaieva)*²

¹ кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. Пушкина, 11). E-mail: juwali@mail.ru

Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Department of Russian Language Studies for International Students and General Humanities, Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: juwali@mail.ru

² ассистент, кафедра русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. Пушкина, 11). E-mail: vankaieva@mail.ru

Assistant Lecturer, Department of Russian Language Studies for International Students and General Humanities, Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: vankaieva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию примет монгольских народов, дается их определение, выделяются основные виды их типологизации. Традиционная народная культура обладает такой важной функцией, как прогностическое действие, которое обычно строится на преднамеренном знании,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-312-00087 «Семантические особенности зоонимов в структуре фразеологизмов монгольских языков как отражение картины мира».

а в некоторых случаях — на интерпретации получаемых извне знаков или явлений, которые требуют толкования. Подобного рода знаки могут быть «добрыми» или «дурными», их интерпретация и толкование зависит от человека и традиционной культуры.

Традиционная народная культура обладает необходимым набором инструментов для истолкования положительных или негативных сигналов и знаков, которые были накоплены и выработаны этносом на протяжении многих тысячелетий.

Цель статьи заключается в исследовании примет монгольских народов, бытующих в малых формах и являющихся отголосками древних архаичных представлений об устройстве мира. В работе рассматриваются приметы, прогностический характер которых связан с животными, птицами, насекомыми и основывается на их поведении, внешнем виде или встрече с ними.

Приметы передают устойчивые формы образного мышления и модели поведения носителей культуры, а в культурологическом аспекте наиболее адекватно и максимально широко охватывают и отображают этнолингвистическую картину мира.

Ключевые слова: приметы, паремии, монголы, калмыки, животные, птицы, насекомые

The article studies the traditional culture of Mongolic peoples, examines superstitions and dream imagery, defines and highlights their main typological patterns. Traditional folk culture performs such an important function as predictive action which is usually based on intentional knowledge and, in some cases, on externally derived signs or phenomena that require interpretation. Such signs may be 'good' or 'bad', and their interpretation depends upon an individual and his / her traditional background.

Traditional folk culture has a set of tools required to interpret positive or negative signals and signs that have been accumulated and developed by the ethnic group throughout millennia.

The article aims to investigate superstitious signs and dream imagery of Mongolic peoples mirrored in minor forms and being echoes of archaic ideas about the world structures. The paper deals with signs and night images prognostically associated with animals, birds, insects, and is based on their behavioral patterns, appearances or encounters with them.

Signs and dream images convey stable forms of creative thinking and behavioral models of cultural agents, and in the cultural aspect most adequately – and as widely as possible – cover and mirror the ethno-linguistic picture of the world. Studies of different spheres of traditional folk culture are of great interest.

Keywords: signs, paroemia, Mongols, Kalmyks, animals, birds, insects.

Статья посвящена исследованию примет у монгольских народов. Традиционная народная культура обладает таким важным признаком, как прогностическая функция, которая обычно строится на преднамеренном знании, а также на интерпретации получаемых, помимо воли человека, знаков или явлений, которые требуют толкования. В данной статье рассматриваются прогностическая, интерпретирующая и толковательная функции примет, которые чаще всего бытуют в малых формах и изучение которых находится на стыке таких наук, как этнология, фольклористика, лингвистика и культурология.

Актуальность заключается в том, что исследование примет монгольских народов находится на периферии научных изысканий и ограничено небольшим количеством статей. Приметы, очевидно, являются отголосками древних архаичных представлений об устройстве мира, которые необходимо толковать и интерпретировать в соответствии с представлениями и полученным предыдущим опытом. Поскольку толкований и интерпретаций примет существует большое множество, в данной работе анализируются только те приметы, прогностический характер которых связан с животными, птицами, насекомыми и основывается на их поведении, внешнем виде или встрече с ними.

Прежде всего, необходимо дать определение приметам. Приметы — это паремии, имеющие устойчивые словесные клише. Г. Л. Пермяков отмечает, что основная функция примет заключается в их прогностическом характере [Пермяков 1975: 268]. По форме они близки к пословицам, но отличаются от них тем, что не имеют иносказательного смысла [Шахнович 1984: 37]. Приметы делятся по тематическому принципу на хозяйственные и бытовые, охотничьи, рыболовецкие, земледельческие, скотоводческие, ремесленные, метеорологические, суеверные и естественные, не зависящие и зависящие от волеизъявления человека и пр. [Завьялова 2013: 188–189].

Необходимо выделить некоторые черты примет с языковой точки зрения, которые приводятся в работе Г. Л. Пермякова. Приметы могут быть замкнутыми и незамкнутыми: замкнутые — это паремии, клишированные от начала и до конца; незамкнутые — не полностью клишированные паремии, которые состоят из посто-

янных и переменных частей. И те и другие не допускают расширительного толкования и однозначны, являются аналитическими. Все аналитические изречения по характеристике тематик, в том числе приметы и сны, относятся к однотемным, они однозначны и говорят о чем-то одном, тогда как многотемные могут использоваться и применяться для рассказа о разных вещах [Пермяков 1975: 269].

Кроме того, приметы ситуативны, они не только используются в той или другой ситуации, но и часто сами моделируют такую ситуацию [Пермяков 1975: 268]. Приметы строятся на текущей информации, которую человек толкует или интерпретирует, в соответствии с чем моделирует свое дальнейшее поведение.

В монгольской культуре, как и в большинстве традиционных культур, большое количество примет связано с птицами. Они занимают важное место в религиозно-мифологических представлениях народов мира и часто соотносятся с символами высшего божественного начала. У многих народов бытуют представления о птице как о первопредке, поэтому птицы часто являются племенными и родовыми тотемами [Иванов, Топоров 2008: 838].

У монгольских народов существовал культ почитания птиц семейства соколиных и ястребиных, с которыми многие из них связывали свое происхождение. Обычно в качестве тотема выбирают «хороших» (божьих) птиц (орёл, лебедь, аист, голубь) [Иванов, Топоров 2008: 838], например у рода *бургэд* (монг. *бүргэд* ‘орел, беркут, сокол’). Согласно преданию, старик нашел в гнезде сокола трех мальчиков, потомки которых впоследствии образовали род *бургэд* [Очир 2016: 59]. Наименование рода *шонход* (множественное число от монг. *шонхор* ‘сокол, кречет’) также может происходить от названия тотема или рода занятий предков, которые могли разводить этих хищных птиц [Очир 2016: 259].

К птицам, считающимся «хорошими», калмыки относились с большим почтением и определенным суеверным страхом. Согласно верованиям калмыков, к таким птицам относится лебедь: он считается самой благородной птицей, которую нельзя безнаказанно трогать, на него не разрешается охотиться. На эту птицу могли охотиться только люди высшего сословия, простому же человеку, неблагородного происхождения, для охоты на лебедя предвари-

тельно необходимо было соблюсти ряд правил. В противном случае, согласно древним представлениям, не только с человеком, но и с его семьей могло произойти несчастье. Также калмыкам воспрещалось охотиться на журавлей [Душан 2016: 195–196].

Кроме того, в качестве тотема могут выступать птицы, которые во многих традициях считаются «плохими» [Иванов, Топоров 2008: 838]. Например, среди калмыков имеется род *кереитов* (от калм. *керэ* ‘ворона’), представлявший в прошлом могущественное племя, разгромленное впоследствии Чингис-ханом [Эрдниев 1985: 45]. По мнению большинства ученых, это родовое название восходит к тотему *хэрээ* ‘ворона’, представители которого жили в XI–XII вв. в районе рек Завхан, Орхон и Тола и образовали кереитское княжество. Впоследствии же тотемное название правящего рода превратилось в этноним [Очир 2016: 234–235]. Среди монгольских народов также существует этноним *шаазгай* (монг. *шаазгай* ‘сорока’), восходящий к названию птицы, которая, вероятно, является тотемом данного рода [Очир 2016: 251].

Отношение к птицам, как сказано выше, было разным: так, ойраты выделяли птиц с «хорошей вестью» и птиц-предвестников несчастья, что связано, очевидно, с тем, что птицы считались ретранслятором посланий иного мира в мир человеческий [Эрдэнэболд 2012: 73]. Так, например, филин и сова во многих традициях классифицируются как «плохие птицы», несущие угрозу или несчастья или пророчащие беду [Иванов, Топоров 2008: 838]. Такое отношение к птицам этого семейства отмечается у калмыков России и ойратов Китая, например: *uyulu dūyaru-yi sonosbal mayu iru-a* ‘если услышал крик совы, это плохая примета’ [ПМА: Надмидцерен 2017]. Стоит отметить, что подобное негативное отношение отмечено в русской культуре к сороке, так же, как и к ворону, сове и филину: «Считалось, что если сорока прокричит на крыше дома, то быть в доме покойнику» [Зиновьева 2012: 85].

Люди с древних времен верили, что птицы обладают пророческим даром и участвуют в судьбах человека, предостерегают его и т. д. [Пропп 2000: 196]. Одним из путей передачи вестей иного мира посредством птиц являются сновидения, и толкование сновидений с их участием имело особое значение. Например, если снится ворона, жди вести; если дятел стучит по дереву, тоже к ве-

сти, а явление во сне ласточки сулило особенно интересное известие. Явление во сне орла предвещало смерть близкого человека» [Эрдэнэболд 2012: 73].

У многих народов носителем новостей является сорока, с которой связано много примет и поверий. Сорока во многих культурах олицетворяет собой ловкость, хитрость, воровство и распространение молвы [Иванов, Топоров 2008: 838]. В русской культуре с сорокой связаны ассоциации, имеющие больше негативный оттенок: так в переносном значении слово *сорока* означает болтливого человека. Чаще всего это связано с женщиной: «болтать как сорока», «любопытный как сорока», а также «сорока-воровка». Последнее сравнение связано с тем, что сороки блестящие предметы несут в свое гнездо [Зиновьева 2012: 83–85]. Бытует мнение, что когда кричит сорока, она предвещает приход гостей: «сорока без причины не стрекочет; сорока гостей накликала; сорока сокочет, гостей пророчит» [Зиновьева 2012: 85].

Подобного рода представления имеются и у монгольских народов: существуют приметы, где стрекот сороки означал весть или скорое прибытие гостя [Эрдэнэболд 2012: 73]. Например: *ᠰᠠᠵᠠᠭᠠᠢ ᠰᠠᠭᠰᠢᠶᠢᠰ ᠰᠢᠨ ᠵᠢᠮᠡᠡ ᠣᠯᠵᠢ ᠰᠣᠨᠣᠰᠨᠣ* ‘если сорока стрекочет, то будут новости’ [ПМА: Иредуй 2016]; *ᠰᠠᠵᠠᠭᠠᠢ ᠰᠠᠭᠰᠢᠪᠠᠯ ᠭᠠᠶᠢᠴᠢ ᠢᠷᠨᠡ* ‘если сорока стрекочет, то придет гость’ [ПМА: Уйхан 2018].

В китайской культуре крик сороки также, вероятно, ассоциируется с новостями, чаще с положительными, поэтому в китайской культуре сорока приносит людям радость: китайцы считают, что крик сороки — это предвестие грядущих радостных событий [Доннова 2009: 78].

У ойратов Синьцзяна имеются приметы с упоминанием сороки, сулящие негативные последствия, например: *elie-e ᠰᠠᠶᠠᠵᠠᠭᠠᠢ alabal endel osol tayaralduᠭu-yin temdeg (ᠰᠠᠶᠠᠵᠠᠭᠠᠢ alabal sar-a dayan sayin ügei. elie-e alabal egüride ben sayn ügei gedeg)* ‘если убить коршуна или сороку, то непременно будут неудачи и несчастья’ (если убить сороку, то месяц не будет ничего хорошего, коршуна убить — всегда будет плохо) [ПМА: Надмидцерен 2017].

Существуют предостережения и относительно птичьей кладки, так, например: *büseḡüi küm̄en ᠰᠢᠪᠠᠭᠤᠨ öndege abubal keüken ni ᠶᠠᠷᠵᠢ irekü ügei berke küngcilde bolna* ‘если женщина возьмет (за-

берет) птичьы яйца, то не сможет иметь детей, или ей будет тяжело иметь детей' [ПМА: Надмидцерен 2017]; и *keüken šibaγun ödö ber naγadbal tügerikü-yin temdeg* 'если дети играют птичьими перьями, значит, они заблудятся' [ПМА: Надмидцерен 2017].

Нельзя трогать журавлиные яйца и птенцов: если дети приносили домой журавлиные яйца, родители обязательно заставляли вернуть их обратно, поскольку у калмыков считалось, что журавли наделены способностью заклинать. Также калмыки были уверены, что заклинания журавлей непременно достигают своей цели [Душан 2016: 196].

Кроме того, птицы считались «хорошими метеорологами», по поведению которых можно было определить изменения погоды, например, приближение дождя, снега, наводнений, бурана, пурги и прочих атмосферных изменений и стихийных бедствий. У многих народов имеется такая примета: если ласточки низко летают, скоро будет дождь. В примете сообщается об изменении поведения ласточек перед наступлением дождя [Пермяков 1975: 270]. Данная примета имеет монгольский эквивалент: *xariyacaï dooγur nisbel xur-a orno* 'если ласточка летает низко, будет дождь' [ПМА: Уйхан 2018].

Самыми многочисленными и распространенными являются метеорологические приметы, основанные на многовековом опыте наблюдений за природными изменениями, поведением птиц, животных и насекомых. Наиболее достоверными являются наблюдения, отмеченные у многих народов. Это явления неживой природы, например: *odo arbin bol margašiyin tenger sayin bolhu* 'звезд много — завтра погода будет хорошей' [ПМА: Иредуй 2016]; или метеорологическая примета: *γaraha nara / šingehü nara ulayabal / tenger γangna* 'если на восходе / закате солнце краснеет, то будет засуха' [ПМА: Иредуй 2016].

Также можно привести суеверные приметы, которые нельзя объяснить очевидными фактами, например: *habur-un aγur-un edör mal usulažu bolhu ügei, habur-un aγur-un edör tunggulagu sayihan bol. tümen bodis amilna* 'если в день весеннего равноденствия не поить скотину, то день весеннего равноденствия будет ясным. Десять тысяч живых существ оживет' [ПМА: Иредуй 2016]; или *zun aγur-un edür boroγan dusulbal modon toloyoi šitan-a* 'если в день лет-

него солнцестояния пойдет дождь, макушки деревьев сгорят (заявнут)’ [ПМА: Иредуй 2016].

Примета может отражать правильные или неправильные наблюдения, поэтому их делят на верные и неверные. Примета считается достоверной, если события или явления коррелируют по времени, предшествуют или повторяются одно за другим, тогда как ложная часто основывается на несуществующих или ирреальных связях [Завьялова 2013: 188–189].

В народном сознании прочно закрепилось мнение, что животные и птицы являются безошибочным индикатором изменения погоды. Например: *ebül caγ bilžuyā nige dōr cuyurbal casu unan-a — tenger maγudaγu* ‘если зимой пташки внизу собираются, пойдет снег и погода испортится’ [ПМА: Иредуй 2016]; *olan nohoi cuglaraju kelkeldebel salki sigurgan bolhu-yin temdeg* ‘если много собак собирается, то быть пурге’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

Конечно, можно предположить, что поведение животных и птиц не всегда может свидетельствовать об изменении погоды и может заслуживать доверия. Например, *takia nege köl-iyar-yin zogsobal kuiterekü temdeg* ‘если курица стоит на одной ноге, это признак того, что похолодает’ [ПМА: Надмидцерен 2017]; *moγai zam-iyg köndelen γatabal boroyā oron-a* ‘если змея переползет дорогу, будет дождь’ [ПМА: Иредуй 2016]. Или другой пример: по наблюдениям монголов, опережая всех перелетных птиц, прилетает ворона. Если ворона покружится над юртой по кругу солнца, лето будет хорошим [Эрдэнэболд 2012: 73–74].

Мифологические представления монгольских народов часто связывают змею с водным началом: у калмыков ее отождествляют с духом воды, которому приносят жертвоприношение на праздник *усун-аршан* [Басангова 2016: 77].

Нечто подобное отмечается и у монголов, которые также считают змей водными существами [Эрдэнэболд 2012: 60]. Калмыки почтительно относились к змее, считали ее божеством: встреча со змеей считалась хорошим предзнаменованием, способным существенным образом изменить жизнь человека. О таком человеке быстро разлеталась молва, говорили, что в его доме поселится счастье «*кишиг*», что он счастливый человек [Басангова 2016: 75].

Буряты также проявляли почтительное отношение к змее: если буряты видели змею, то подносили ей белую пищу, т. е. молочную, демонстрируя таким образом уважительное отношение [Козлова 2015: 291]. Хорошей приметой считались случаи, когда человек видел скопление змей в одном месте в брачный период, что, согласно верованиям, сулило богатство и удачу [Эрдэнэболд 2012: 61].

В свою очередь, отсутствие змей в местах традиционного обитания считалось плохой приметой, и люди специально выезжали на их поиски [Эрдэнэболд 2012: 61]. Интересно отметить примету, встречающуюся у монголов Ордоса: *могай жихи яawsар yawdal urtudana* ‘если змея ползет извиваясь (не прямо), то дорога удлинится’ [ПМА: Иредуй 2016]. Хорошей считалась следующая примета: *могай жүгүдлеbel sayin ucir dokiyalna* ‘если во сне увидеть змею, это хорошая примета’ [ПМА: Иредуй 2016]. Поскольку одним из путей передачи вестей считаются сновидения, толкованию сновидений всегда придавалось особое значение. Так, например: *мога ger-tü oroži irebel baayizhin-a* ‘если змея заползет в дом, это к богатству’ [ПМА: Надмидцерен 2017]; *могай zegüdülebel // emegtei dabhur bolba* ‘если во сне увидеть змею, то жена забеременеет’ [ПМА: Иредуй 2016].

В работах, посвященных приметам, крайне мало внимания уделяется исследованию насекомых, несмотря на то, что в культурах народов мира они занимают важное место. В мифологии и культуре монгольских народов насекомым отводится заметная роль, но не самая главная.

Инсектонимы используются в приметах, чаще в метеорологических. В то время как активность животных и птиц снижалась, поведение насекомых активизировалось. Например, *širgolži telebčileben boroya oron-a* ‘муравьи собираются — будет дождь’ [Иредуй 2016]; *širgolži yaγarabal xur oron-a* ‘если муравьи торопятся (бегают), будет дождь’ [ПМА: Уйхан 2018].

У ойратов Синьцзяна бытуют приметы: *šimaγul aridbal boroyaŋ orohu-yin temdeg* ‘много комаров — будет дождь’ [ПМА: Надмидцерен 2017]. С изменением погоды в культуре монгольских народов также связано поведение бабочек: *erbexi arbidubal — salxilhu* ‘если много бабочек, то будет ветер’ [ПМА: Иредуй 2016].

С насекомыми связаны не только метеорологические приметы, но довольно часто и прогнозы бытовых и хозяйственных явлений. Например, у ойратов Синьцзяна бытует примета: *čigiy-in ulayan xorxoi-bar nayadabal šigereng bolhu-yin temdeg* ‘если играть с дождевым червем, то часто будешь писаться’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

Важное место в культуре многих народов занимает паук, приметы про которого возникли на основе многолетних наблюдений. Постепенно была установлена определенная связь между поведением арахнидов и дальнейшими событиями в доме. Согласно представлениям многих народов, паук приносит вести. Например, в мордовской мифологии существует примета: паук вниз спускается — к плохой вести, вверх — к хорошей. Также есть поверье: если в доме много пауков, то дом гостеприимный [Пивкина 2016: 89].

У калмыков бытует представление: когда паук спускается, это означает приход гостя. В свою очередь, по цвету паука можно узнать, какой гость: если это будет желтый паук, то гость будет светлолицый, и, напротив, если темный, значит, смуглолицый [Басангова 2016: 155].

Если гость придет издалека, то и паутина будет длинной. Паука, который спускается, категорически нельзя убивать, нельзя также обрывать паутину, так как паук является проводником, который связывает миры: нижний, средний и верхний [Басангова 2016: 156].

У ойратов Синьцзяна также существует такая примета: *ger-tu ayalza bayazu irebel žočin irekü-yin temdeg (hulun bayir)* ‘если в доме увидели, (что спускается) паук, придет гость’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

По представлениям калмыков, паук может воплощать душу человека. В случаях, когда видели, как из носа спящего человека выползал паук, полагали, что убийство паука — это большой грех и преступление, так как паук, согласно поверьям, является воплощением души спящего [Душан 2016: 220].

Напротив, у монголов к паукам отрицательное отношение, например: *аалз харвал алж бай, агримба харвал мөргөж бай!* ‘увидишь паука — дави, увидишь монаха — молись’ (паук считается самым несправедливым жалким существом, которое растет за счет поедания матери) [БАМРС 2001: 7].

Не столь категоричное, но подобное отношение отмечено и у ойратов Синьцзяна: *аралжиг алн тоньлhdг, бадрчиг өгн тоньлhdг* ‘от паука избавляются, убив его, от странствующего монаха — подав милостыню’ [ППЗКРОК 2007: 611].

В культуре монгольских народов существует большое количество примет, связанных с домашними животными. Например, интересно отметить монгольскую примету, которая бытует у многих народов: *тиур ниур уйн уйуабал уййисе ирне* ‘если кошка умывает лицо, то придет гость’ [ПМА: Уйхан 2018]. Она также зафиксирована и у калмыков: «Если кошка умывает лицо, то эта примета, что будут гости. Эта примета распространена у многих народов, в том числе и у русских» [Душан 2016: 211–213].

Стоит упомянуть, что у калмыков считается неприятной новостью, если скотина приносит в приплоде двойню. Это относится к лошадям и коровам: их отдают в хурул, а приплод убивают — отдают на съедение собакам или закапывают живьем. В основе ее лежит представление, что двойня у лошади служит признаком того, что животное быстро вырастет, будет обладать твердыми, как железо, и острыми, как бритва, копытами, которые могут нанести вред хозяину. Исключение составляют верблюды, если имеется двойня, то это является самым хорошим предзнаменованием [Душан 2016: 205–207].

Стоит отметить, что у ойратов Синьцзяна, напротив, рождение двойни у коровы считается хорошей приметой: *üker ikir туyullabal ögedelekü-yin temdeg* ‘если корова приносит двойню, это признак улучшения’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

В культуре монгольских народов отмечается положительное отношение к собакам: у ойратов она считается членом семьи, хранителем очага, в празднование Цаган-сара ей готовили специальное угощение, заводили в кибитку и кормили досыта [Эрдэнэболд 2012: 57].

У калмыков существует поверье, что в собак обычно переселяются души безгрешных людей: часто это бывают души близких родственников, которые оберегают и охраняют своих родных. По этой причине убийство собак приравнивалось к убийству людей [Душан 2016: 226–227]. В свою очередь, если собака скулит, часто это является плохим предзнаменованием. Например, *bituu suni*

nohai arwin xuyasar aild muu uċir irne ‘если всю ночь собака долго лает, то в айле будет беда’ [ПМА: Иредуй 2016]; или *nohai uliwal muu irwa* ‘собака скулит к беде’ [ПМА: Иредуй 2016]; когда скулит собака, это может служить предзнаменованием бескормицы: *nohai ügikebel zud bolon-a* ‘если собака воет, будет зуд’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

Представители монгольских народов давно уже обратили внимание на особое поведение, или необычное беспокойство, домашних животных перед землетрясением или другими природными бедствиями. Так, например, у монголов имеется примета: *γahai nohai γasalbal γazar ködelne* ‘если свинья и собака воют, то будет землетрясение’ [ПМА: Надмидцерен 2017].

Таким образом, приметы отличаются четкой прогностической однозначностью, толкования которых являются позитивными или негативными, хорошими или плохими и т. д. Интерпретация примет в традиции монгольских народов строится на характере поведения животных, птиц и насекомых, которые считаются носителями определенной информации и обладают признаками, которые трактуются как предостережение, совет, в некоторых случаях — запрет или разрешение, позволяющие человеку выработать дальнейшую линию или модель поведения.

Литература

- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. I. М.: Academia, 2001. 485 с. ’
- Басангова 2016 — *Басангова Т. Г.* Паук в фольклорной традиции калмыков // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 154–159.
- Донова 2009 — *Донова О. В.* Сопоставление символов в культурной семантике фразеологизмов китайского и русского языков // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3 (15). С. 78–82.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с. (Серия «Manuscriptum Orientalica»).
- Завьялова 2013 — *Завьялова Е. Е.* Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. 2013. № 2. С. 187–193.
- Зиновьева 2012 — *Зиновьева Е. И.* Орнитоним сорока в русском языке и культуре: универсальное и национально-специфичное // Мир русского слова. № 4. СПб.: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2012. С. 82–86.

- Иванов, Топоров 2008 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Птицы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 2008 (Советская энциклопедия, 1980). С. 837–840. [электронный ресурс] // URL: https://archive.org/details/Myths_of_the_Peoples_of_the_World_Encyclopedia_Electronic_publication_Tokarev_and_others_2008 (дата обращения: 15.11.2018).
- Козлова 2015 — *Козлова Н. К.* Убить змею — душеспасительное ли дело? // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10. С. 287–294.
- Очир 2016 — *Очир А.* Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Пермяков 1975 — *Пермяков Г. Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 247–274.
- Пивкина 2016 — *Пивкина С. В.* Роль насекомых в эрзянской народной традиции // Вестник Марийского университета. 2016. Т. 10. № 2 (22). С. 88–90.
- ППЗКРОК 2007 — Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: Джангар, 2007. 839 с.
- Шахнович 1984 — *Шахнович М. И.* Приметы верные и суеверные: Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия. Л.: Лениздат, 1984. 190 с., ил.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2012. 196 с.
- Эрдниев 1985 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. 3-е изд., доп. и перераб. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 282 с.

References

- Basangova T. G. The spider in the folklore tradition of the Kalmyks. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016. Is. 2. Pp. 154–159. (In Russ.)
- Donova O. V. Symbols in cultural semantics of Chinese and Russian phraseologisms: a comparative perspective. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2009. No. 3 (15). Pp. 78–82. (In Russ.)
- Dushan U. D. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2016. 376 p. (Ser. 'Manuscriptum Orientalica'). (In Russ.)
- Erdenebold L. Traditional beliefs of the Oirat Mongols (late 19th – early 20th cc.). Ulan-Ude: Buryat Sc. Center (Sib. Br. of RAS), 2012. 196 p. (In Russ.)
- Erdniev U. E. The Kalmyks: historical and ethnographic essays. 3rd ed., rev.

- and suppl. Elista: Kalmyk Book Publ., 1985. 282 p. (In Russ.)
- Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. I. Moscow: Academia, 2001. 485 p. (In Mong. and Russ.)
- Ivanov V. V., Toporov V. N. The Birds. *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [Myths of the World: encyclopedia]. Online ed.. Moscow, 2008 (Reprint: Sovetskaya Entsiklopediya, 1980). Pp. 837–840. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 15 November 2018). (In Russ.)
- Kozlova N. K. To kill a snake — whether it a soul-winning business? *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 10. Pp. 287–294. (In Russ.)
- Ochir A. Mongolian ethnonyms: origins and ethnic structures of Mongolic peoples revisited. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2016. 286 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Historical roots of the magic fairy tale. Moscow: Labirint, 2000. 336 p. (In Russ.)
- Permyakov G. L. Structure of the paremiological fund revisited. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 247–274. (In Russ.)
- Pivkina S. V. Role of insects in the Erzya folk tradition. *Vestnik Mariyskogo universiteta*. 2016. Vol. 10. No. 2 (22). Pp. 88–90. (In Russ.)
- Russia's Kalmyks and China's Oirats: proverbs, sayings and riddles. Elista: Dzhangar, 2007. 839 p. (In Kalm. and Russ.)
- Shakhnovich M. I. Truthful and superstitious beliefs: atheistic essays on folk wisdom and household superstitions. Leningrad: Lenizdat, 1984. 190 p. (In Russ.)
- Zavyalova E. E. Superstitious beliefs as a folklore genre: an experience of systematization. *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvoznaniya*. 2013. No. 2. Pp. 187–193. (In Russ.)
- Zinovieva E. I. The ornithonym 'magpie' in Russian language and culture. *Mir russkogo slova*. No. 4. St. Petersburg: Society of Russian Language and Literature Teachers, 2012. Pp. 82–86. (In Russ.)

Полевые материалы автора

- Ирэдуй, 1992, монгол, ордосец, АРВМ КНР. Зап. 09.06.2016.
- Надмидцерен, 1994, ойрат, торгоут, СУАР КНР. Зап. 20.12.2017.
- Уйхан, 1993, монголка, АРВМ КНР. Зап. 24.03.2018.

Author's Field Materials

- Iradui, b. 1992, Mongol, Ordos, Inner Mongolia Autonomous Region, PRC. Recorded on 9 June 2016.
- Nadmitseren, b. 1994, Oirat, Torghut, Xinjiang Uighur Autonomous Region, PRC. Recorded on 20 December 2017.
- Wuhan, b. 1993, Mongol, Inner Mongolia Autonomous Region, PRC. Recorded on 24 March 2018.

УДК 94(47).081-082

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-81-107

**К. И. Костенков о традиционном хозяйственном укладе
Калмыцкой степи**

**K. I. Kostenkov about the Traditional Economic Structure
in Kalmyk Steppe**

*Рязжев А. С. (A. Ryzhev)*¹,

*Долеева А. О. (A. Doleeva)*²,

*Топалова Д. Ю. (D. Topalova)*³

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: riazhev@yandex.ru
Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Ethnology and Archaeology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: riazhev@yandex.ru

² младший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: aisasarpa10@mail.ru
Junior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: aisasarpa10@mail.ru

³ научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: delya.top@yandex.ru
Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: delya.top@yandex.ru

Аннотация. Публикация посвящена проблематике изучения окраинных территорий России, развивавшейся в общественной мысли пореформенной эпохи. Подобное изучение стало реакцией российского общества на быстрый процесс исчезновения так называемых внутренних окраин — регионов российского

Востока, сохранивших со времени вхождения в состав государства известную автономию и своеобразие хозяйственно-бытового уклада. Ниже представлен фрагмент труда К. И. Костенкова «Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии» (СПб., 1868), со времени выхода вошедшего в классику калмыковедения. Публикуемый фрагмент четвёртой главы книги содержит характеристику скотоводства — основной отрасли традиционного калмыцкого общества. Данный фрагмент является в книге ключевым: он даёт представление о подходах и методологии, складывавшихся тогда в отечественной науке в сфере как историко-этнологических, так и социологических исследований, затрагивавших сельское хозяйство страны как основу традиционной культуры в целом.

Ключевые слова: Россия, пореформенная эпоха, «внутренние окраины», калмыковедение, К. И. Костенков, общественная мысль, историко-этнологические исследования, социология, сельское хозяйство, скотоводство

Abstract. The work deals with studies of Russia's peripheral territories that advanced within social discourse during the post-reform era. Those were a reaction of Russian society to the rapid disappearance of so called 'internal peripheries' — regions of the Russian Orient that had retained a certain level of autonomy and characteristic economic lifestyles since their annexation by the Russian state. The paper contains an excerpt from *Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: a Statistical and Economic Description* (St. Petersburg, 1868) by K. I. Kostenkov that has become a classic of Kalmyk studies. The published fragment of Chapter Four characterizes livestock breeding practices — a major economic sector of traditional Kalmyk society. The fragment is actually a key one since it provides an overview of approaches and methods that took shape in national science — including history, ethnology, and sociology that touched upon domestic agriculture as a basis of traditional cultures in general — during the period under consideration.

Keywords: Russia, post-reform era, 'internal peripheries', Kalmyk studies, K. I. Kostenkov, social discourse, historical and ethnological studies, sociology, agriculture, livestock breeding

Пореформенная эпоха отечественной истории отмечена целым рядом масштабных общественно-политических процессов. Одним из них была ликвидация «внутренних окраин» — вовлечение в общероссийский уклад регионов юга и востока, сохранивших хозяйственное, этническое, культурное своеобразие со времени их включения в состав Российского государства. Она сопровождалась укреплением их транспортной связности с сопредельными и

отдалёнными частями империи, усилением социальных и хозяйственных связей с центром и наиболее развитыми областями страны, вовлечением в единый хозяйственный оборот природных и демографических ресурсов, накопленных на данных территориях на протяжении Нового времени.

Как следствие, в российском обществе сформировался стойкий интерес к жизни осваиваемых земель. В ответ появились историко-этнологические исследования, характеризовавшие прошлое и настоящее российских окраин. Среди них был и труд К. И. Костенкова [Костенков 1868], получивший известность с момента своего выхода и наряду с другими публикациями автора вошедший в состав историографической классики калмыковедения [Костенков 1869а; 1869б; 1870].

Поводом к появлению сочинения стала Кумо-Манычская экспедиция 1861–1862 гг., организованная Министерством государственных имуществ и возглавляемая именно автором [Калмыцкая степь 1868]. Он указал, что книга представляет собой извлечения из отчёта экспедиции, дополненные материалами сочинений по истории северных прикаспийских земель и Волго-Донского междуречья, а также российского законодательства XVII–XIX вв. о калмыцком народе. Структура работы и содержание её частей были аналогичны отчёту. Текст включал пять глав, содержащих физико-географическое описание калмыцких кочевий, традиционные маршруты кочёвок, состояние степного народонаселения и традиционного хозяйства. Пятая, заключительная, глава предлагала вниманию читателя рекомендации по улучшению хозяйства и благосостояния калмыков, основанные на личном опыте автора.

К. И. Костенков не был первооткрывателем калмыцкой тематики в российской историко-этнологической и социологической литературе того времени. Сам автор опирался на работы калмыцкого пристава Н. И. Страхова, в своё время известного литератора, и П. И. Небольсина, этнографа, видного деятеля Императорского Русского Географического общества [Страхов 1810; Небольсин 1852]. Упомянул он и сведения о калмыках в «Письмах о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма» — публицистическом отчёте о путешествии по России

наследника Николая Александровича (1843–1865 гг.), старшего из сыновей императора Александра II [Бабст, Победоносцев 1864].

Эта книга в своё время вызывала широкий интерес, став важным памятником общественной мысли своего времени (и потому неоднократно переиздана и в наши дни). Кроме того, российский читатель был знаком с трудами иеромонаха Иакинфа (Н. Я. Бичурина) и других авторов [Иакинф 1834; Нефедьев 1834; Исторический обзор 1844]. Однако работа К. И. Костенкова, занимавшего в своё время пост главного попечителя калмыцкого народа [Костенков 2006], выделялась на этом фоне отнюдь не только в силу скудости соответствующей литературы. Она явилась первым опытом комплексного изучения калмыцкого этноса, и в этой связи её значение трудно переоценить.

Ниже представлен фрагмент сочинения, извлечённый из четвертой — центральной — главы книги, носящей заголовок «Положение хозяйства и промышленности в Калмыцком народе». Основное место в нём занимает очерк развития скотоводства, до сих пор не потерявший своего научного значения. Публикация данного очерка здесь продиктована необходимостью сделать его доступным современному читателю и заново ввести оригинал в сферу историко-этнологических исследований традиционной культуры. В целом же накопленный в науке опыт нового прочтения известных и изданных источников заставляет задуматься и о переиздании работ К. И. Костенкова в сопровождении научно-справочного аппарата, отвечающего достигнутому уровню науки.

В современной научной литературе автора принято относить к официальному направлению историографии, сформированному трудами и исследованиями практиков: чиновников, представителей административной, военной, полицейской сфер — творцов и участников государственной политики. Воззрения, свойственные подобной среде, К. И. Костенков разделял в полной мере. Отсюда, в частности, в цитируемом отрывке фигурируют «*бакерос*» (*vaqueros*) — ковбои тогдашнего пограничья между Северо-Американскими Штатами и Мексикой. В общественном сознании эпохи они были непревзойдёнными виртуозами пастушеской техники, а именно: обращения с лошадью и лассо, и неслучайно, что в сюжете о лихих наездниках-калмыках автор уподобляет их имен-

но «бакерос»: известной части российского чиновничества, как и образованных сословий в целом, была свойственна тенденция вести аналогии между романтизированными чертами западного колониализма и реалиями русских окраин. Но отсюда и негативизм в отношении традиционного уклада жизни простонародья, скепсис касательно перспектив рационализации скотоводства и морального прогресса в традиционном обществе, также в полной мере проявленные в публикуемом фрагменте.

Все постраничные примечания принадлежат К. И. Костенкову, им же сделаны сохраняемые публикаторами выделения курсивом слов и выражений. Все сокращения автора, за исключением общепринятых (г. — господин, р. — река) раскрыты либо приведены к ныне применяемому виду (гор. — город, руб. — рубль, коп. — копейка), текст дан с соблюдением современных норм русского языка — орфографических, пунктуационных, стилистических и других.

«Положение хозяйства и промышленности в Калмыцком народе» (из четвёртой главы книги, с. 124–140)

В калмыцком хозяйстве единственным источником богатства служит скотоводство, но оно, к сожалению, никогда не представляло верной гарантии для прочного народного благосостояния. Хозяйство это, как велось двести лет тому назад, так ведется и в настоящее время: ни по улучшению, ни по сбережению своих стад, калмыки до сих пор не сделали ни одного шага вперед. Правда, что теперь калмыки имеют громадное количество скота, но кто может поручиться за долговременность его существования. Не говоря уже том, что почти ежегодно гибнет по несколько тысяч голов скота от болезней, шурганов и бескормицы, припомним только страшную зиму 1798 года, когда калмыки потеряли более полумиллиона голов, и, не успев оправиться от такого удара, в тринадцатых годах нынешнего столетия снова лишились почти половины своих стад¹. Кроме того, не следует забывать, что кал-

¹ В одном Малодербетовском улусе погибло: 13 025 лошадей, 2 881 верблюд, 44 218 овец и коз и 13 900 штук рогатого скота; потеря скота в прочих улусах была тоже громадная. (Дело Архива Калмыцкого Управления 1830 г. № 7892).

мыки, при отсутствии капиталов, могут пополнять убыль своего скота только путем естественного приплода. На основании сказанного можно смело утверждать, что скотоводство калмыцкого народа при существующих условиях никогда не достигнет цветущего состояния.

Еще в начале нынешнего столетия главный пристав калмыцкого народа Н. А. Страхов (правильно — Н. И. Страхов. — *A. P.*) заметил², «что калмыцкий народ, по приносимым хозяйственным пользам, заслуживает внимания правительства, обращая миллионы десятин земли бесплодной и иссушенной солнцем в миллионные табуны и стада, пустую степь в надежный и богатый конный и скотный двор для целой России», но, к сожалению, на слова Страхова не было обращено тогда внимания. Только весьма недавно стали убеждать калмыков в необходимости заготовки сена на зиму для корма скота и развивать в них охоту к улучшению пород; с этой целью и учреждены ежегодные выставки скота и конские скачки; но мы увидим ниже, насколько эти меры приносят пользы народу.

Для сравнительной оценки калмыцкого скотоводства в разные периоды времени я мог бы прибегнуть к официальным цифрам, но я не решаюсь приводить их и делать из них какие-либо выводы, зная по опыту, как мало можно иметь доверие к этим официальным данным. Для необходимых только соображений я привожу собранные в улусах сведения о приблизительном количестве скота, находившегося у калмыков в 1863 году:

Количество скота	Верблюдов	Лошадей	Рогатого скота	Овец	Коз	Итого
Принадлежащего:						
Владельцам	160	3 150	10 201	11 221	30	24 762
Зайсангам	2 100	10 940	12 123	72 053	1 005	98 221
Духовенству	740	5 000	4 437	41 387	230	51 794
Простолодинам	18 900	95 600	116 584	678 280	11 447	915 811
Итого	16 900	114 690	143 345	802 941	12 712	1 090 588

² «Нынешнее состояние калмыцкого народа», Соч. Н. Страхова 1810 г., с. 42.

По улусам это количество скота распределялось следующим образом:

Название улусов	Количество принадлежащего скота			
	Владельцы	Зайсанги	Духовенство	Простолюдины
Малодербетовский	950	54 900	25 350	140 400
Харахусо-Эрдениевский	2 035	16 130	2 437	25 350
Хошоутовский	12 624	409	8 013	116 126
Багацохуровский	—	3 130	1 148	67 570
Яндыковский	—	2 182	4 470	47 348
Эркетеневский	—	4 660	765	71 635
Икицохуровский	—	9 783	4 571	36 840
В Мочагах	155	6 695	5 040	40 498

При средней цене за верблюда 30 руб., за лошадь — 20 руб., за штуку рогатого скота — 10 руб., за овцу — 2 руб., и за козу — 1 руб. 50 коп. весь калмыцкий скот может быть оценен приблизительно в 5 352 200 рублей.

Посмотрим теперь, в каких числовых отношениях находится количество скота к населению и к пространству земли.

По последней переписи калмыцкому народу в 1862 году числилось:

Владельцев	41 душа обоего пола.
Зайсангов	3 113 душ
Простолюдинов	115 260
Духовенства	1 452 мужского пола
	А всего: 119 866 душ обоего пола

Таким образом, на каждую душу приходится средним числом по 9 голов скота. Всё калмыцкое население пользуется в настоящее время пространством земли в 7 466 343 десятин 1 996 саж³.

³ В этом числе заключается 7 128 352 десятин нагорной степи и 337 991 десятин 1 990 саженой на луговой стороне р. Волги, занятой кочевьем Хошоутовского улуса; смежным же с ним участком степи, известным под названием «общего очередного кочевья всех улусов», калмыки, как выше связано было (глава 1-я), не пользуются.

Исключить из этого количества ровно половину пространства, занятого солончаками, песками и озерами, на каждую голову скота получится удобной земли около 3½ десятин.

В заключение моего отчета я объясню более подробно, достаточно ли земли для калмыцкого скотоводства, может ли оно при настоящих условиях увеличиваться и представляется ли наконец какая-либо возможность улучшить степь для пастьбы скота: теперь же мы займемся вопросом, какую существенную пользу приносят калмыкам разводимые ими породы скота, именно: верблюды, лошади, рогатый скот и овцы.

Верблюды у калмыков все вообще двугорбые, и только несколько штук одnogорбых, как редкость, имеет владелец Хошотовского улуса. Нет сомнения, что предпочтение двугорбым верблюдам отдается потому, что они более удобны для навьючивания. Животное это, по справедливости названное кораблем пустыни, необходимо в кочевом быту калмыка: оно служит для передвижения по степи, перевоза на спине своей войлочную кибитку калмыка, заменяющую ему дом, и всё его имущество (*хурду-мурду*). Груз, поднимаемый верблюдом, доходит, по рассказам калмыков, до невероятной цифры — около 120 пудов; однако же на четырех бывших выставках скота самый сильный верблюд (самец 11 лет) поднял только 87 пудов 3 фунта. Из всех животных верблюд более удобен для навьючивания, потому что сам ложится на землю, следовательно, нет надобности высоко поднимать тяжести; кроме того, он может ходить и в упряжи, но только она скоро его утомляет и при этом он не может везти большой тяжести, так как упряжь обыкновенно приспособляется к переднему его горбу и слабо развитой груди.

Довольствуясь самой скудной пищей, своей любимой колючей травой (*Alhagi Camelorum F.*), по калмыцки «*цегрик*», употребляя в питье всякую воду — солёную, горькую, застоявшуюся и испорченную, верблюд составляет неоцененное животное для кочевника, собственно в отношении передвижения. Но, как статья доходная, он стоит ниже других пород скота: во-первых, верблюды недолговечны и распложаются весьма медленно — матка носит зародыш тринадцать месяцев; во-вторых, они не могут переносить сильной стужи и потому во время больших морозов калмыки

обыкновенно держат их в пополах (*нэшинэ*); в-третьих, при снежных зимах верблюды лишены средств без посторонней помощи отыскивать себе подножный корм, потому что не в состоянии разгребать снег своими бескопытными лапами, и наконец, по неуклюжести своей верблюды, или, как его называют, адамова овца, не в силах защитить себя от волков, нападению которых он очень часто подвергается.

Верблюдицы дают весьма мало молока: менее одного штофа в сутки. Молоко это калмыки употребляют для приправы своего кирпичного чая. Перед доением необходимо припускать молодого верблюжонка, иначе верблюдка не даст молока. По достижении верблюжонком одного года, ему прокалывают верхнюю губу и продевают в неё кольцо (*буули*) из шерстяной верёвки, чтобы не зарастало отверстие, в которое после того продевается шерстяной повод (*бурунтык*) с большим узлом на конце. *Бурунтык*, удерживаясь этим узлом в губе, служит для управления верблюдом и заставляет его, по слову «*цога*», ложиться и вставать; при следовании караваном *бурунтык* привязывается к шее или к хвосту предыдущего верблюда. Трудно придумать более варварскую упряжь: в какой мере должны страдать от неё бедные животные, надо видеть, как иногда калмык неистово дергает за *бурунтык*, отчего у многих из верблюдов губы ниже переносицы постоянно разорваны и покрыты гноем и кровью. Об усовершенствовании этой упряжи никому из калмыков и в голову не приходит, хотя иногда и надевают на верблюда недоуздок (*нокто*), но *бурунтык* всё таки остаётся в своей силе, служа единственным средством для укрощения этого неуклюжего и подчас упрямого животного.

На хороших пастбищах верблюды скоро отъедаются и жиреют, что обыкновенно узнается по горбу, заключающему в себе хрящ и жир. У откормленных верблюдов горб всегда стоит прямо, у замороженных он обвисает.

Шерсть с верблюдов, в количестве от 15 до 20 фунтов с каждого, снимается иногда стрижкой, но по большей части просто обдирается. Операция эта производится весною, когда верблюды начинают линять. В течение всех летних месяцев верблюды представляют из себя самое безобразное, голое животное; к осени они снова обрастают шерстью. Количество снятой калмыками в 1863

году верблюжьей шерсти простиралось до 7 000 пудов, из которых в продажу поступило не более одной трети, и то по случаю большого спроса на нее, при введении в войсках башлыков, от чего цена шерсти возвысилась до 4 руб. за пуд; остальное же количество шерсти идет для собственного употребления калмыков на арканы, тесьмы для увязки своих кибиток и на толстые нитки для сшивания войлоков. Шкуры с павших верблюдов продаются от 1 руб. 50 коп. до 3 рублей.

Из всего сказанного нами о верблюдах, видно, что они не могут составлять выгодной доходной статьи, и, вероятно, разведение их окончится с прекращением кочевой жизни калмыков, так как заготовление для верблюдов корма и уход за ними зимой должны обходиться дороже приносимого ими дохода.

Во время бывшей турецкой войны 1828–1829 годов были куплены у калмыков, по Высочайшему повелению, для действующей 2-й армии, 1 000 верблюдов с войлочными попонами и полными для вьюков приборами. Верблюды эти отправлялись к Тирасполю партиями по 250 штук, под конвоем казаков и в сопровождении калмыков-вожатых, по одному на двух верблюдов, независимо от 5 запасных вожакон и одного зайсанга; верблюдам давалось по 10 фунтов сена и по 1 гарнцу овса в сутки, а через каждые пять дней по 1 фунту соли; для того, чтобы верблюды не сбивали себе ног, следуя по зимнему пути, им надевали на ноги кожаные поршни⁴. За год до этой войны, именно: в 1827 году, было также куплено у калмыков 300 верблюдов для подвижного вьючного транспорта кавказского отдельного корпуса; потом в 1854 году опять покупались верблюды для кавказской армии. Насколько пользы принесли верблюды во всех этих случаях, я не знаю, но указываю на них как на попытку правительства заменить верблюдами тяжелый обоз армии.

Количество верблюдов в улусах стало заметно уменьшаться после больших потерь скота в начале тринадцатых годов настоящего столетия, так что при встретившейся в 1840 году надобности правительству купить верблюдов для перевозки тяжестей на Кавказе донесено было из улусов, что калмыки могут продать, не

⁴ Дело Архива Калмыцкого Управления № 7671. За каждого верблюда с попоною и проч. назначена была плата по 70 руб. ассигнациями.

стесняя себя, только 200 штук верблюдов, по 90 руб. ассигнациями за каждого⁵.

Лошади у калмыков, собственно калмыцкой породы, не имеют вообще ни красивой наружности, ни хороших статей. Лучшие в этом отношении лошади те, которые происхождением своим обязаны смешению калмыцкой породы с породами башкирскою, киргизскою, черкесскою и другими. Правильно устроенных конских заводов калмыки не имеют, пуская табуны свои пастись на свободе в степи⁶. Уход за табуном составляет любимое занятие калмыка; это его жизнь, его сфера. Калмык со дня рождения приучается сидеть верхом. Первые уроки этого искусства даются в зыбке, где между ногами его укрепляется особого рода коробка *цорго*, от которой он навсегда делается кривоногим⁷. Затем, когда дитя начинает ползать, мать обыкновенно носит его не на руках, а верхом на своем бедре, за которое он крепко держится рученками. Наконец, поднявшись на ноги, калмыцкий ребенок так и норовит, чтобы при всяком удобном случае сесть верхом на лошадь. Вот из таких-то детей делаются впоследствии те замечательные наездники, которые не уступят знаменитым мексиканским *вакьеросам* (*vaqueros*). Стоит взглянуть только на ловлю неуков (диких лошадей) из табуна, чтобы убедиться в ловкости калмыка и необыкновенной его смелости обращаться с лошадьми. Это удачество калмыков было уже подробно и весьма интересно описано г. Небольсиным в его «Очерк быта калмыков Хошоутовского улуса» и гг. Бабстом и Победоносцевым в «Письмах о путешествии Государя Наследника Цесаревича», где желающие могут ознакомиться с подробностями ловли неуков.

⁵ Дело Архива Калмыцкого Управления № 14 353, связка 323.

⁶ В 1833 году комитет российского коннозаводства собирал сведения о существующих заводах, о количестве лошадей, образ их случки и воспитании жеребят. Сведения были доставлены только от владельцев Большедербетевского улуса, Хапчукова, и Кошаутовского улуса, Тюменя; у первого было жеребцов 75 и маток 6 170, у второго жеребцов разных пород 62 и маток 794; от прочих же владельцев и зайсангов сведений не доставлено.

⁷ Интересующимся иметь понятие о калмыцкой зыбке предлагаю прочесть в сочинении Н. И. Небольсина (правильно — П. И. Небольсина.— А. Р.): «Очерк быта калмыков Хошоутовского улуса», главу III-ю «О уходе за детьми и их воспитании».

Заботливость калмыков в уходе за своим табуном заключается сначала в сортировании и назначении к жеребцам маток (косяков). Сообразно с летами и качествами жеребцов, каждому из них назначается от 6 до 20 маток, с которыми он первые недели две пасется отдельно, а потом в общем табуне. Но при этом каждый жеребец постоянно ходит со своим косяком, ревниво оберегая его, и беда другому жеребцу зайти, хотя случайно, не в свой косяк: тотчас начинается страшный бой, нередко оканчивающийся смертью соперника.

Кобылиц доят не иначе, как припуская к ним сначала жеребят, которых держат на привязи (на приколе) каждого косяка отдельно, близ кибиток. Молоко сливается обыкновенно в кожаный бурдюк (*архыт*), где оно тотчас же на старой закваске превращается в кумыс (по-калмыцки — *чиган*). У бедных калмыков весь удои от рогатой скотины и кобылиц сливается вместе и носит общее название *чиган*. Напиток этот служит пищей для калмыков; из него же они гонят свою водку «*арке*», упиваясь ею во время лета, т. е. когда доится скот; твердое вещество, остающееся от перегонки *чигана* и называемое *шурмюк*, они сохраняют на зиму для приправы им своих кушаньев.

Молодых жеребят по достижении ими одного года таврят. Тавро, или тамга, у каждого рода и у отдельных лиц свое, что необходимо при степном хозяйстве. Обычай этот существует не только у калмыков, но и у всех соседних с ними инородцев, также как и у русских, имеющих свои табуны. На прилагаемом рисунке изображены главные тамги или тавра, принадлежащие калмыкам и тем инородцам, у которых они покупают или меняют лошадей.

Улучшенные табуны лошадей принадлежат владельцу Хошоутовского улуса Тюменю, у которого есть смешанные породы настоящей калмыцкой лошади с башкирской, киргизской и кабардинской. Кроме того, ему как лучшему заводчику подарено было несколько кровных породистых жеребцов с императорских казенных заводов. Жеребцы эти значительно улучшили табуны Тюменя. Затем в Малодербетовском и Багацохуровском улусах есть несколько табунов, улучшенных жеребцами горских пород, преимущественно кабардинской. Наконец у зажиточных зайсангов и духовенства можно встретить по несколько статных и по-

родистых лошадей для собственного употребления. Большинство же калмыков-простолюдинов имеет лошадей весьма невзрачных, и почти вовсе не обращает внимания на улучшение своих табунов. Желая возбудить в калмыках охоту к этому делу, правительство с 1860 года учредило в улусах ежегодные выставки скота и конские скачки, но, к сожалению, четырехлетний опыт показал, что ими нисколько не достигается предположенная цель. Со временем калмыки, может быть, и станут заботиться об улучшении своих табунов, теперь же мало на то надежды при виде варварски жестокого обращения калмыков со своими лошадьми. Положительно можно сказать, что за исключением неуков, т. е. неприученных к езде лошадей, у всех остальных спины и бока истерзаны самым немилосердным образом. Спина лошади страдает всего более от неуклюжего калмыцкого седла с деревянным арчаком, из которого нередко торчит гвоздь, и от грубого войлочного потника, в который при валянии попадают стекла и камешки. После езды мокрая спина лошади обыкновенно ничем не прикрывается, вследствие чего тотчас же образуются подпарины и волдыри, образующиеся нередко в большие и гнойные раны, разъедаемые насекомыми. При этом калмык никогда не обращает внимания, что у лошади болит спина, преспокойно накладывает на больное место седло, садится верхом и начинает бить несчастное животное по бокам толстейшею нагайкою. Во время моих поездок по степи мне много раз приходилось взывать о пощаде и иногда удерживать расходившуюся руку калмыка от сильных ударов нагайки, которые без счета и без цели сыпались на бока его бедной лошади. Калмык редко думает о том, велико ли пространство прошла его лошадь: он едет на ней до тех пор, пока не устал сам. Приехавши в кибитку приятеля, он заговорился, выпил чашку-другую *арке*, а иногда — и русской сивухи, запел песню и забыл о стреноженной лошади, которая без корму стоит подле кибитки. Бывали случаи, что лошадь околевала во время пиროвания хозяина. Вот такому-то народу не угодно ли вбить в голову понятие об улучшении табунов, и может ли содействовать в этом случае скачка? Правда, и здесь есть весьма отрадные исключения, но такие люди и без скачек будут подвигать свое дело вперед.

Лошади чисто калмыцкой породы для работы весьма слабы, неспособны и с большим трудом приучаются к упряжи. Большая часть из них упрямы и пугливы и остаются с этими пороками навсегда, как бы долго ни ходили в упряжи. Что касается до верховой езды, то едва ли можно найти более привычную и терпеливую лошадь, как калмыцкая, и притом с довольно быстрым бегом. Так например, на бывших скачках 1860–1864 годов лошади калмыцкой породы легко пробегали по неровной местности 15-ти-верстное пространство в 25–27 минут. При таких достоинствах калмыцкие лошади всегда имели хороший сбыт сначала в Китае, и потом в России.

Так как большая часть этих лошадей в прежнее время шла на укомплектование драгунских полков и других войск русской армии, то, по случаю большого недостатка в лошадях, в 1736 году запрещено было под опасением жестокого штрафа пропускать торговцев лошадьми в Персию и другие пограничные азиатские места⁸, а в следующем 1737 году для пополнения комплекта лошадей, коих требовалось до 20 тысяч, посланы были ремонтеры подполковник Степан Крюков и капитан Шахматов с приказанием купить лошадей у калмыков, «проехав из Царицына в те улусы, где ныне калмыки кочуют»⁹.

После того ремонтеры часто начали закупать лошадей у калмыков, так что в 1798 году, по случаю большого требования лошадей для кавалерийских полков, запрещено было калмыкам продавать их сторонним лицам, но запрещение это в следующем году было отменено. Затем в течение нынешнего столетия ремонтеры часто являлись в улусах для покупки лошадей, как это видно из распоряжений калмыцкого управления, предписывавшего улусным начальствам оказывать содействие ремонтерам при покупке лошадей и отводить пастбища в их распоряжение, а также принимать меры, чтобы приезжающие ремонтеры не стесняли калмыков, захватывая у них лошадей для своих разъездов, баранов в пищу и т. п.

После значительной убыли скота в тридцатых годах нынешнего столетия, калмыки, нуждаясь в лошадях, уменьшили их про-

⁸ Полное Собрание Законов Российской Империи, т. IX, № 7002, 1736 года.

⁹ Дело Архива Калмыцкого Управления 1737 года, № 113.

дажу, но вскоре потом начали гонять их на ярмарки в земли войска донского, в Царицын и другие города, что продолжается и до настоящего времени. Лошади продаются преимущественно 3-х и 4-х летняя, ценою от 25 до 100 рублей. Хотя количество ежегодно продаваемых калмыками лошадей известно по официальным сведениям, но я уже выше сказал, насколько могут быть верны эти данные, и потому, считая лишним приводить их в настоящем случае, замечу, что сбыт лошадей может всегда составлять очень выгодную для калмыков статью; необходимо только поддержать эту отрасль хозяйства и оказать ей содействие правительства, о чем я подробно скажу в заключении этого отчета.

Рогатый скот калмыцкой породы известен в России благодаря прасолам, которые большую часть пригоняемого ими скота на убой получают из калмыцкой степи и продают его иногда под названием черкасского.

Находясь в зависимости от степных пастбищ, калмыцкий скот по величине своей неодинаков. Лучший и породистый скот находился у калмыков Малодербетовского улуса, кочующих преимущественно по Эргеням или в высокой степи; у калмыков же, кочующих в неизменной степи, по недостатку хороших кормов и водопоев, скот вообще очень мелок.

Калмыки гоняют скот для продажи на ближайшие ярмарки в земли войска донского, и в губерниях саратовской и астраханской, или же продают его прямо на месте приезжающим гуртовщикам. Цены на скот определить довольно трудно, потому что они находятся в прямом отношении к количеству спроса. В иные годы пара хороших рабочих быков доходила до 100 и более рублей, а корова — до 25 и до 30 рублей, тогда как в последнее время пару быков можно было купить за 60 рублей, а корову — на 5 рублей. В минувшие три года, вследствие малого числа покупателей, цены на скот понизились до такой степени, что калмыки возвращались с ярмарок большею частью не продав ни одной скотины.

Быки калмыцкой породы вообще годны для всякой работы и неприхотливы относительно корма и водопоев, что и заставляет крестьян астраханской губернии, занимающихся чумачеством, покупать для своего промысла преимущественно калмыцких быков. Напротив того, коровы калмыцкие очень мелкие и молока дают

мало. Весьма редкий удой от них бывает более одного штофа; и то не иначе как с припуском теленка; в случае смерти последнего, калмыки, чтобы не лишиться молока от коровы, доносят ей каждый раз, при доении, чучело, сделанное из шкуры ее же теленка.

Молочного хозяйства, т. е. приготовления масла, сыров и т. п., у калмыков совершенно нет. Удой от коров, также как и от кобыл, обыкновенно сливается в один бурдюк, где тотчас же, окисая, получает брожение. Из кислого коровьего молока (*айрика*, по-татарски *арьян*) равно и из кумыса, калмыки гонят свою любимую водку (*арке*), а остатки от перегонки (*бозо*) употребляют для приправы кирпичного чая. Кроме того, из кислого молока и *бозо* они готовят кушанья: *эедмык*, *махан эедмык* и *кююрцук*, состоящая из соединения пресного молока с *айриком* и *бозо*. *Айрико* и *бозо* употребляются также на выделку овчин.

Независимо от недостатка хороших пастбищ и водопоев, физическому развитию рогатого скота у калмыков при отсутствии надежного и правильного за ним надзора препятствуют и господствующие здесь скотские болезни.

Происхождение этих почти непрекращающихся болезней обыкновенно объясняют местными условиями, именно: солонью и недоброкачественностью водопоев. Находя вполне основательным подобного рода предположение, я в то же время убежден, что недоброкачественность водопоев нельзя считать исключительным источником болезней, ибо они нередко поражают и тот скот, который пользуется проточною водою Волги и ее протоков. По моему мнению, к числу причин, поддерживающих болезни рогатого скота в здешнем крае, следует отнести:

1) недостаток должного надзора и ухода за скотом. Большая часть крестьян, занимающихся чумачеством, по возвращении с ходки (с дороги) тотчас пускают в стадо своих изнуренных быков, нередко с принесенною ими болезнью: отсюда заражение и гибель скота. Отделение больного скота от здорового происходит уже в то время, когда болезнь принимает усиленные размеры, и при этом павшая скотина по снятии с нея шкуры часто оставляется незарытою, а если и зарывается, то и весьма не глубоко.

2) сильное изнурение скота непомерной работой. Так например, крестьяне, занимающиеся перевозкой соли с озер к пристаням, до

того доводят своих быков, что несчастные животные падают, не имея силы ступить одного шагу от страшной боли в копытах, разъедаемых соленой рапой озер, куда обыкновенно фурщики должны въезжать для нагрузки мешков с солью. У крестьян, промышляющих этим делом, ежегодно происходят большие падежи скота.

3) кормление скота сеном или травой поемных лугов. На таких лугах от весеннего разлива всегда остается ил, вредно действующий на организм животного. Если местные скотоводы и знают об этом обстоятельстве, то не обращают на него никакого внимания, между тем им очень легко уничтожить болезнетворные свойства подобной травы; стоит только выждать, чтоб она обмыта была дождем.

4) ранний выгон скота на пастбище по утрам, прежде чем сойдет роса. Особенно это опасно в осеннее время, когда не прекратилось еще прозябание растений с сочными листьями. От охлаждения воздуха на таких злаках происходят медвяные и мучные росы, а от мороза свертываются оконечности листьев, разъединяются растительные жилки и застывают самые соки растений. Вследствие такого перелома растительной жизни злаки становятся весьма способными к быстрому гниению, губительному для скота и в особенности для овец.

5) пастба скота на тех местах, где сидела во время перелета саранча, помет которой, оставаясь на траве, вредит животным.

6) постоянное содержание скота на подножном корме и на открытом воздухе в течение целого года. Вследствие этого скот в зимнее время, особенно при глубоком снеге, изнуряется до такой степени, что к весне остается один толькодвигающийся остов, который заново расклеивают вороны. Чтобы показать, в каком печальном положении находится калмыцкий скот при начале, я приведу один наиболее характеристический случай. Однажды под мой экипаж привели лошадей с совершенно объеденными хвостами. На вопрос мой о причине этого хозяин лошадей, зажиточный зайсанг-скотовод, прехладнокровно отвечал, что коровы зимой от недостатка корма объели хвосты у многих лошадей. При отсутствии закрытых помещений для скота ему, кроме того, вредят очень резкие резкие и непрерывные переходы от тепла к холоду: в морозы, доходящие до высокой степи иногда до 30°, скотина ос-

лабевают до такой степени, что стоит без корма и не может есть его. Не менее сильны страдания скота и в летнее время, когда он не находит себе защиты от палящего солнца и множества насекомых; слепней, оводов, комаров, мошек и т. п., не дающих ему покоя ни днем, ни ночью. Если вблизи есть какая-нибудь река или озеро, то скотина находит еще спасение, забираясь по шею в воду, в противном же случае он мечется от нестерпимой боли, совершенно забывая о корме.

К болезням рогатого скота, господствующим в астраханской губернии, относится: 1) чума, по калмыцки *маалик*, известная у крестьян под общим названием заразы, 2) сибирская язва или сибирка, по калмыцки *момо*; и 3) ящур, по калмыцки *шулька*. Кроме этих трех наиболее распространенных болезней, существуют и другие с менее опасным характером, как-то: воспаление селезенки, чихирь (*haematuria*), раздутие брюха (*tympanitis*), простудные лихорадки с переходом в гнилостные, опухоль ног и хромота.

Хотя местные власти и заботятся о предупреждении и пресечении болезней скота, делая строгие внушения хозяевам-скотоводам, и принимая своевременно различные медико-полицейские меры, но несмотря на то нередко случается, что скот гибнет тысячами от какой-нибудь заразной болезни, особенно же от чумы, очень часто появляющейся здесь в разных местностях и в большей или меньшей степени.

В видах предохранения скота от этой губительной болезни предместник мой, главный попечитель калмыцкого народа генерал-майор Струков испросил разрешение министерства государственных имуществ на производство опытов чумопрививания рогатому скоту.

Опыты начались в 1861 году в избранной нарочно для этой местности на урочище Усун-Тулум, в 7 верстах от летней ставки Малодербетовского улуса и в таком же расстоянии от селения Обильного в Эргенях. Они производились особою комиссиею, состоявшею из ветеринаров палаты государственных имуществ, Пчелина и Томашевского, и попечителя Малодербетовского улуса.

В первый год опыты ограничились только 5-ю животными; в следующие же 1862 и 1863 годы, испытанию подверглось более

30 штук скота, так что сделано было несколько привитий или генераций. Подробности об опытах прививания и наблюдения ветеринаров были представлены в министерство государственных имуществ, которое распорядилось прекратить эти опыты на том основании, что по добытым в разных местностях России результатам, прививание чумы рогатому скоту не только не обещает пользы для скотоводства, но, напротив того, может принести ему значительный вред.

Кстати замечу здесь, что опыты чумопрививания по предложению временного совета управления киргизскою ордою производились в астраханской губернии еще в 1856 году, близ главной ставки Орды, на Нарын-Песках (в налуговой стороне р. Волги), но опыты эти не обогатили науки никакими положительными результатами.

В степном хозяйстве калмыков большой сбыт имеют шкуры с убитых и павших животных. Довольно трудно определить количество продаваемых ежегодно шкур, потому что они сбываются повсеместно: на калмыцком базаре (в 7 верстах от Астрахани), в селениях и в станицах шкуры скупаются и меняются на товар крестьянами с калмыками, в степи этим делом занимаются этим делом занимаются лица, ведущие торговлю с калмыками, и отправляющие большие обозы со шкурами в города: Царицын, Черный-Яр и другие. Кроме того, множество шкур расходуется для собственного употребления калмыков, которые готовят из них разные вещи по хозяйству, как-то: *архыты* (для *чигана*), *бартоги* (кожаные бутылки), *уты* (мешки) для сбора топлива (*аргасуна*, *кизяка*), ведра, ремни для сбруи и т. п. Для выделки шкур калмыки употребляют самые незатейливые инструменты. Обыкновенно шкуры предварительно красят в растворе муки; потом, сняв с них ножом волос, намазывают мездру, остатками от перегона *чигана* (*бозо*), переменяя это *бозо* несколько раз, что достаточно смягчает кожу, и затем, наконец, мнут особенного рода скалкой с зубцами. Для приготовления некоторых вещей кожу оставляют с волосом и копят их в кибитках, предварительно сделав из сырой кожи потребную вещь. Чтобы сообщить желаемую форму сшитым из сырой кожи бутылкам (*бартога*), их набивают мокрою землею и потом, высушив на солнце, копят. Овчины перед выделкою сначала солят,

потом намазывают или *бозо*, или сгустившимся *айриком*, переменяя его несколько раз; выставляют на открытый воздух, стараясь держать по возможности в тени, потом мнут овчину и отбеливают мездру ее мелом.

Полезно было бы устроить на калмыцком базаре кожевенный завод, как потому, что калмыки имели бы более верный сбыт шкур так и потому, что они могли бы приучаться к правильной выделке кожи. Впервые эту мысль высказал г. Любовидский, ревизовавший калмыцкое управление в 1856 году, но она до настоящего времени не приведена еще в исполнение, по не зависящим от управления причинам. Продаются калмыцкие шкуры приблизительно по следующим ценам:

Конская..... от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.

С рогатого скота... от 2 руб. до 3 руб.

Верблюжья..... от 1 руб. до 3 руб.

Баранья..... от 50 коп. до 1 руб. 70 коп.

Так как дознано опытом, что рапространению заразительных болезней скота нередко способствуют шкуры с павших или с убитых больных животных, то в нескольких пунктах здешней губернии и преимущественно близ гор. Астрахани учреждены места для предварительного медицинского осмотра привозимых из степи шкур.

Овцеводство у калмыков имеет весьма обширные размеры: по вышеприведенным сведениям, цифра овец приблизительно исчислена в 803 941, следовательно придется почти по 7 голов на каждую душу обоего пола.

Разведение овец составляет самую прибыльную статью в калмыцком хозяйстве. Овца (по калмыцки *найжинара хоинь*) дает: мясо, молоко, шерсть, сало, овчину и ежегодный приплод, а вместе с тем при хороших ценах продается очень выгодно. Ухода большого за овцами не требуется, стадо пасется обыкновенно под наблюдением одного взрослого и нескольких малых ребятишек, а иногда эта обязанность возлагается на одних только подростков. Зажиточные хозяева имеют каждый своих особых пастухов, бедные же однохотонники гоняют своих овец в одно стадо, делая на разные заметки (по обыкновению надрезы на ухе) и нанимают общего пастуха или пасут сами по очереди. При стадах всегда дер-

жат несколько собак, охраняющих скотину от волков, которых в степи очень много.

Вся забота калмыцкого пастуха заключается только в том, чтобы сгонять овец на водопой и на ночь к хотону (т. е. к своим кибиткам). Здесь нет, как в Новороссии, того благоразумного и предусмотрительного надзора, благодаря которому овцы постепенно двигаются по пастбищу и не топчут не съеденной еще травы. При скудости здешних пастбищ такая экономическая мера была бы очень полезна. Хотя, по моим советам, многие из калмыков-овцеводов и обещались взять пример с новороссийских хозяев, но едва ли станут следовать ему, пока степь широка и привольна и будет находиться в общинном пользовании.

В здешнем крае водится четыре породы овец: тонкорунная (шленские и мериносы), калмыцкая (с курдюками), волошская (преимущественно белой шерсти и с широким хвостом) и так называемая русская (обыкновенная овца).

Тонкорунные овцы находятся у владельца Хошоутовского улуса. Впервые они заведены были в 1818 году в количестве 24 штук, шленской породы, подаренных бывшим министром внутренних дел князем Юсуповым покойному владельцу Хошоутовского улуса премьер-майору Сербеджаб Тюменю; этим же владельцем куплено было в 1832 году, с завода графа Кочубя, 75 мериносов самцов и самок. Количество овец увеличивалось от приплода почти ежегодно, так что в 1863 году у Тюменя было шленских овец 1 638 и мериносов 496. По общим отзывам, шерсть тонкорунных овец грубеет в здешнем крае от недоброкачества кормов, водопоев и отчасти климатических условий; но я, по недостатку наблюдений, не могу определить на сколько это мнение справедливо.

Развитию тонкорунного овцеводства у калмыков при необходимости тщательного за овцами этой породы ухода препятствует недостаток зимних закрытых помещений, кроме того в здешнем краю, по замечаниям местных хозяев, у тонкорунных овец часто заводится глиста в мозгу, отчего овца кружится и умирает.

Шерсть у тонкорунных овец у Тюменя снимается один раз в год, в количестве около 140 пудов, и продается на месте по 6 руб. за пуд.

Волошских овец почти нигде нет, кроме Хошоутовского улуса, где их было в 1863 году около 900 штук. Разведение их не так выгодно, как овец калмыцкой породы, обладающих весьма прибыльным для хозяйства достоинством, именно: своим сальным наростом вместо хвоста или курдюком, наполненным чистым салом, количество которого доходит нередко до одного пуда. Здешними хозяевами замечено, что от скрещивания курдючных овец с овцами обыкновенной породы (у калмыков их почти нет), эта последняя на третий год получает курдюки. Мне приходилось также слышать, что у простых овец курдюки часто нарастают сами собою, хотя и не в таких размерах, как у настоящих курдючных. Интересно было бы удостовериться в справедливости такого явления и проследить, что именно в здешней местности способствует образованию курдюков; но, к сожалению, все без исключения хозяева скотоводы, особенно калмыки, до того неразвиты, что подобные вопросы для них немыслимы.

Лучшие овцы калмыцкой породы, по величине и весу, принадлежат калмыкам Эркетеневского и Икицохуровского улусов, и кочующим в степи Яндыковцам¹⁰. Та югозападная часть степи, где кочуют эти калмыки, заключает в себе очень много любимой овцами полыни (*Artemisia monogyna*, по калмыцки *табык шаральджин*) и солонцов. На всех выставках калмыцкого скота отличались бараны эркетеневские и икицохуровские, весившие от 6 пудов 30 фунтов до 7 пудов 10 фунтов. Что касается до качества их шерсти, то на несколько не лучше, чем и в других улусах.

Случка овец производится один раз в год, в конце сентября и начале октября, а до того времени кочкари (самцы, по калмыцки *хуцэ*) пасутся отдельно; исключение делается только для небольших стад, но в таком случае кочкарю надевают под брюхо фартук, однако же и при подобной предосторожности находят вредным оставлять кочкарей в стаде. Овцы вообще плодовиты: некоторые из них часто ягнятся двойнями; выкидыши происходят в редких случаях, например, когда овца бывает прижата в стаде, или когда она поест весною мерзлой травы. Гладкие, лоснящиеся, овчинки

¹⁰ Большая часть этого улуса кочует, или, правильнее сказать, сидит в Мочагах, занимаясь работами на соляных озерах и по рыболовству.

выкидышей, исключительно только черного цвета, употребляются калмыками на околыши их шапок.

Мясо здешних овец вообще вкусно, нежно, сочно и лишено того особенно неприятного запаха, который имеет мясо овец как в России, так и почти во всей почти Европе, кроме Англии. Нет сомнения, что это зависит от свойств корма, — иначе трудно объяснить, почему тот же самый калмыцкий баран, который только несколько времени пробыл в другой местности, получает иной вкус и запах; замечено также, что от больших перегонов мясо овцы становится водянисто и приобретает запах.

Калмыцкая овца, дает мясо от 60 до 100 фунтов, холощенный баран (*риге, гунун-хоин*) — менее; кочкарей же калмыки никогда не режут, оставляя их для завода. Сала получается с овцы и барана от 25 до 50 фунтов с курдюком.

Овец доят раз в день, утром, затем припускают к ним ягненка. Овца дает молока до одного штофа. Овечье молоко или сливается калмыками в один общий бурдюк (*архыт*), где тотчас же и окисает, или же идет на приготовление особого кушанья — *еззге*, вроде творога. Смешанное с коровьим, дает более масла.

Овец стригут два раза в год: весною и осенью, предварительно перегоняя их несколько раз чрез какой-нибудь проток, чтобы промыть шерсть; если же поблизости нет протоков, то овцы обмываются водою из худуков. При весенней стрижке получается с каждой овцы от 3 до 5 фунтов шерсти. Весенняя шерсть приблизительно стоит от 1,5 до 2 руб., осенняя от 2 до 2,5 руб. за пуд. В продажу поступает большею частью весенняя шерсть, осенняя же расходуется для собственного употребления. Гуртовой продажи шерсти не существует, а обыкновенно она скупается в хотонах по мелочам или меняется на необходимый для калмыков товар: кирпичный чай, разные материи, муку и т. п. Определить при этом положительную ценность шерсти чрезвычайно трудно, так как установление цен на товары зависит от мелочных торговцев, причем, конечно, принимается в расчет количество спроса. Мена эта очень не выгодна для калмыков, но преследовать ее полицейскими мерами или изменить к лучшему при настоящих условиях почти невозможно, потому что калмыки, хотя и сознают убыточность подобной торговли, но по укоренившемуся обычаю, крепко

держатся за нее, стараясь скрывать все невыгоды меновых сделок. Поэтому при опросе они обыкновенно уменьшают цены на купленный ими товар, опасаясь, что торговцам запретят приезжать к ним в степь и что им самим придется ездить за товарами в города и селения. Чтобы доставить возможность вести более правильную и безобидную торговлю, было бы очень полезно и даже необходимо открыть в середине степи, именно близ урочища Цабдырь, весеннюю ярмарку и при ней меновой двор, где калмыки могли бы во всякое время года обменивать на товар или продавать за деньги свой сырые произведения; об этом я скажу более подробно в заключении моего отчета.

Для собственного употребления калмыков идет большое количество шерсти, она необходима им на *кошмы*, на *шардыки* (тонкие полости), служащие для постелей и вместо ковров в кибитках, на потники под седла, на валенные чулки и *хошлыны* (тесьму для укрепления кибиток), так что из всего количества шерсти, получаемой калмыками, приблизительно около 150 000 пудов в год, две трети идет для домашнего обихода, остальное же количество поступает в продажу.

Шерсть калмыцких овец груба и для делания сукон не годится: цвет ее преимущественно рыжий; шерсть волошских овец тоньше и потому продается дороже калмыцкой.

В 1800 году отправлены были из калмыцкой степи, по требованию государственной мануфактур-коллегии, образцы шерсти для испытания и при этом обозначены были цены на нее, именно: весенней стрижки от 80 коп. до 1 руб. 20 коп. и осенней от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. ассигнациями за пуд. Вместе с тем сообщалось, что калмыки, потеряв почти половину своего скота в предшествовавшую зиму, имеют сами крайнюю нужду в шерсти для собственного употребления.

Выделяемые калмыками тулупы из овчин расходятся для собственного употребления, и только весьма небольшое количество поношенных уже тулупов поступает в продажу или в обмен тулупниками, которые их перешивают, подбирают овчины и, подбелив мездру, нередко продают за новые.

При овцах калмыки разводят также коз, которые служат путеводительницами стада. Мясо козье хуже бараньего, но употре-

бляется калмыками в пищу; от одной козы мяса добывается около пуда; молоко сливается вмесет с овечьим; из пуху, получаемого с одной козы от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фун., выделяются пояса.

Вот и все, что можно сказать о настоящем положении калмыцкого скотоводства...

Литература

Бабст, Победоносцев 1864 — *Бабст И. К., Победоносцев К. П.* Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: в тип. Грачева и К^о, 1864. X, 568 с.

Бичурин 1834 — *Иакинф* (Н. Я. Бичурин), иеромонах. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: в тип[ографии] Мед[ицинского] департ[амента] М[инистерст]ва внутренних дел, 1834. [4], 253, [12] с.

Исторический обзор 1844 — *З-в Н.* Исторический обзор ставропольских крещёных калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1844. Т. XXXV. № 7–8. Отд. 2. С. 27–38.

Калмыцкая степь 1868 — Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. СПб.: М[инистерст]во гос[ударственных] имуществ, 1868. 300 с. (разд. паг.)

Костенков 1868 — *Костенков К. И.* Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии (сост. Полковником Костенковым). СПб.: тип. В. Безобразова и К^о, 1868. VIII, 175 с.

Костенков 1869 — *Костенков К. И.* О распространении христианства у калмыков: краткие исторические сведения о калмыцком народе // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. № 8. Ч. 144. С. 103–159.

Костенков 1869 — *Костенков К. И.* Результаты переписи калмыцкого народа, произведённой в декабре 1868 года // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 1. Астрахань: Губернская типография, 1869. С. 148–163.

Костенков 1870 — *Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии: [С картой Калмыцкой степи / Составил главный попечитель калмыцкого народа генерал-майор К. Костенков]. СПб.: М[инистерст]во гос[ударственных] имуществ, 1870. [4], 171 с.

Костенков 2006 — *Костенков Капитон Иванович* // Ученые — исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.): Биобиблиографический

указатель / сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: КИГИ РАН, 2006. С. 107–111.

Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.

Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. VIII, 290, 4 с.

Страхов 1810 — *Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительной повести, сказки, пословиц и песни Савардин. СПб.: Тип[ография] Шнора, 1810. 99 с.

References

Babst I. K., Pobedonostsev K. P. Letters about the travel undertaken by the Tsesarevich through Russia: from St. Petersburg to the Crimea. Moscow: Grachev & C°, 1864. X, 568 p. (In Russ.)

Z-v N. The Christianized Kalmyks of Stavropol: a historical review supplemented with some contemporary essential data. *Otechestvennye zapiski*. 1844. Vol. XXXV. No. 7–8. Part 2. Pp. 27–38. (In Russ.)

Hyacinth (N. Ya. Bichurin), hieromonch. A historical review of the Oirats, or Kalmyks, from the 15th century to the present time. St. Petersburg: Medical Dept. (Ministry of Internal Affairs), 1834. 253 p. (In Russ.)

Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: studies by the Kuma-Manych expedition. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1868. 300 p. (In Russ.)

Kostenkov K. I. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: a statistical and economic description by Colonel K. Kostenkov. St. Petersburg: V. Bezobrazov & C°, 1868. VIII, 175 p. (In Russ.)

Kostenkov K. I. Dissemination of Christianity among the Kalmyks revisited: a concise essay on Kalmyk people's history. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya*. 1869. No. 8. Part 144. Pp. 103–159. (In Russ.)

Kostenkov K. I. The December 1868 Census of the Kalmyk population: results. *Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Is. 1. Astrakhan: Gubernskaya Tipografiya, 1869. Pp. 148–163. (In Russ.)

Kostenkov K. I. Kalmyk nomads of Astrakhan Governorate: historical and statistical data suppl. with a map of Kalmyk Steppe, by the Kalmyk People's Principal Curator, Major General K. Kostenkov. St. Petersburg: Ministry of State Property, 1870. [4], 171 p. (In Russ.)

Kapiton I. Kostenkov. *Uchenye — issledovateli Kalmykii (XVII – nachalo XX vv.)* [Academic researchers of Kalmykia: 17th – early 20th cc.]. A

- biographical ref. book. P. E. Alekseeva, L. Yu. Lantsanova (comps.). Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2006. Pp. 107–111. (In Russ.)
- Nebolsin P. I. Kalmyks of Khoshoutovsky Ulus: essays on everyday life. St. Petersburg: Karl Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Nefedev N. The Volga Kalmyks: detailed data collected on site. St. Petersburg: Karl Kray, 1834. VIII, 290, 4 p. (In Russ.)
- Strakhov N. I. The Kalmyk people: an description of their current conditions suppl. with texts of Kalmyk laws and court practices, ten rules of their faith, prayers, a moral novel, a fairy tale, proverbs and the song of *Savardin*. St. Petersburg: I. Shnor, 1810. 99 p. (In Russ.)

УДК 393.37+903.53

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-108-123

**Возраст и статус женщины в кочевом обществе:
этноархеологический экскурс***
Age and Status of the Woman in Nomadic Society:
an Ethno-Archaeological Insight

М. А. Очир-Горяева (M. Ochir-Goryaeva)¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: mariaochir@gmail.com
Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: mariaochir@gmail.com

Аннотация. Согласно археологическим данным, социальный статус женщин в скифском обществе был ниже, чем у мужчин. Вывод о подчиненном положении женщины в скифском обществе, тем не менее, не может быть признан окончательным в связи с наличием противоречащих этому фактов из некоторых женских погребений. Среди них имеются равные престижным мужским курганным погребениям по следующим критериям: они были основными в кургане или сопровождалась захоронениями коней, или находились на основной меридиональной линии с основным погребением в кургане, или они были ритуально нарушены в ходе выполнения постпогребальных обрядов. Наиболее показательным является погребение пожилой женщины из Мелитопольского кургана.

В традиционных кочевых обществах, особенно не подвергшихся мусульманской религии, было принято с древних времен, что женщина получала равные мужчинам права после достижения ею преклонного возраста или определенного этапа жизненного цикла.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Волго-Маньчские степи на перекрестке цивилизаций» (№ госрегистрации: АААА-А17-117030910094-3).

Ключевые слова: скифы, царские погребения, калмыки, гендерные трансформации, кочевники, постпогребальные обряды, эмансипация

Abstract. According to archaeological data, the social status of Scythian women was lower than that of men. Still, due to some contradictory evidence obtained from a number of female burials the revealed subordinate position of the woman in Scythian society cannot be recognized as a final conclusion. Those include mound burials that are similar enough in terms of prestige to those of men by a number of criteria, namely: those are central or accompanied by horse graves, or are situated along the same meridian line as the central tomb; and they were even disturbed in the same manner during post-burial rituals. The most characteristic female burial of the type is that of the Melitopol' kurgan, the former was aligned with that of a male, has additional large-scale earthwork and reveals traces of a post-burial ritual disturbance.

It is noteworthy that in traditional nomadic cultures — especially those unaffected by Muslim religious ideas — women were recognized equal to men upon reaching advanced years or a particular life-cycle stage since the earliest times.

Keywords: Scythians, royal graves, Kalmyks, gender transformations, nomads, kurgans, post-burial rites, emancipation

Скифы — древние кочевники восточноевропейских степей. Сведения о них содержатся в IV книге «отца истории» — Геродота. Археологические памятники скифов представлены тысячами курганов в степях Северного Причерноморья. Наиболее известны «царские курганы» — монументальные сооружения с огромным количеством золотых предметов, многие из которых являются шедеврами ювелирного искусства [Artamonov 1970; Gold der Steppe 1991; Gold der Skythen 1993; Scythian Gold 1999].

Изучение планиграфии скифских курганов привело к пониманию, что все составляющие погребального сооружения находятся в соподчинении друг другу и подчиненности общей идее [Очир-Горяева 2012; Ochir-Goryaeva 2015]. Ее определяли система, с одной стороны, ориентации по сторонам света, пространственные представления о мире живых и мертвых, а с другой — семейно-родовая и социальная иерархия скифского общества.

В данной статье результаты планиграфического анализа курганов были использованы для выявления особенностей, отражающих систему социальной иерархии по половой принадлежности скифов степей Северного Причерноморья.

Планиграфический анализ базируется на изучении всех компонентов курганной насыпи, таких как окологурганские рвы, валы, перемычки, подземные ходы, каменные крепиды и т. д., а также все погребения кургана, включая центральное, впускные, конские могилы, могилы конюхов, сопровождающих лиц и слуг. Такие сложные структуры насыпи, а также погребения различных категорий содержат только большие курганы скифской знати и царей. Именно поэтому они оказались основными объектами и источниками для предпринятого анализа.

Для исследования положения скифской женщины в семейно-родовом и социальном окружении были выбраны погребения, в которых достоверно установлен пол погребенного. Исходным пунктом послужили данные, опубликованные Б. Н. Мозолевским [Мозолевский 1979: 151, табл. 2].

По итогам были составлены две таблицы с данными о погребении (основное — впускное), глубине гробниц и наличии захоронений верховых коней. В одной из них представлены 22 достоверно установленных мужских погребения, в которых в целом было погребено 85 коней, т. е. 4,5 коня в среднем на каждого (табл. 1). В этих курганах кони сопровождали центральное погребение, были помещены в специальные конские могилы и снабжены золотыми уздечными наборами. В *Толстой Могиле* и в *Чертюмлыке* коней сопровождали захоронения конюхов.

В другой представлены данные по 11 достоверно установленным женским погребениям, в которых были захоронены только 6 коней (табл. 2). В среднем получается 0,5 коня на каждую погребенную. При этом, как предполагают авторы раскопок, в кургане *Огуз* во входной яме бокового северного погребения были погребены не верховые лошади, а запряженные в повозку, остатки которой были найдены в той же могиле. В таком случае верховых коней в женских погребениях становится на три меньше, тогда получается 0,25 коня в среднем на каждую погребенную.

Таким образом, согласно скифской погребальной традиции, конские сопровождающие захоронения совершались преимущественно при погребении мужчины (рис. 1). Конечно, было бы лучше использовать более многочисленную выборку, но, к сожалению, состояние источников не позволяет этого сделать. Очень

большой процент скифских погребений нарушены так, что от останков погребенных остались только отдельные кости или их фрагменты. Кроме того, скифские курганы были семейными усыпальницами, и поэтому в одной катакомбе зачастую были погребены несколько персон и довольно редко — один человек. Поэтому так редко в чистом виде женские или мужские погребения.

Таковую же существенную разницу показывает соотношение центральных и боковых могил. Среди мужских погребений преобладают центральные погребения, боковыми были только 2 погребения из 23, что составляет 8,6 % от общего числа. Среди женских погребений, наоборот, преобладают боковые погребения. Они составляют 54,5 % от общего числа. При этом из пяти центральных три погребения были с подхоронением мужчины.

Глубина могил также сильно различается. Средняя глубина мужских погребений — 7,69 м, а женских — 5,5 м, т. е. мужские погребения, как правило, были глубже женских (табл. 3–4). Наглядно это можно представить в виде графика. Как показывает график, разница средних показателей глубин мужских и женских погребений достигает 2 м. Самая глубокая мужская могила почти на 4 м глубже самой глубокой женской (рис. 2).

Судя по распределению среди мужских и женских погребений трех перечисленных выше показателей (наличие сопровождающих коней, центральность погребения и глубина могилы), все эти признаки были прямыми или косвенными показателями почетности, престижности, т. е. социального статуса представителей обоих полов. Известны одиночные основные мужские погребения скифской знати, подобные могиле из кургана *Страшная могила*, в которой был погребен знатный юноша. При этом в курганах знати отсутствуют погребения женщин, которые были бы единственными и основными. Было ли женское погребение первым или последующим, оно всегда связано с мужским [Ильинская, Тереножкин 1983: 124]. Также замечено, что женские погребения, как правило, не сопровождаются досыпками (достройками) насыпи кургана и поминальными тризнами [Мозолевский 1979: 148–172].

Получается, что социальный статус женщин в скифском обществе был на ступень ниже, чем у мужчин. Исходя из патриархальности скифского общества, можно полагать, что статус женщин

зависел от статуса мужа или отца. Поэтому в курганах знати женские погребения практически всегда сопровождали погребения своего супруга.

Другой аспект этой же проблемы заключается в следующем. Как показал анализ с курганов знати и царских скифских курганов, место могильной ямы на плане кургана также определялось в соответствии со статусом погребенного. В скифских царских курганах могильная яма царя всегда располагалась в центре, а могилы его родственников — на одной меридиональной линии с ним. Скифы хоронили умерших в положении на спине, головой на запад. При таком положении расположенные в один ряд могилы оказывались либо по левую руку царя (на севере), либо по правую руку царя (на юге).

Расположение в одном ряду справа и слева от царя было настолько престижно, что эти места были заняты исключительно мужскими погребениями. Иногда встречаются детские погребения на меридиональной линии: в Гаймановой могиле (погребение 3), в кургане 4 у Белозерского лимана (погребения 3, 4 и 6). Пол детей антропологически не определяется, но в контексте выявленных закономерностей детские погребения должны принадлежать мальчикам.

В кургане *Соболева могила* погребения молодого мужчины и подростка были расположены в северной стороне (по левую руку царя), а пожилого мужчины — в южной стороне (по правую руку царя). Почти все погребения на основной линии, в том числе детские и подростковые погребения, сопровождалась досыпками кургана, которые производились только для важных персон. Расположение в главном ряду, ритуальная нарушенность некоторых из этих погребений, а также досыпка кургана указывают на происхождение этих мальчиков и юношей из семьи главного погребенного или ближайших его родственников по мужской линии.

Женские погребения расположены не на главной линии, а в следующем ряду, чаще всего на северо-востоке, и реже — на юго-востоке. Видимо, места даже в следующем ряду различались по почетности по тому же принципу правой (южной) и левой (северной) руки (рис. 3а–б).

Женские погребения, как правило, не были нарушены в ходе проведения постпогребальных обрядов. Значит, женщины не имели при жизни статус, который должен был передаваться приемникам. По результатам специальных исследований, постпогребальные нарушения останков умерших проводились в ритуальных целях, в том числе для легитимации правящего статуса наследниками. Наследникам приходилось проникать в царскую могилу, разрушать останки умершего, освобождая и перенося на себя, таким образом, харизму правителя, а также выносить из могилы статусные регалии [Кузьмин 1991: 146–155; Савинов 1997: 107–111; Шульга 2003: 102–105; Очир-Горяева 2016: 113–128].

Именно благодаря социальной «неважности» женщин скифская археология располагает несколькими исключительно богатыми, совершенно нетронутыми женскими погребениями. Это, прежде всего, боковая женская могила из кургана *Толстая могила*, где была похоронена молодая женщина 30 лет с малолетним ребенком. Это единственное впускное погребение в этот курган. Несмотря на свободное пространство к северу и югу от основной могилы царя на главной линии, погребение молодой женщины с ребенком было устроено в менее престижной, западной половине кургана (рис. 3,с).

Могила молодой скифянки относится к одному из наиболее богатых царских захоронений скифов. На умершей, кроме нашивных бляшек, сохранились такие крупные золотые вещи, как шейная гривна (весом 478,5 гр), три пластинчатых браслета (74,65 гр), одиннадцать перстней (66,80 гр). Общий вес украшений слегка превышает 1 100 гр. Тем не менее молодая скифянка была погребена в непрестижной части кургана ее супруга-царя, после ее захоронения насыпь кургана не достраивалась, следов тризны также не обнаружено. Ритуальное посещение могилы и нарушение останков погребенной с целью получения ее жизненной силы и наследования ее социального статуса не проводились [Тереножкин, Мозолевский 1988: 161].

Вывод о подчиненном статусе скифянок не выглядит окончательным, потому что известны отдельные женские погребения, которые были основными в кургане или сопровождалась захоронениями коней, или находились на одной меридиональной линии

с центральной гробницей, и даже были нарушены исполнителями постпогребальных обрядов, т. е. указанные женские погребения ничем не отличались от престижных мужских погребений.

Среди царских курганов ярким примером служит погребение Мелитопольской «царицы» — дамы преклонного возраста 50–55 лет. Оно было совершено в северной части кургана, на одной меридиональной линии с центральным погребением мужчины, т. е. по левую руку, но все же в главном ряду (рис. 3,d). Погребение сопровождалось мощной досыпкой кургана и было нарушено. Форма катакомбной могилы Мелитопольской царицы с широким дромосом (длиной — 8 м, шириной — от 2,5 до 3,25 м, глубиной — 6 м) и округлой формы камерой (3,3x2,2 м, глубиной — 6,5 м), одинакова с конструкцией и размерами южного мужского погребения из царского кургана *Солоха*, сопровождавшегося мощной досыпкой насыпи кургана, тризной и захоронением пяти верховых коней.

Инвентарь Мелитопольской пожилой дамы вполне соответствовал ее почетному статусу. Несмотря на нарушенность погребения, в нем было найдено изделий из золота общим весом 1 600 гр. Но наиболее показательным является количество кухонно-столовой утвари и одиннадцати амфор с вином. Такие богатые хозяйственные отсеки были встречены в мужских погребениях наиболее крупных царских курганов: *Чертотмык*, *Бердянский курган* и *Двугорбая могила*. Поза погребенной с широко расставленными ногами также находит аналогии в мужском южном погребении из *Соболевой могилы*. Это поза определяется как поза всадника, когда умершего везли к месту погребения на его верховом коне в седле. Такой обычай известен не только по этнографическим данным, но и зафиксирован на изображении золотого футляра из Сибирской коллекции Петра I, датируемого скифской эпохой [Очир-Горяева 2012; Очир-Горяева 2018: 68–73].

Как можно объяснить такое равное мужчинам положение отдельных женщин в скифском обществе? Как оказалось, в этом проявилась амбивалентность положения женщины у кочевников.

В традиционных кочевых культурах, особенно не затронутых мусульманской религией, с языческих времен сохранилось уравнивание в правах женщин на определенном этапе ее жизненного

цикла. Переход из одного цикла в другой сопровождался сменой традиционного платья и головного убора. У всех народов известно деление традиционного женского костюма на два вида: незамужней девушки и замужней женщины. Но не у всех народов сохранились сведения об особенностях в одежде старой женщины-бабушки. В этом плане могу привести пример из хорошо знакомой мне (родной) этнографии калмыков. У калмыков в жизни женщины четко выделяются три цикла: первый — девочка в семье родителей, второй — замужняя женщина в семье мужа, третий — основательница кровнородственной семьи.

Новое — это хорошо забытое старое. Нам кажется, что эмансипация женщин началась только в последние два столетия. На самом деле, во многих архаических (традиционных) культурах уравнение в правах женщин было частью ее жизненного цикла. Просто не везде сохранились сведения об этом интересном для темы статьи явлении. Рассмотрим подробнее указанные жизненные циклы.

Девочка — чистое существо, временный гость в доме родителей. Замуж выдавали девочек рано — в 12–14 лет, поэтому в родительском доме они считались гостями, которые в скором времени должны были покинуть родных навсегда. Эта посылка во всем определяла отношение к дочери. Девочек не загружали тяжелой работой, они больше занимались шитьем, вышивкой и т. д. По возможности старались их баловать, одевать красивее и богаче. Девушкам положено было заплетать волосы в одну косу и носить ее на спине. Цвет ткани для девичьего платья выбирался по возможности светлых оттенков, голубого или зеленого цвета. Если ткань была с рисунком, то он должен быть мелким и не ярким. Девушка как чистое существо не должна была возбуждать чувств формами и цветами. Таким образом всячески подчеркивалась духовность, чистота.

Когда девушка выходит замуж, согласно калмыцкой традиции, происходит кардинальная смена статуса. Она умирает в качестве девочки для своих родных. Поэтому, когда невесту выводят из ее родного дома, родители обязаны провести обряд «*даалһ авлһн*», который проводят при выносе покойника, чтобы «счастье, жизненная сила рода» не ушли вместе с уходящей. В семье мужа ей давали новое имя, переодевали в костюм замужней женщины, за-

меняли ее девичьи украшения на новые. На свадьбе проводили специальный обряд разделения косы. Отныне женщина должна была носить две косы. Считалось, что в правой косе замужней женщины была жизненная сила ее рода, а в левой косе — жизненная сила рода ее мужа.

Костюм замужней женщины был очень нарядным, он был весь расшит золотой и серебряной вышивкой. Цвет для платья (*терлг*) и верхней накидки (*цегдг*) выбирался ярких цветов, наиболее желательными были различные оттенки красного. Красный цвет должен был подчеркивать главную функцию замужней женщины — дарение новой жизни — рождение и выхаживание детей.

Статус замужней женщины подразумевал множество запретов и ограничений в поведении с родственниками мужа, с чужими. Например, ей не разрешалось в собственной юрте подходить к алтарю и брать с него подношения, садиться на мужской стороне в юрте, где было место для почетных гостей и старших родственников. Эти ограничения отражали, на мой взгляд, растянутый процесс включения «чужой» в круг кровных родственников, а также меры для предотвращения внебрачных связей молодой женщины.

Третий раз гендерная трансформация происходила, когда у калмычки рождался первый внук и завершался ее детородный возраст. Женщины преклонного возраста, имевшие внуков, не имели права носить праздничную женскую одежду в виде *терлг* и *цегдг*, богато украшенную вышивкой, а также украшать себя кольцами и серьгами с цветными камнями, или просто слишком нарядными. Они обязаны были сменить костюм замужней женщины на костюм старой женщины, который был по существу мужским. То же самое происходило и с головным убором, который сменялся на мужской из черного или серого каракуля с красной кисточкой.

Платье *берз*, лишенное украшений в виде вышивок, по крою было тем же мужским бешметом, только длинным до пят, и шилось из темно-синей или темно-коричневой однотонной ткани. Смена костюма подчеркивала завершение активной фазы жизни. Женщина становилась снова чистой в ритуальном смысле и поэтому пользовалась большим уважением и правами. В гостях ее так же, как стариков-мужчин, усаживали на почетное место, раскуривали ей трубку, прислушивались к ее советам. Имелись случаи,

когда пожилая мать управляла целым родственным кланом. Полагаю, что этим признавались заслуги женщины как основательницы семьи, и, поскольку ее кровь текла в жилах всех ее детей и внуков, она была включена полностью в круг родственников-кровников.

Приведенный этнографический пример показывает, что аналогичной гендерной трансформацией можно объяснить исключительный статус пожилых скифянок, не уступающий позиции мужчин-правителей. Различия в обряде погребения двух женщин — тридцатилетней из кургана *Толстая могила* и пятидесяти-пятилетней из Мелитопольского кургана — можно объяснить их принадлежностью к различным возрастным группам.

Литература

- Ильинская, Тереножкин 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 379 с.
- Кузьмин 1991 — *Кузьмин Н. Ю.* Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.: Гос. музей истории религии, 1991. С. 146–155.
- Мозолевский 1979 — *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 213 с.
- Мозолевский, Полин 2005 — *Мозолевский Б. М., Полин С. В.* Курганы скифского Герроса IV в до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы) Киев: Стилос, 2005. 599 с.
- Очир-Горяева 2012 — *Очир-Горяева М. А.* Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 470 с.
- Очир-Горяева 2016 — *Очир-Горяева М. А.* Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Т. 46. СПб.: ИИМК РАН; Невск. кн. тип., 2016 С. 113–128.
- Очир-Горяева 2018 — *Очир-Горяева М. А.* Процессия всадников на золотом футляре из коллекции Петра I // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 68–73.
- Плешивенко 1991 — *Плешивенко А. Г.* Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1991. С. 53–72.
- Савинов 1996 — *Савинов Д. Г.* Об обряде погребения больших Пазырьских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: [б. и.], 1996. С. 107–111.
- Тереножкин, Мозолевский 1988 — *Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н.* Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988. 264 с.
- Шульга 2003 — *Шульга П. И.* Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: АлтГУ, 2003. 203 с.

- Artamonov 1970 — *Artamonov M.* Goldschatz der Skythen in der Ermitage. Prague: Artia, 1970. 341 p.
- Gold der Steppe 1991 — Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Neumünster: Karl Wachholtz, 1991. 423 p.
- Gold der Skythen 1993 — Gold der Skythen. Schätze aus der Staatliches Eremitage St. Petersburg. Neumünster: Karl Wachholtz, 1993. 262 p.
- Scythian Gold 1999 — Scythian Gold. The treasures from ancient Ukraine. New York: Abrams Inc., 1999. 352 p.
- Ochir-Goryaeva 2015 — *Ochir-Goryaeva M.* The Scythian Tombs: Construction and Geographical Orientation. *The European Journal of Archaeology*. 2015. Is. 18.3. Pp. 477–496.

References

- Artamonov M. Scythian gold treasures of the Hermitage Museum. Prague: Artia, 1970. 341 p. (In Germ.)
- Gold of Steppes: archaeology of Ukraine. Neumünster: Karl Wachholtz, 1991. 423 p. (In Germ.)
- Gold of the Scythians: treasures of the State Hermitage, St. Petersburg. Neumünster: Karl Wachholtz, 1993. 262 p. (In Germ.)
- Ilyinskaya V. A., Terenozhkin A. I. Scythia: 7th-4th cc. BC. Kiev: Naukova Dumka, 1983. 379 p. (In Russ.)
- Kuzmin N. Y. A robbing or a ritual? *Rekonstruktsiya drevnikh verovaniy: istochniki, metod, tsel.* Chrshanovsky V. A. (ed.). St. Petersburg: History of religion Museum, 1991. Pp. 146–155. (In Russ.)
- Mozolewski B. M. Tolstaya Mogila. Kiev: Naukova Dumka. 1979. 213 p. (In Ukr.)
- Mozolevskii B. M., Polin S.V. Mounds of the Scythian Gerros: 4th c. BC (Babina, Vodyana and Soboleva burials). Kiev: Stilos, 2005. 599 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Ancient horse-riders of Eurasian steppes. Moscow: Taus, 2012. 470 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. The Scythian Tombs: Construction and Geographical Orientation. *The European Journal of Archaeology*. 2015. Is. 18.3. Pp. 477–496. (In Eng.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Postburial rites of Eurasian nomads in the Scythian epoch. *Drevniye nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nyye ritualy, simvolicheskiye zakhoroneniya i ogrableniya / Trudy IIMK RAN*. Vol. 46. St. Petersburg: Inst. of Material Culture History of RAS, 2016. Pp. 113–129. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. A cavalcade of riders depicted on the gold box from Peter the Great's collection. *Archeologiya, etnografiya i antropologiya Evrasii*. 2018. No. 4. Pp. 68–73. (In Russ.)
- Pleshivenko A. G. A Scythian mound near the Belozersky Liman. *Kurgany stepnoi Skifii*. Boltrik Y. V., Bunyatyan E. P. (eds.). Kiev: Naukova Dumka, 1991. Pp. 52–72. (In Russ.)

- Savinov D. G. The great Pazyryk mounds: burial rites revisited. *Zhrechestvo i shamanizm v skifskoy epochu*. Alekseev A. Y. et al. (eds.). St. Petersburg, 1996. Pp. 107–111. (In Russ.)
- Terenozkin A. I., Mozolewski B. N. The Mound of Melitopol. Kiev: Naukova Dumka, 1988. 264 p. (In Russ.)
- Scythian Gold. The treasures from ancient Ukraine. New York: Abrams Inc., 1999. 352 p. (In Eng.)
- Shulga P. Lokot-4a: a burial site of the Scythian era. Barnaul: Altaian State Univ., 2003. 203 p. (In Russ.)

Таблица 1. Погребения мужчин по: [Мозолевский 1979: 151, табл. 2]

N	Курган	Погребение	Глубина (м)	Кони	Конюхи
1	Каменная могила	основное	13,0	?	—
2	Мелитопольский	основное	12,5	2	—
3	Чертомлык	основное	12,2	11	2
4	Чмырева могила	основное	12,0	10	—
5	Козел	основное	9,6	11	2?
6	Большая Цымбалка	основное	8,5	6	—
7	Толстая могила	основное	8,5	6	3
8	Лемешев курган	основное	8,6	3	—
9	Мордвиновский 1	основное	8,3	-	—
10	Гайманова могила	основное	8,0	1	1
11	Желтокаменка	основное	7,5	2	—
12	Страшная могила	впускное	6,9	1	—
13	Гайманова могила	впускное	6,8	1	—
14	Верхний Рогачик	впускное	6,7		
15	Братолюбовский	основное, дромос	6,7	2	
16	Александрополь	основное, дромос	5,7	15	
17	Деев курган	основное	5,7	1	
18	Солоха-1	основное	4,0	2	
19	Солоха-2	насыпь 2, основное	5,4	5	1
20	Краснокутский		5,3	4	
21	Малая Лепетиха		5,3	—	—
22	Мордвиновский-2	основное	4,5	1	—
Всего:		20 — основное, 3 — впускное	Всего — 7,07 м	85 коней	6 конюхов

Таблица. 2. Погребения женщин по: [Мозолевский 1979: 151, табл. 3]

N	Курган	Погребение	Глубина (м)	Кони	Конюхи
1	Гайманова могила	впускное, северное	8,0		
2	Желтокаменка	основное, с подхоронением мужа	7,5	—	
3	Мелитопольский	насыпь 2, основное	7,0		
4	Верхний Рогачик	основное	6,7	—	
5	Толстая могила	впускное	6,2		—
6	Александрополь	основное с подхоронением мужа	5,9	1	
7	Мордвиновский	впускное	4,6	1	
8	Гайманова могила	впускное, боковое	4,0	—	
9	Малая Лепетиха	впускное	3,9	—	
10*	Огуз	впускное	5,55	— (3)	
11*	Братолюбровский	основное с подхоронением мужа	6,7	1	
Всего:		5 — основное (3 — с подхоронением мужа), 6 — впускное	Всего — 5,5м	3 или (5)	

* — добавлено М. А. Очир-Горяевой

Рис. 1. Количество коней. Соотношение мужских и женских погребений (по: табл. 1–2)

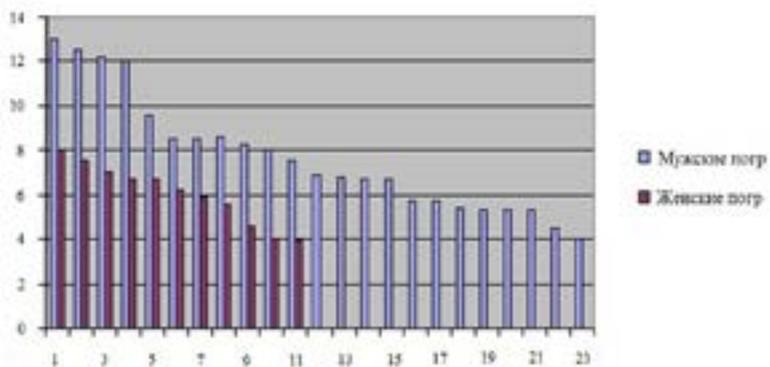

Рис. 2. Глубина могил. Соотношение мужских и женских погребений (по: табл. 1–2)

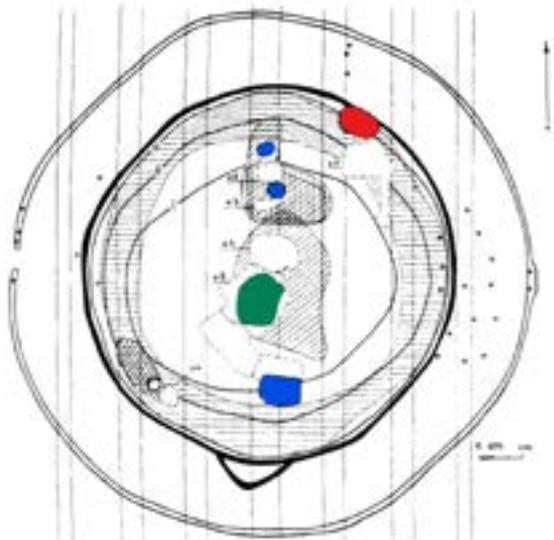

Рис. 3 а. Расположение погребений на плане кургана.
Курган 4 у Белозерского лимана [Плешивенко 1991: 54]
Голубым отмечены мужские погребения, зеленым — семейные,
красным — женские погребения

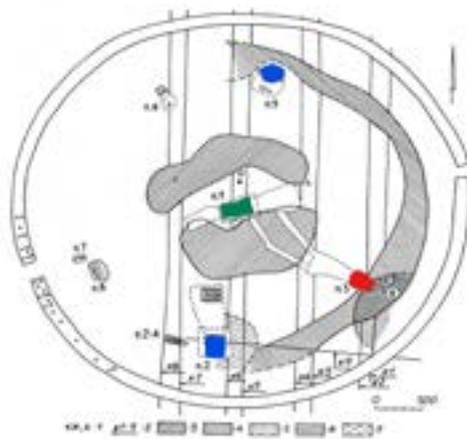

Рис. 3 б. Расположение погребений на плане кургана.
Соболева могила [Мозолевский, Полин 2005: 154]
Голубым отмечены мужские погребения, зеленым — семейные,
красным — женские погребения

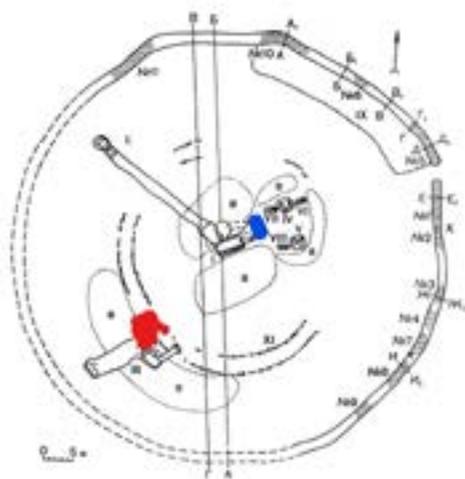

Рис. 3 с. Расположение погребений на плане кургана.
Толстая могила [Мозолевский 1979: 46]
Голубым отмечены мужские погребения, зеленым — семейные,
красным — женские погребения

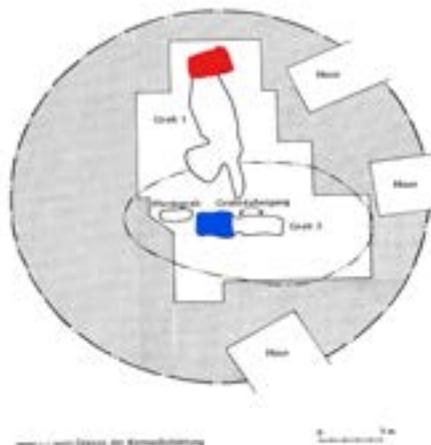

Рис. 3 d. Расположение погребений на плане кургана.
Мелитопольский курган [Тереножкин, Мозолевский: 1988: 12]
Голубым отмечены мужские погребения, зеленым — семейные,
красным — женские погребения

УДК 398.22

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-124-142

Кавказская Нартиада: опыт сравнительного исследования*
The Caucasian *Nartiad*: an Effort of Comparative Research

*T. M. Хаджиева (T. Khadzhieva)*¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел фольклора, Институт мировой литературы им. М. Г. Горького РАН (121069, ул. Поварская 25а, г. Москва, Российская Федерация). E-mail: tanzila_@mail.ru

Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Department of Folklore, Gorkiy Institute of World Literature of the RAS (25a, Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation). E-mail: tanzila_@mail.ru

Аннотация. Нартиада — эпический памятник духовной культуры целого ряда народов Кавказа, различающихся по своему генезису, историческим судьбам, языку, традиционной культуре, — абхазов, адыгов, балкарцев и карачаевцев, осетин, ингушей и чеченцев, кумыков, сванов, рачинцев, хевсуров — на протяжении многих столетий передается из поколения в поколение.

Со второй половины XIX в. началась активная фиксация, публикация и исследование нартского эпоса в авторитетных центральных и кавказских научных изданиях. К началу XX в. был собран и опубликован огромный по объему и замечательный по своим художественным достоинствам материал по всем версиям нартского эпоса.

Сопоставление «Нартиады» с эпическими памятниками других народов, типологически сходными с нартским эпосом (русскими былинами, западноевропейскими эпосами, иранским, монгольским, армянским, карело-финским эпосом, богатырскими поэмами тюрко-монгольских народов) поможет выявить в нем и специфически-самобытное, и общее с другими эпическими традициями на разных уровнях.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ №18-012-00266 А

Ключевые слова: нартские сказания народов Кавказа, сравнительное исследование, сюжетный и мотивный состав, система образов, место Нартиады в мировом эпическом контексте.

Abstract. The *Nartiad* is an epic monument of spiritual culture inherent to a number of Caucasian peoples differing in their genesis, historical destinies, languages, and traditional cultures – the Abkhazians, Circassians, Balkars, Karachays, Ossetians, Ingushes, Chechens, Kumyks, Svans, Rachans, Khevsurians – that has been handed down from generation to generation for many centuries.

Since the mid – 19th century, the Nart sagas were actively recorded, published and studied by authoritative central and regional scientific journals. By the early 20th century, quite a bulk of materials remarkable in both volume and artistic merits had been collected and published.

The comparison of the *Nartiad* to epic monuments of other peoples with typological features similar to those of the Nart epic of the Caucasus (Russian *bylinas*, Western European, Iranian, Mongolic, Armenian, and Karelo-Finnish epics, heroic poems of Turko-Mongols) shall help reveal both original features and common ones, the latter bringing it together with other epic traditions at different levels.

Keywords: Nart sagas of the Caucasus, comparative study, plot and motif structure, system of characters, place of the *Nartiad* in the world epic context.

В мировом эпическом фонде, представленном целым рядом выдающихся эпических памятников, архаический нартский эпос занимает особое место. Этот эпический памятник духовной культуры целого ряда народов Кавказа, различающихся по своему генезису, историческим судьбам, языку, традиционной культуре, — абхазов, адыгов, балкарцев и карачаевцев, осетин, ингушей и чеченцев, кумыков, сванов, рачинцев, хевсуров — на протяжении многих столетий передается из поколения в поколение.

С включением Кавказа в состав Российской империи в начале XIX столетия в России началось активное исследование языков, традиционной культуры, этнографии, фольклора населяющих этот край народов, а со второй половины XIX в. — фиксация, публикация и исследование нартского эпоса народов Кавказа в авторитетных центральных и кавказских научных изданиях.

С конца XIX в. к общекавказской Нартиаде как к сравнительному материалу обращались многие известные ученые [Миллер 1887; Потанин 1899; Халанский 1885; Дюмезиль 1976; Мелетин-

ский 1963; 1968; Евсеев 1959; Boratav 1963; Алиева 1969; Далгат 1972; Гутов 1993; и др.]. Исследования Вс. Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, В. И. Абаева открыли в нартоведении широкую перспективу в деле изучения скифо-сарматских и аланских мотивов в мифологии и нартском эпосе осетин [Клейн 1975; Кузнецов 1980; Иваненко 2000; Туаллагов 2001; Дарчиев 2008; и др.].

В нартоведении появились и исследования, в которых рассматривались параллели Нартиады с древнеиранскими памятниками («Авеста», «Шахнаме»). Так, сравнительной характеристике «Нартиады» и «Шахнаме» посвящена монография осетинского ученого Э. Б. Сатцаева [Сатцаев 2008]. Изданы работы, в которых проводятся параллели нартских сказаний с русскими былинами [Тадевосян 2013] и армянским эпосом «Давид Сасунский» [Петросян 2012; Мартиросян 2014; Амбарцумян 2016].

В последнее время опубликовано много работ, в которых дается сопоставление нартских сказаний с западноевропейскими эпосами [Дзабаева, Исаенко 1996; Баркова 2006; Чибиров 2012; 2014; 2015; 2016; и др.]. Сравнительной характеристике Нартиады с легендой о Короле Артуре и рыцарях Круглого Стола посвящены работы зарубежных [Грисвар 2003; Литтлтон 2007; и др.] и осетинских ученых [Туаллагов 2011; и др.].

На наличие значительного количества тюрко-монгольских параллелей в общекавказской Нартиаде указывают многие ученые [Миллер 1892; Потанин 1899; Абаев 1982; Boratav 1963; Мелетинский 2004; Гуриев 1971; Холаев 1974; Хаджиева 1994; Малкондуев 2017; и др.], ибо, как известно, она «в какую-то эпоху» испытала на себе тюрко-монгольское влияние. «Сомнительно, — утверждает исследователь осетинского эпоса В. И. Абаев в своей работе «Нартовский эпос осетин», — чтобы это влияние ограничилось только несколькими собственными именами. Вместе с именами могли быть заимствованы отдельные сюжеты и мотивы. В деле выявления монголо-тюрских элементов в нартском эпосе предстоит еще большая работа» [Абаев 1982: 56].

Спецификой карачаево-балкарской версии Нартиады является то, что главная ее эпическая тема — борьба нартского племени с огромными многоголовыми людоедами-эмегенами. Эмегены — не только постоянные враги нартов, они — источник зла и хаоса на

земле. Быстро размножаясь, эти ненасытные чудовища пожирают все живое. Чтобы очистить от них землю, Бог создает нартов, которые ведут с ними непрерывную борьбу [Нарты 1994: 305]. Главным же истребителем эмегенов выступает нарт Ёрюзбек. У него, как и у других подобных ему эпических героев (Гильгамеша, Тора, Амირани, Нюргун-Боотура, героев бурятских улигеров и др.), задача одна — уничтожение чудовищ, которые нарушают мирную жизнь его племени.

Рассмотрев разновидности эпических великанов-чудовищ в национальных версиях Нартиады (осетинских уаигов, карачаево-балкарских эмегенов, адыгских иньжей, абхазских адауи, вайнахских гарбашей), мы обнаружили, что в сюжетах, которые распространены в разных версиях Нартиады, великан рисуется в русле общенартских традиций, например, в вариантах об ослеплении Ёрюзбеком (Сосуруком) циклопа-великана, а в карачаево-балкарских сказаниях, которые значительно отличаются от других версий или зафиксированы только в данном эпосе, налицо разительное сходство, а иногда и совпадение образа и функций эмегенов со сказочными и эпическими чудовищами тюркских и монгольских народов — якутским абаасы и мангадхаем, монгольским мангусом, калмыцким мусом и мангасом, киргизским дёё-джалмаусом и т. п.

У многоголовых эмегенов, как и у мифологических чудовищ тюрко-монгольских народов, одна голова главная, а остальные второстепенные: когда Сосурук «отрубил у эмегена четыре не говорящие головы», тот не умер, так как его душа заключалась в пятой, говорящей голове, которую можно было отрубить только мечом самого эмегена. Здесь мотив «главной головы» неразрывно связан с мотивом «условной неуязвимости» [Неклюдов 1984: 119].

У эмегенов в цикле Дебет — Алауган — Карашауай, как и у чудовищ-людоедов эпических произведений некоторых тюрко-монгольских народов, «проявляются черты матриархального уклада жизни» [Гомбоин 1982: 48]. При описании женщин-чудовищ в обеих сравниваемых эпических традициях «подчеркиваются отвисшие груди, закинутае за спину» [Неклюдов 1984: 116; Урусбиев 1881: 12]. Как и женщина-чудовище джарутско-хорчинского эпоса Гилбан Шар [Неклюдов 1984: 118], как и мифологический персонаж ада, согласно представлениям монгольских народов,

женщины-эмегенши пожирают своих новорожденных детей (жена Алаугана, прабабка эмегенов).

Если в других национальных версиях Нартиады матриархальные черты присущи только Сатанай, то в эпосе балкарцев и карачаевцев эти черты характерны и для эмегенш. Только в исследуемом эпосе фигурирует образ прародительницы эмегенов [Нарты 1994: 592–596]. Архаические черты образа прабабки эмегенов, подробное, впечатляющее описание других эмегенш (жена Алаугана и ее мать, эмегенша из сказания «Сыновья Дебета и дочери эмегенши») [Нарты 1994: 396–399], характерные только для карачаево-балкарского эпоса, дают основание считать их трактовку реминисценцией древней тюрко-монгольской эпикой, так как «мать чудовищ — обязательный персонаж в эпосе бурят, якутов, алтае-саянских народностей» [Мелетинский 2004: 396].

То, что сюжетобразующие мотивы сказания «Добывание нартом Сосуруком огня» (игры Сосурука с великаном, смерть от своего оружия, предсмертная хитрость великана и др.) традиционны не только для общекавказской Нартиады, но широко представлены и в эпической традиции некоторых тюрко-монгольских народов, указаны В. В. Радловым, Г. Н. Потаниным, П. Н. Боратовом.

В публикации В. В. Радлова «Ак-Кобэк», кроме мотива предсмертной хитрости великана, встречаются яркие параллели к мотиву игр Сосурука с великаном: «Из войска Кидэна выходит на бой с Ак-Кобэком богатырь Салар-Казан. Ак-Кобэк не открылся ему, выдал себя за повара Ак-Кобэка. Салар-Казан узнает от него, на какие чудотворства способен Ак-Кобэк, и два указанных чуда тотчас же исполняет: жует раскаленные стрелы и выплевывает, принимает на голову скатанный с горы камень. Третье чудо мнимый повар описал так: Ак-Кобэк входит в воду, я замораживаю воду, образуется лед в шесть сажен толщиной, Ак-Кобэк поднимает лед и относит на вершину горы. Салар-Казан садится в воду по шею, Ак-Кобэк замораживает лед и только тогда открывает Салар-Казану свое имя; Салар-Казан не может поднять льда. Ак-Кобэк отрубает ему голову» (цит. по: [Потанин 1899: 669]).

В своем примечании к этому тексту Г. Н. Потанин писал: «В кавказской сказке о Сосырыко великан глотает раскаленное железо, катает камень в гору и замерзает в озере <...> Сосырыко

на месте Ак-Кобэка, великан отвечает Салар-Казану (вар. Самыр-Казан)» [Потанин 1899: 670].

В работе «Гангутско-Тибетская окраина Китая» Г. Н. Потанин, отметив параллель между Сосуруком и Ак-Кобэком, приводит еще ряд параллелей к сказаниям о Сосуруке и к другим циклам нартского эпоса из степного фольклора [Потанин, 2 1893: 121–125].

Известный турецкий фольклорист П. Н. Боратав отмечает в одной из своих работ, что опубликованные В. В. Радловым в сборнике «Proben...» тексты составляют небольшой эпический цикл вокруг центрального персонажа Ак-Кёбёка, а также подчеркивает, что сказания об этом герое бытуют в фольклоре «многих тюркоязычных народов Средней Сибири и Алтая» [Borataw 1963: 86]. Предметом его исследования является мотив «игры героя с великаном», который, как мы отметили выше, традиционен не только для тюркской, но и кавказской эпической традиции. «В южно-сибирских и алтайских повествованиях, которые мы проанализировали, — пишет П. Н. Боратав, — имеется поразительное сходство с некоторыми рассказами эпического цикла нартов, общего для многих нетюркских народов Кавказа» [Borataw 1963: 86]. Далее для сравнительного анализа он привлекает 17 вариантов сказаний о нарте Сосуруке / Созрыко / Сослане из кавказского героического эпоса «Нарты» (одно из этих сказаний, записано им самим в 1960 г. в деревне Язылыкая от карачаевца Идриса Айя) и четыре радловских текста об Ак-Кёбёке [Borataw 1963: 86–97]. В Приложении он дает три карачаевских сказания о нартском богатыре Сосуруке [Borataw 1963: 98–105].

П. Н. Боратав в своей статье обращается и к сюжету борьбы Сослана / Созрыко с Тотырадзом. «В осетинской версии Сослан выступает против Тотырада, сына Алымбега. В самом начале битвы Тотырадз подцепляет Сослана копьём и так ходит с ним до вечера. Сослан умоляет отпустить его, и его соперник соглашается, с тем чтобы вновь встретиться для битвы недель позже. <...> Это же происшествие можно обнаружить в обеих тюркских версиях: Ак-Кёбёк, тюркское соответствие Сослану/Созрыко, также пронзен копьём врага; тот удерживает его подвешенным на копьё, но Ак-Кёбёку удается освободиться при помощи хитрости. <...> С другой стороны, как и в осетинском повествовании, оба против-

ника также решают встретиться через неделю, чтобы вновь сразиться» [Vorataв 1963: 93].

Как известно, волк был одним из тотемов тюрко-монгольских народов. В их эпосе «волк выступает то родоначальником, то кормильцем и воспитателем...» [Липец 1981: 120]. Реликты почитания волка мы находим и в нартском эпосе. Например, в карачаево-балкарской версии Нартиады предводитель нартов Ёрюзмек, по некоторым вариантам, вскормлен волчицей; одним из его постоянных атрибутов является волчья шуба — символ причастности его к волкам. Волчья шуба Ёрюзмека выступает и символом его власти и силы, и знаком, отличающим его от других нартов как предводителя нартов, патриарха племени. Если в древности изображение волка имелось на знаменах тюркских племен, отмечает Р. С. Липец, то позднее изображение волчьей головы стали носить вожди племени, ханы и т. д. Этот знак был символом их власти, избранности.

В некоторых осетинских вариантах, посвященных борьбе Сослана с Татрадзом, как и в адыгских сказаниях на этот сюжет, Сатана увещивает коня Сослана колокольчиками или разноцветными лоскутками (ср. с шаманским плащом). А в сказании «Как убили Хамыца, Батразова отца», по совету колдуньи, волчью шубу на шею своего коня вешает один из врагов нартов — малик из города Тынта, чтобы испугать «Хамыцева коня — чертово отродье» [Миллер, 1 1881: 258–259].

Древние верили, что человек, облаченный в шкуру тотемного животного, как бы перевоплощается в него. Ярким свидетельством этого служат нартские песни и сказания о встрече Ёрюзмека с шайтанами. Предки балкарцев и карачаевцев считали, что шайтаны при желании могут быть невидимыми для всех живых существ на земле, кроме волков, и что последние всегда подстерегают и съедают новорожденных шайтанов [Нарты 1994: 580]. Поэтому у балкарцев и карачаевцев любые атрибуты с тела волка, главного врага шайтанов, — самый действенный оберег от нечистой силы. Вот почему при встрече Ёрюзмека с пляшущими шайтанами его шуба наводит на них неопиcуемый ужас. Их страх настолько велик, что они табуируют даже словосочетание «волчья шуба» и заменяют ее словом «желпегей» ('то, что носится внакидку'), и, настаивая на том, чтобы Ёрюзмек снял ее, они добиваются, чтобы

нарт снова обрел свою человеческую сущность, а следовательно, и уязвимость» [Батчаев 1986: 122].

Мотив пляски героя с нечистой силой популярен и в фольклоре тюрко-монгольских народов. Так, в «Джангаре», как и в сказаниях об Ёрюзмеке, «шулмусы выступают <...> в образе красивых девушек <...> которые своими чарами пытаются отвлечь богатыря Джангара...» [Никифоров 1915: 112]. Шулмусы стараются обмануть и обессилить и другого героя Джангариады — Хонгора [Джангар 1990]. Мотив участия героя в веселье с нечистой силой имеет место и в фольклоре алтайских народов.

В сказаниях народов Кавказа ряд мотивов, связанных с вещами богатырскими конями нартских героев, имеют параллели в эпосе тюркских и монгольских народов, в котором они традиционны и детально разработаны. В отличие от других версий нартского эпоса, в карачаево-балкарской, наряду с прозаическими текстами, имеется и ряд песен, посвященных Гемуде, «трехногому, медноухому, булатнокопытному» коню нарта Карашауая [Нарты 1994: 437–441], которые, возможно, восходят к жанру «хвалы коню», имеющему широкое распространение в эпической традиции тюрко- и монголоязычных народов [Липец 1984: 228]. Чудесно и происхождение Гемуды — от морских коней. Морские кони традиционны и для эпоса тюрко-монгольских народов. Например, «в башкирском эпосе популярен древний мифологический сюжет о водяных конях <...> и об их вожаке Ак-Бузате...» [Липец 1984: 125]. Из морских коней произошел и крылатый конь Кёр-оглы — Гырат. О чудесных морских лошадях, встречающихся в фольклоре тюрков и монголов, упоминают в своих работах Г. Н. Потанин, В. А. Гордлевский [Потанин 1893: 125; и др.].

Значительное число сказаний в цикле о Карашауае посвящено его победе на скачках нартов. Варианты этой сюжетной группы и сказание «Как нарт Карашауай женился на дочери могущественного падишаха» [Нарты 1994: 477–482] обнаруживают разительное сходство с эпосом некоторых тюрко-монгольских народов (подробнее см.: [Жирмунский 1974: 279, 301; Суразаков 1985: 193, 194]). Особенно много параллелей к циклу Карашауая мы выявили в алтайском эпосе «Маадай-Кара» [Суразаков 1985: 166–217].

Во всех версиях кавказской «Нартиады» нарт Сосурук — сын камня. Мотив петрогенеза характерен не только для нартских сказаний: в хетто-хурритском эпосе бог Кумарби порождает каменного богатыря Улликуммена, в иранских мифах из камня рождаются Митра и его сын и т. д. Мотив «рождение из камня» популярен и в фольклоре тюрко-монгольских народов [Алтын-Арыг 1988; Пухов 1962; и др.].

В карачаево-балкарском сказании о рождении Сосурука говорится, что Сатанай, извлекая Сосурука из камня и перерезая ему пуповину, совершает магический обряд и при этом закликает Тейри Неба, Тейри Земли, Тейри Воды и Тейри Огня: «Сделайте его настоящим нартом: пусть его не берут ни меч, ни стрела! Пусть всегда побеждает он своих врагов!» [Нарты 1994: 365].

Набрав воды из родников семи гор и полоща ею рот малыша, она говорит: «Эти семь гор твои матери, я прополоскала их молоком твой рот» [Нарты 1994: 365].

В эпосе тюркоязычных народов формула неуязвимости героя, пишет В. М. Жирмунский, встречается не только при описании различных качеств богатыря. Так, например, в казахской богатырской сказке «Хан Шентей» «формула повторяется в благословении героя матерью; в „Эркем-Айдаре“ — в заклятии его сестры-волшебницы: „Если стреляют — пусть ружье не пронзит тебя, если мечом ударят — пусть не пронзит тебя“» [Жирмунский 1974: 243].

Такое же заклинание произносит над одноглазым циклопом Депе-Гёзом и в огузском эпосе его мать, сказочная дева-пери [Жирмунский 1974: 243] (об этом см. и работу И. В. Пухова [Пухов 1962: 62–63]).

В фольклоре многих народов мира встречаются чудесные сосуды, дарующие своим обладателям жизнь и изобилие. Так, в кельтской мифологии король Дагды имеет неисчерпаемый котел, «от которого никто не отходил, не насытившись» [Широкова 2004: 88]; ирландский король Кормак в Ином Мире увидел котел, который готовил пищу только при условии, если ему рассказывали правдивые истории [Исландские саги 1973: 459]. Кормак владеет и золотой чашей, которая раскалывается от ложных слов, а когда произносятся слова правды, она тут же обретает свой прежний вид [Исландские саги 1973: 459]; волшебное Сампо в карело-финской

мифологии, являющееся источником благополучия и изобилия и т. д. Все эти чудесные предметы большинство исследователей относят со святым Граалем [Широкова 2004: 88].

И в нартском эпосе народов Кавказа чаши, котлы и различные напитки играют большую роль. Так, в осетинской версии Нартиады, когда нарты во время пира «начинают похвастаться своими подвигами», чаша Уацамонга «найдя истинного героя, сама поднимается к его устам» [Нарты, 3 1989–1991: 72].

В карачаево-балкарском же сказании «Рачикау», опубликованном в 1881 г. С.-А. Урусбиевым, говорится, что во время пира нартов «каждый из них рассказывал про самый замечательный подвиг, совершенный им в своей жизни. При этом у них был бочонок „Агуна“, который наливался до половины питьем, и если рассказ о подвиге, совершенном рассказывавшим, был правдив, то после рассказа, этот бочонок сам собой наполнялся и три раза переливался через край» [Нарты 1994: 516].

В сказании «Золотой ковш нартов» читаем: «Время нартов было счастливым временем для рода человеческого. <...> Красивые, отважные, благородные, трудолюбивые нарты никому не причиняли зла. Они <...> охраняли свои земли и скотину, своих родных. <...> Нартам во всем помогал <...> золотой ковш. Тому, кто пил воду из этого ковша, он давал силу, мужество и мудрость. Ковш с водой сам поднимался ко рту правдивого, хорошего человека, а обманщиков, нечестных он даже близко к себе не подпускал» [Нарты 1994: 590–592].

Враг нартского племени Иблис украл Золотой ковш нартов и спрятал его на небе. «Золотой ковш находится в середине неба, в семи днях пути на коне от Большой Медведицы. Нарты, оставшись без золотого ковша, потеряли свою силу. Иблис посеял между ними жадность, лень и коварство. Нарты старались не поддаваться всему этому, но не выдержали. <...> Между ними появились отчужденность и вражда. Враждуя друг с другом, они обессилели, и многие из них погибли. А некоторые из них превратились в горы. Их имена известны и поныне. Это — Эльбрус, Мусса-Ачыгара, Тегин, Казбек, Машук, Ушта.

Судя по рассказам стариков, у самой красивой горянки родится богатырский сын. Он извлечет из-под разрушенных стен нартской

крепости Амгата лук нартов и собьет с небес [тот] золотой ковш. Говорят, что, когда он упадет на землю, люди выпьют из него воду нартов, и опять будут понимать друг друга, и будут жить в мире и согласии» [Нарты 1994: 590–592].

В сказании «Как вошло зло в нартовский род» старший сын нартского кузнеца Златоликого Дебета — Алауган, как и нарт Ёрюзмек, выступает неутомимым истребителем великанов-эмегенов. Когда он на своем боевом коне Гемуде в очередной раз преследовал этих чудовищ, увидел, что:

...в пещере под обрывом
Притаились трое великанов:
Старик с сыном прячут котел древний, закопченный,
Не велик котел и не мал: сорок быков в нем сварится;
С сорока котел медными ушками,
А старуха вход в пещеру зашивает;
Камень с камнем сшивает, иглой быстро тачает, —
А игла-то с вековую сосну...
Гемуда говорит своему хозяину :
— Ты меня нагрузи дорогой добычей —
Тем котлом с сорока медными ушками,
Что старик-эмеген в пещере спрятал.
В тот котел и мяса класть не надо:
Лишь водой налить да огонь разложить, —
Сорока быков наполнится он мясом.
И покуда в доме Алигата —
В доме старшего над нартами рода —
На святой цепи котел висит прикован,
Будет крепко племя славных нартов,
Да и голода мук не узнает. [Нарты 1994: 408].

Мотив добычи котла в упорной борьбе с великанами разработан и в «Старшей Эдде»: Тор уносит из пещеры великана Хюмира громадный котел для варки пива, перебив ударами своего волшебного молота всех преследовавших его ледяных великанов [Мифы 2005: 195].

В кельтской (ирландской) мифологии о мече короля Нуаду говорится: «Стоило вынуть его из боевых ножен, как никто уже не мог от него уклониться, и удар его невозможно было отразить» [Широкова 2004: 88]. Этим же свойством обладает волшебный

меч Сырпын нарта Ёрюзмека: «Мой меч не обнажается без того, чтобы он не уничтожил врагов», — предупреждает он на «пиру с западней» своих зложелателей. Когда же те, чтобы как-нибудь взять у него меч, начали (снова) упрашивать показать им знаменитый Сырпын, он со словами: «„Я должен вас предупредить, что мой Сырпын <...>, если раз выйдет из ножен, то уже не войдет обратно даром!“ — размахнулся и одним ударом перерубил цепь, на которой висел котел, с варящимися сорока бугаями. Котел опрокинулся, и все находившееся в нем вылилось на пол <...>, а Урызбек начал рубить направо и налево и уложил на месте своих врагов» [Нарты 1994: 335].

Говоря о схожих сюжетах Нартиады, ирландского средневекового эпоса и скандинавских саг, Л. А. Чибиров пишет: «Весьма существенны параллели между сослановским циклом и ирландскими сагами, между Сосланом и Кухулином. <...> Без преувеличения Кухулин — ирландский двойник Батрадза. <...> Не менее ярки параллели между Кухулином и Брикриу с Сосланом и Сырдоном» [Чибиров 2014: 99].

Типологическую близость нартского эпоса и карело-финской «Калевалы» отметили в своих работах В. Я. Евсеев [Евсеев 1959], Е. М. Мелетинский [Мелетинский 1963], В. И. Абаев [Абаев 1982] и др.

Анализируемый материал показывает, что все версии Нартиады имеют много общего не только между собой, но и с эпическими памятниками других народов. Конечно, чаще всего трудно определить, взаимообмен это, заимствование или свидетельство о генетическом родстве? Например, сопоставительный анализ нартских песен и сказаний с эпосом тюркских народов выявил ряд параллелей, связанных с их эпическими героями. Так, традиционный мотив рождения героя от престарелого отца и мотив тайного воспитания богатырского младенца после гибели его отца, месть юного героя за смерть своего отца, мотив «пира с западней», «магтала-восхваления», столь характерные для многих тюрко-монгольских эпосов, в «Нартиаде» разработаны в тюрко-монгольских эпических традициях.

Литература

- Абаев 1982 — *Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин. Цхинвали: Ирыстон, 1982. 106 с.
- Алиева 1969 — *Алиева А. И.* Адыгский нартский эпос. М.; Нальчик: Эльбрус, 1969. 168 с.
- Алтын-Арыг 1988 — Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука, 1988. 592 с.
- Амбарцумян 2016 — *Амбарцумян А. А.* О некоторых эпико-мифологических мотивах армянского и карачаево-балкарского эпосов (на примере «Давида Сасунского» и Нартиады) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2016. № 3 (03). С. 34–43.
- Баркова 2006 — *Баркова А. М.* Гуннар в змеином рву: исландско-осетинские параллели // Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения. Владикавказ: Ир, 2006. 283 с.
- Басилов 1996 — *Басилов В. Н.* Слепые в кавказском и среднеазиатском фольклоре. (Дополнение к статье Ж. Дюмезиля) // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 94–109.
- Батчаев 1986 — *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1986. 150 с.
- Гомбоин 1982 — *Гомбоин Д. Д.* Образы зоантропоморфных врагов в эрхит-булгатских улигерах // Поэтика жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1982. 109 с.
- Грисвар 2003 — *Грисвар Ж.* Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура. Владикавказ: Ир, 2003. 196 с.
- Гуриев 1971 — *Гуриев Т. А.* К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса (о монгольских влияниях). Орджоникидзе: Ир, 1971. 169 с.
- Гутов 1993 — *Гутов А. М.* Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 207 с.
- Далгат 1972 — *Далгат У. Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М.: Наука, 1972. 469 с.
- Дарчиев 2008 — *Дарчиев А. В.* Скифский военный культ и его следы в осетинской Нартиаде. Владикавказ: Ир, 2008. 306 с.
- Джангар 1990 — Джангар. Калмыцкий народный эпос. М.: Наука, 1990. 480 с.
- Дзабаева, Исаенко 1996 — *Дзабаева И. Х., Исаенко А. В.* Скандинавские мотивы в осетинских нартских сказаниях // История и философия культуры: актуальные проблемы. Сб. науч. тр. Вып. 1. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1996. С. 72–77.
- Дюмезиль 1976 — *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.

- Евсеев 1959 — *Евсеев В. Я.* О типологической близости карело-финского и нартского эпоса // Вопросы литературы и народного творчества. Вып. 20. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. С. 37–40.
- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
- Иванеско 2000 — *Иванеско А. Е.* Историческая информативность осетинского нартского эпоса. Скифо-сарматский период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2000. 26 с.
- Исландские саги 1973 — Исландские саги. Ирландский эпос. М.: Худ. лит., 1973. 864 с.
- Клейн 1975 — *Клейн Л. С.* Легенда об азиатском происхождении скифов и нартский эпос // Вестник древней истории. 1975. № 4. С. 14–27.
- Кузнецов 1980 — *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 139 с.
- Липец 1981 — *Липец Р. С.* Лицо волка благословенно (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // Советская этнография. 1981. № 1. С. 121–134.
- Липец 1984 — *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 266 с.
- Литтлтон 2007 — *Литтлтон К. Скотт, Малкор Линда А.* От Скифии до Камелота. М.: Менеджер, 2007. 491 с.
- Малкондуев 2017 — *Малкондуев Х. Х.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик: Принт Центр, 2017. 148 с.
- Мартirosян 2014 — *Мартirosян Г. К.* Одно наблюдение о Хаче Патрази // Армянский эпос и всемирное эпическое наследие. Мат-лы IV Междунар. конф. Ереван: Изд-во Академии наук, 2014. С. 54–60. (на арм. яз.).
- Мелетинский 1963 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М.: Наука, 1963. 462 с.
- Мелетинский 1968 — *Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 367 с.
- Мелетинский 2004 — *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2004. 460 с.
- Миллер 1892 — *Миллер В. Ф.* Кавказско-русские параллели. Экскурсы в область русского народного эпоса. I–VIII. Приложение. М.: А. А. Левенсон, 1892. XII, 232, 2, 69 с.
- Миллер 1881–1887 — *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. В 3-х ч. М.: Имп. Моск. ун-т, 1881. [2], 164, III с. М.: Имп. Моск. ун-т, 1882. [4], VIII, 302, II с. М.: Имп. Моск. ун-т, 1887. VIII, 216 с.
- Мифы 2005 — Мифы древней Скандинавии. М.: Астрель, АСТ, 2005. 464 с.

- Нарты 1989–1990 — Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1. М.: Наука, 1989. 435 с.; Кн. 2. М.: Наука, 1990. 499 с.; Кн. 3. М.: Наука, 1991. 179 с.
- Нарты 1994 — Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 657 с.
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984. 316 с.
- Никифоров 1915 — *Никифоров Н. Я.* Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общ-ва. Омск: [б. и.], 1915. Т. XXXVII. 309 с.
- Петросян 2012 — *Петросян А. Е.* Соотношение армянского и северо-кавказско-нартского эпоса // Армянский эпос и всемирное эпическое наследие. Мат-лы III междунар. конф. Ереван: Изд-во Академии наук РА, 2012. С. 8–51. (на арм. яз.).
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Ч. 4. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883, 1052 с.
- Потанин 1893 — *Потанин Г. Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 2. СПб.: Имп. Рус. геогр. общ-во, 1893. 568 с.
- Потанин 1899 — *Потанин Г. Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.: Географическое отделение Имп. Общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1899. 894 с.
- Пухов 1962 — *Пухов И. В.* Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 256 с.
- Сатцаев 2008 — *Сатцаев Э. Б.* Нартский эпос и иранская поэма «Шахнаме» (Схожие сюжетные мотивы). Владикавказ: Ир, 2008. 156 с.
- Суразаков 1985 — *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос. М., Наука, 1985. 256 с.
- Тадевосян 2013 — *Тадевосян Т. В.* Семантические параллели фольклорных архетипов. Русские былины и осетинский нартский эпос. Владикавказ: Ир, 2013. 143 с.
- Туаллагов 2001 — *Туаллагов А. А.* Скифо-сарматский мир и нартский эпос осетин. Владикавказ: Ир, 2001. 315 с.
- Туаллагов 2011 — *Туаллагов А. А.* Меч и фандыр (Артуриана и нартский эпос осетин). Владикавказ: Ир, 2011. 275 с.
- Урусбиев 1881 — *Урусбиев С.-А.* Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1881. Вып. I. Отд. 2. С. 1–42.
- Хаджиева 1994 — *Хаджиева Т. М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. С. 8–65.

- Халанский 1885 — *Халанский М. Г.* Великорусские былины Киевского цикла. Варшава: в тип. М. Зенкевича, 1885. 235 с.
- Холаев 1974 — *Холаев А. З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик: Эльбрус, 1974. 143 с.
- Чибиров 2012 — *Чибиров Л. А.* Об индоевропейских истоках осетинских нартовских сказаний // *Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. тр. Вып. 1.* Владикавказ: Ир, 2012. С. 33–72.
- Чибиров 2014 — *Чибиров Л. А.* «Нартиада и эпос народов северо-западной Европы: Параллели и их исторические корни // *Вестник Российской Академии наук.* 2014. № 4. С. 96–101.
- Чибиров 2015 — *Чибиров Л. А.* Историческая основа параллелей осетинских сказаний о нартах и скандинавских саг // *Нартоведение в XXI веке: современные парадгмы и интерпретации: сб. науч. тр. Вып. 3.* Владикавказ: Ир, 2015. С. 84–93.
- Чибиров 2016 — *Чибиров Л. А.* Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 464 с.
- Широкова 2004 — *Широкова Н.* Мифы кельтских народов. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. 432 с.
- Boratav 1963 — *Boratav Pertev N.* Ak-Köböğ, Salur-Kazan et Sosurga. Un Motif de l'épopée oghouz et son rayonnement en Anatolie, au Caucase et en Asie Centrale par Pertev N. Boratav. l'Homme. «Revue, française d'anthropologie». January–April 1963. Pp. 86–105. (На франц.)

References

- Abaev V. I. Nart sagas of the Ossetians. Tskhinvali: Iryston, 1982. 106 p. (In Russ.)
- Alieva A. I. Nart sagas of the Adyghe people. Moscow; Nalchik: Elbrus, 1969. 168 p. (In Russ.)
- Altyn-Aryg: a Khakass heroic epic. Moscow: Nauka, 1988. 592 p. (In Russ.)
- Ambartsumyan A. A. On epic-mythological motifs of the Armenian and Karachay-Balkar epics (inspired by 'David of Sassoun' and the 'Nart' epic). *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova.* Ser. 'Epic Studies'. 2016. No. 3 (03). Pp. 34–43. (In Russ.)
- Barkova A. M. Gunnar in the Snake Pit: Icelandic-Ossetian parallels revisited. *B. A. Alborov i problemy kavkazovedeniya.* Vladikavkaz: Ir, 2006. 283 p. (In Russ.)
- Basilov V. N. The blind in Caucasian and Central Asian folklore traditions (a supplement to G. Dumezil's article). *Etnograficheskoe obozrenie.* 1996. No. 5. Pp. 94–109. (In Russ.)
- Batchaev V. M. Excerpts from the history of traditional Karachay-Balkar culture. Nalchik: Elbrus, 1986. 150 p. (In Russ.)

- Boratav Pertev N. Ak-Köbök, Salur-Kazan and Sosurga. One motif of the Oghuz epic and its dissemination in Anatolia, the Caucasus and Central Asia: a case study by Pertev N. Boratav. I'Homme. «Revue, française d'anthropologie». January–April 1963. Pp. 86–105. (In Fr.)
- Chibirov L. A. Ossetian Nart tales: Indo-European beginnings revisited. *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii*. Coll. papers. Is. 1. Vladikavkaz: Ir, 2012. Pp. 33–72. (In Russ.)
- Chibirov L. A. Narta epos and the epos of Northwestern Europe peoples: parallels and their historical roots. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. 2014. No. 4. Pp. 96–101. (In Russ.)
- Chibirov L. A. Ossetian Nart tales and Scandinavian sagas: a historic basis of parallels. *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii*. Coll. papers. Is. 3. Vladikavkaz: Ir, 2015. Pp. 84–93. (In Russ.)
- Chibirov L. A. The Ossetian Nartiad: mythological roots and areal ties. Vladikavkaz: Ir, 2016. 464 p. (In Russ.)
- Dalgat U. B. The Chechen-Ingush heroic epic: a case study and texts. Moscow: Nauka, 1972. 469 p. (In Russ.)
- Darchiey A. V. The Scythian military cult and its traces in Ossetian Nart sagas. Vladikavkaz: Ir, 2008. 306 p. (In Russ.)
- Dzabaeva I. KH., Isaenko A. V. Scandinavian motifs in Ossetian Nart sagas. *Istoriya i filosofiya kul'tury: aktual'nye problemy*. Coll. papers. Is. 1. Vladikavkaz: North Ossetian State Univ., 1996. Pp. 72–77. (In Russ.)
- Dzhangar: the Kalmyk heroic epic. Moscow: Nauka, 1990. 480 p. (In Russ.)
- Dumezil G. The Ossetian epic and mythology. Moscow: Nauka, 1976. 276 p. (In Russ.)
- Evseev V. Ya. The Karelo-Finnish epic and Nart sagas: typological proximity revisited. *Voprosy literatury i narodnogo tvorchestva*. Is. 20. Petrozavodsk: State Publ. House of Karelian ASSR, 1959. Pp. 37–40. (In Russ.)
- Gomboin D. D. Uligers of the Erkhrit-Bulaghats: images of zoo-anthropomorphic enemies. *Poetika zhanrov buryatskogo fol'klora*. Ulan-Ude: Buryat Affiliated Research Institution (Sib. Branch of USSR Acad. of Sc.), 1982. 109 p. (In Russ.)
- Grisvar Zh. A motif of the sword thrown into the lake: deaths of Arthur and Batraz. *Epos i mifologiya osetin i mirovaya kul'tura*. Vladikavkaz: Ir, 2003. 196 p. (In Russ.)
- Guriev T. A. Nart sagas of the Ossetians: the issue of genesis revisited (examining a suggested Mongolic impact). Ordzhonikidze: Ir, 1971. 169 p. (In Russ.)
- Gutov A. M. Nart sagas of the Adyghe people: poetics and typology. Moscow: Nauka, 1993. 207 p. (In Russ.)

- Ivanenko A. E. A historical informative value of Ossetian Nart sagas: Scytho-Sarmatian period. A PhD thesis abstract. Rostov-on-Don, 2000. 26 p. (In Russ.)
- Icelandic sagas. The Icelandic epic. Moscow: Khud. Lit., 1973. 864 p. (In Russ.)
- Khadzhiyeva T. M. Nart sagas of the Karachay-Balkars. *Narty: Geroicheskiy epos balkartsev i karachaevtsev*. Moscow: Nauka, 1994. Pp. 8–65. (In Russ.)
- Khalansky M. G. Great Russian bylinas of the Kievan Cycle. Warsaw: M. Zenkevich, 1885. 235 p. (In Russ.)
- Kholoiev A. Z. Nart sagas of the Karachay-Balkars. Nalchik: Elbrus, 1974. 143 p. (In Russ.)
- Kleyn L. S. A legend about Asian roots of the Scythians and Nart sagas. *Vestnik drevney istorii*. 1975. No. 4. Pp. 14–27. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. The Nart sagas and some aspects of Ossetian ethnic history. Ordzhonikidze: Ir, 1980. 139 p. (In Russ.)
- Lipets R. S. The Face of the Wolf be Sacred (The epic and genealogical legends of Turko-Mongols: stadial changes in the image of the wolf). *Sovetskaya etnografiya*. 1981. No. 1. Pp. 121–134. (In Russ.)
- Lipets R. S. The epic of Turko-Mongols: images of the Baatar (hero) and his war-horse. Moscow: Nauka, 1984. 266 p. (In Russ.)
- Littleton C. Scott, Malcor Linda A. From Scythia to Camelot. Moscow: Menedzher, 2007. 491 p. (In Russ.)
- Malkonduev Kh. Kh. Nart sagas of the Karachay-Balkars. Nalchik: Print Tsentr, 2017. 148 p. (In Russ.)
- Martirosyan G. K. An observation regarding Khach Patrazi. *Armyanskiy epos i vseмирnoe epicheskoe nasledie*. Conf. proc. Erevan: Nat. Acad. of Sc. of Armenia, 2014. Pp. 54–60. (In Arm.)
- Meletinsky E. M. Origins of the heroic epic. Moscow: Nauka, 1963. 462 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. Edda and early epic forms. Moscow: Nauka, 1968. 367 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. Origins of the heroic epic: early forms and archaic monuments. 2nd ed. Moscow: Vost. Lit., 2004. 460 p. (In Russ.)
- Miller Vs. F. Caucasian-Russian parallels: insights into the Russian folk epic. I–VIII. Supplement. Moscow: A. A. Levenson, 1892. XII, 232, 2, 69 p. (In Russ.)
- Miller V. F. Ossetian sketches. In 3 parts. Moscow: Imp. Mosc. Univ., 1881. [2], 164, III p. Moscow: Imp. Mosc. Univ., 1882. [4], VIII, 302, II p. Moscow: Imp. Mosc. Univ., 1887. VIII, 216 p. (In Russ.)

- Myths of Ancient Scandinavia. Moscow: Astrel', AST, 2005. 464 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. The heroic epic of Mongolic peoples. Moscow: Nauka, 1984. 316 p. (In Russ.)
- Nikiforov N. Ya. Altaian fairy tales collected around the village of Anos. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obsch-va.* Omsk, 1915. Vol. XXXVII. 309 p. (In Russ.)
- Petrosyan A. E. The Armenian epic and North Caucasian Nart sagas: internal relations revisited. *Armyanskiy epos i vseмирnoe epicheskoe nasledie.* Conf. proc. Erevan: Nat. Acad. of Sc. of Armenia, 2012. Pp. 8–51. (In Arm.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Part 4. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883, 1052 p. (In Russ.)
- Potanin G. N. The Tangut-Tibetan peripheries of China and Central Mongolia. Vol. 2. St. Petersburg: Imp. Rus. Geogr. Soc., 1893. 568 p. (In Russ.)
- Potanin G. N. Oriental motifs in the medieval European epic. Moscow: Geographical Dept., Imp. Society of Natural Sc., Anthropol. and Ethnogr., 1899. 894 p. (In Russ.)
- Pukhov I. V. The Yakut heroic epic of Olonkho: hey characters (images). Moscow: USSR Acad. of Sc., 1962. 256 p. (In Russ.)
- Sattsaeve E. B. The Nart epic and the Iranian Shahnameh: similar motifs. Vladikavkaz: Ir, 2008. 156 p. (In Russ.)
- Shirokova N. Myths of Celtic peoples. Moscow: AST, Astrel', Tranzitkniga, 2004. 432 p. (In Russ.)
- Surazakov S. S. The Altaian heroic epic. Moscow: Nauka, 1985. 256 p. (In Russ.)
- Tadevosyan T. V. Russian bylinas and Nart sagas of the Ossetians: semantic parallels of folklore archetypes. Vladikavkaz: Ir, 2013. 143 p. (In Russ.)
- The Narts: a heroic epic of the Ossetians. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1989. 435 p.; Vol. 2. Moscow: Nauka, 1990. 499 p.; Vol. 3. Moscow: Nauka, 1991. 179 p. (In Russ.)
- The Narts: a heroic epic of the Karachay-Balkars. Moscow: Nauka, 1994. 657 p. (In Russ.)
- Tuallagov A. A. The Scytho-Sarmatian world and Nart sagas of the Ossetians. Vladikavkaz: Ir, 2001. 315 p. (In Russ.)
- Tuallagov A. A. The Sword and the Fandyr: the epic of King Arthur and Nart sagas of the Ossetians. Vladikavkaz: Ir, 2011. 275 p. (In Russ.)
- Urusbiev S.-A. The highland Tatars (Turkic-speaking populations) inhabiting Pyatigorsk District of Terek Oblast: tales of Nart heroes. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza.* 1881. Is. I. Part 2. Pp. 1–42. (In Russ.)
- Zhirimunsky V. M. The Turkic heroic epic. Leningrad: Nauka, 1974. 727 p. (In Russ.)

О записи песен «Джангара» (Отчет Н. О. Очирова)*

A Recording of the *Jangar* Epic Songs

(a Report by N. O. Ochirov)

Б. А. Бичеев (B. A. Bicheev)¹

¹ доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: baazr@mail.ru

Ph.D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Leading Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: baazr@mail.ru

Аннотация. История записи, публикации и исследования калмыцкого эпоса «Джангар» насчитывает более двух столетий. Особое внимание отечественные эпосоведы уделяли поискам архивных материалов, содержащих сведения о записях, а также тексты отдельных глав эпоса. Одной из актуальных задач отечественного эпосоведения является проблема рукописного бытования «Джангара», которая возникает уже с момента первой публикации его текста. Известные факты дают основание говорить о том, что в письменной литературе калмыков к началу XIX в. существовали рукописные списки отдельных песен эпоса. Однако сведений о распространении таких рукописей в книжной традиции нет. Одним из выявленных материалов последнего времени стал отчет Н. О. Очирова, составленный им в 1908 г. сразу же после записи девяти песен у калмыцкого джангарчи Ээлян Овла. Обнаруженный материал, несмотря на свой небольшой объем, содержит интересную для исследователей информацию, раскрывающую грани сказительской традиции замечательного калмыцкого рапсода.

Ключевые слова: эпос, текст, рукописный текст, сказительская традиция

Abstract. The history of recordings, publications and investigations of the Kalmyk epic of *Jangar* dates back more than two centuries. Special attention of domestic scientists has been paid to the search of archival materials contain-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Фольклор монголоязычных народов: тексты и исследования» (номер государственной регистрации: АААА-А18-118040490039-3).

ing information about recordings and respective texts of certain chapters of the epic. The very first publication gave rise to another topical research issue — the emerged written (manuscript) tradition and related problems. A number of facts make it possible to conclude that there had been some Kalmyk-language manuscript texts of the epic by the early 19th century already. Still, no available data confirm any book publications. One newly discovered material is a 1908 report by N. Ochirov written immediately after he had recorded nine *Jangar* songs from the Kalmyk jangarchi Eelyan Ovla. The revealed source — though not that extensive — contains interesting research information revealing new aspects of the prominent Kalmyk rhapsode's tale-telling tradition.

Keywords: epic, text, handwritten text, tale-telling tradition

История записи, публикации и исследования калмыцкого эпоса «Джангар» представлена в работах отечественных и зарубежных фольклористов [Кичиков 1976; Неклюдов 1984; Vormanshinov 1981; и др.]. Большой материал по джангароведению систематизирован в библиографическом справочнике, подготовленном старейшим работником Калмыцкого научного центра РАН П. Э. Алексеевой [Алексеева 2014]. Однако процесс, связанный с фиксацией эпических песен, далек от завершения, поскольку существует живая исполнительская традиция эпоса в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Патриарх калмыцкого джангароведения А. Ш. Кичиков в свое время писал о назревшей необходимости научного обобщения работы, проделанной эпосоведами Китая [Кичиков 1981: 41–55].

Исследователи Института национальных литератур Академии общественных наук Китайской Народной Республики (г. Пекин), Университета Внутренней Монголии (г. Хух-Хот), Северо-Западного университета национальностей (г. Ланьчжоу), Синьцзянского государственного университета (г. Урумчи) последние два десятилетия ведут активную экспедиционную, исследовательскую и издательскую деятельность [Дамринжав 2017].

Вместе с тем возникает необходимость уточнения и дополнения некоторых уже известных фактов. Особого внимания заслуживает проблема рукописного бытования «Джангара», которая возникает уже с момента первой публикации в 1804 г. лютеранским пастором, путешественником и этнографом Б. Бергманом (1772–1856) прозаического пересказа на немецком языке одной песни

«Джангара». В книге нет данных, свидетельствующих о том, что запись опубликованной им песни была произведена по его просьбе у кого-то из сказителей. Она вполне могла быть выполнена кем-то из грамотных калмыков по указанию дербетовского тайши Чучей Тундутова (ум. в мае 1803 г.), в ставке которого на Дону побывал Б. Бергман. Ему удалось приобрести такое невероятное количество текстов за время его «кочевнического скитания» среди калмыков только благодаря сложившимся хорошим отношениям с Чучеем Тундутовым, о преждевременной смерти которого с большим сожалением пишет Б. Бергман в своей книге [Bergmann, IV 1805: 352–355]. Хотя вполне можно допустить, что она была выполнена кем-то из грамотных калмыков по велению дербетовского тайши Джамбо Тундутова (ум. в 1830-е гг.), по просьбе все того же Б. Бергмана. А сам он отсутствие финальной части текста в его переводе объясняет потерей листов оригинала [Бергман 2004: 24].

В его работе «Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803» представлены основные виды литературных произведений калмыков: от сборника обрамленных повестей «Волшебный мертвец» [Bergmann, I 1804: 247–351], буддийской шастры «*Yertimčiyin toli orošiboi*» [Bergmann, III 1804: 187–230], книжного эпоса «Гесер» [Bergmann III, 1804: 233–284] и повести «*Ušāndari xāni tuuji kēmekü orošiboi*» [Bergmann, III 1804: 287–302] до буддийской аваданы «*Ünekēr törölkitü xāni tuuji orošibo*» [Bergmann, IV 1805: 13–180] и эпоса «Джангар» [Bergmann, IV 1805: 181–215]. Таким образом, все представленные в его публикации переводы калмыцких текстов были сделаны с рукописных книг.

О том, что существовали «писанные джангеры», пишет П. И. Небольсин [Небольсин 1852: 132]. И. И. Попов сообщает о калмыцком рапсоде, у которого хотя и была «рукопись поэмы», но исполнял он сказание наизусть [Калмыцкий эпос 1940: 256].

А. А. Бобровников, рассматривая имевшиеся в его распоряжении тексты как памятники книжного эпоса, а не как фольклорные тексты, дает оценку «Джангару», который, по его мнению, «еще не получил определенной литературной формы не только по языку, но даже и по содержанию», что он «еще не сформировался в определенное литературное произведение» и «далеко уступает монгольскому Гэсэр-хану и калмыцкому поэтическому рассказу о

походе Убаши-хун-тайджи против ойратов» [Бобровников 1854: 103].

Итак, имеющиеся факты дают основание говорить о том, что в письменной литературе калмыков к началу XIX в. существовали рукописные списки отдельных песен эпоса «Джангар». «Местными грамотеями», которые записывали устные эпические тексты со слов сказителей по собственной инициативе или по просьбе исследователей, были в основном буддийские монахи либо люди, получившие образование в монастырях. Возможно, именно с этим связано изменение языка и нарастание религиозного содержания глав эпоса. Такое сочетание религиозного и художественного в текстах — одна из специфических черт произведений письменной литературы калмыков. А. Ш. Кичиков отмечал, что язык песен Ээлян Овла, изданных в 1910 г. Н. О. Очировым, отличается от языка публикаций К. Ф. Голстунского и А. М. Позднеева, «в которых наблюдается отход от живой речи калмыков и скрупулезное соблюдение архаичной орфографии заяпандитской письменности» [Кичиков 1967: 76].

Во всяком случае, если и известно о записях грамотными калмыками устных эпических текстов, то сведений о распространении таких рукописей в книжной традиции пока не обнаружено. Существует вполне определенная дистанция между записью, сделанной собирателем или по его инициативе, и рукописным бытованием произведения, предполагающим дальнейшее распространение текста в качестве книжного текста.

История записи в 1908 г. Н. О. Очировым эпического репертуара калмыцкого рапсода Ээлян Овла хорошо известна по воспоминаниям профессора В. Л. Котвича [Котвич 1958; 1967; 1980]. А. Ш. Кичиков опубликовал воспоминания Н. О. Очирова, написанные им в 1960 г. по возвращении на родину после долгих лет, проведенных в лагерях и ссылках [Очиров 1967].

Среди материалов, которые хранятся в архиве В. Л. Котвича в Польше, находится черновик краткого отчета, написанный рукой Н. О. Очирова, о его поездке в 1908 г. в Малодербетовский улус и записи девяти песен «Джангара» у калмыцкого рапсода Ээлян Овла. Содержание этого отчета, написанного, по всей видимости, в 1908 г., перекликается с более поздними по времени написания

воспоминаниями Н. О. Очирова, опубликованными в 1967 г. [Очиров 1967: 52–54]. В то же время он содержит и некоторые ранее не известные исследователям сведения. Текст отчета написан на трех отдельных листах. Пагинация, проставленная, по всей видимости, работниками архива, не совпадает с последовательностью текста.

В начале отчета Н. О. Очиров кратко сообщает о событиях, произошедших летом 1908 г.

Проезжая по степям Бага-Цохуровского и Малодербетовского улусов, записал одну из 10 песен «Джангара», известной народной поэмы, распеваемой калмыком Малод[ербетовского] улуса Овла Эляевым. Эти 10 песен пока неизвестны в русской литературе. По приезде в П[етербург] эту мою запись передал Котвичу, благодаря которому мне удалось поехать на Р[одину] для записи остальных 9 песен.

Далее он приводит название и объем записанных им песен «Джангара».

Каждая песня составляет отдельный эпизод — восхваление подвига одного батра. Из записанных 9 песен три принадлежат воспеванию подвигов знаменитого батра Ара꜑ Улāн Хоң꜑р и имеют следующие заглавия:

1) Глава или песня о женитьбе батра Базā꜑ Улāн Хоң꜑р. Данная глава поместилась в 10 больших листах, записанных мелким почерком.

2) Песня о славном походе батра Базā꜑ Улāн Хоң꜑р в царство хана Ахё До꜑шйн Маңнā. Эта песня написана на 4-х больших листах.

3) Песня о подвиге того же батра в царство хана батр Харā Жїл꜑. Написана на 5 листах.

4) Песня о подвиге батра Кўндё Гартā Савр. 3½ листа.

5) Песня о подвиге батра До꜑шйн Харā Санāл. Написано на 5½ листах.

6) Песня о подвиге батра Орчл꜑гйн сāхн Мїң꜑āн. 5½ листа.

7) Подвиг батров Хошун Улāр, Алā Шоң꜑р и Батр Хара Жїл꜑. 5½ листа.

8) Песня об уgone батром Алā Моң꜑лā 18 000 тысяч рыжих коней Джан꜑ра. 3 листа.

9) *Песня о присоединении к своему царству ханом Джангром батра Алтн Чёжй. 1 ½ листа.*

Итак, всего написано 43 листа большого формата писчей бумаги.

Кроме указанных песен «Джангара», отчет содержит данные о записи 12 народных песен различного содержания. Фольклорные материалы, собранные Н. О. Очировым в Малодербетовском, Александровском и Багацохуровском улусах и хранящиеся в Архиве РАН в г. Санкт-Петербурге, были опубликованы в 2006 г. [Очиров 2006].

В воспоминаниях 1960 г. Н. О. Очиров пишет: «Мною была записана песня о Мингияне и прослушаны все десять песен сказителя. Мотив его песен о Джангаре был записан фонографом, после чего воспроизвел звукозапись в присутствии самого джангарчи и других калмыков, находившихся при этом. Фонограф точно передал все, что пел Ээлян Овла, что весьма поразило слушателей» [Очиров 1967: 52]. В отчете же приводится довольно живая информация о восприятии калмыками фонографа.

Посредством фонографа записан мотив Джангра на 12 валиках, из которых за исключением 1–2 исполнены удачно. На 13 же валиках записаны мотивы религиозных песен, относительно которых нельзя сказать «удачно», потому что никогда не выдавшие ни фонографа, ни граммофон и пр. калмыки не могут спеть удачно вследствие непривычки, смущения и боязни машины, могущей петь человеческим голосом, подобно существу, имеющему душу (как понимают и объясняют калмыки фонограф). Хотя песни записаны несколько неудачно, но все-таки могут дать представление о мотивах калмыков.

Далее текст отчета дописан карандашом и более убористым почерком. Эта часть записи вызывает наибольший интерес, поскольку в ней содержатся некоторые ранее неизвестные данные о калмыцком сказителе, его наставнике и обрядовой части исполнения эпоса.

Данный джангарчи очень посещал имение нойона Тундутова, у которого жил певец и рассказчик Бүжй. Вот этот Бүжй явился

учителем сего калмыка, который отличается особенной любознательностью, словоохотливостью, даже удостоен некоторой долей импровизации — говоря или распевая, весь отдается этому, не замечая происходящего вокруг, хотя он большой заика, но при рассказе речь льется свободно и легко.

Упомянутый в отчете нойон Церен-Давид Тундутов (ум. в 1907 г.) — владелец Малодербетовского улуса, депутат I Государственной Думы, благодаря поддержке которого решались вопросы подготовки национальных кадров с русским образованием. По его инициативе была написана книга М. Г. Новолетова «Калмыки: исторический очерк» (1884 г.). Он был автором идеи использования возможностей калмыков в геополитических интересах России на Востоке. При его финансовой поддержке состоялось путешествие Бааза-бакши Менкеджуева в Тибет (июль 1891 г. – август 1893 г.) и издание его путевых заметок отдельной книгой (1897 г.). Ему принадлежала идея перехода калмыков в казачество, связанная с надеждой на территориальное объединение разрозненного народа и определение его автономного статуса.

К. Ф. Голстунский, который неоднократно бывал у калмыков, пишет о нем следующее: «Князь Тундутов произвел на меня самое благоприятное впечатление. Несмотря на свою кажущуюся щедрость, человек этот отличается большим тактом и умением управлять своим народом, почему пользуется, по-видимому, большим авторитетом среди него. Мне случилось присутствовать при разговоре князя с зайсангами и простым черным народом; всегда меня при этом поражали его находчивость и здравый смысл; он умеет ясно и с видом какой-то напускной наивности обобщать и очерчивать положение дела. Под этой личиной наивности скрывается в нем достаточное количество лицемерия, коварства» [Голстунский 2015: 71].

А. Ш. Кичиков называет учителями калмыцкого рапсода его дядю по отцовской линии Дэлтэра, который «своим единственным преемником объявил талантливейшего племянника и призвал его посвятить всю жизнь служению искусству певца — джангарчи» [Кичиков 1967: 82]. В. Л. Котвич пишет, что «юные годы Эляев провел у одного из своих родственников, который пользовался из-

вестностью как хороший джангарчи» [Котвич 1967: 191]. Был ли Бууджа родственником Ээлян Овла, нам неизвестно.

Судя по информации, представленной в отчете, ко времени записи эпического репертуара его ученика самого сказителя уже не было в живых. Н. О. Очиров пишет, что в год записи Ээлян Овла было 54 года. Следовательно, обучение его у Бууджи могло проходить в годы юности рапсода, т. е. не позднее третьей четверти XIX в. Об этом, несомненно, талантливом сказителе Бўжă (в отчете имя дано в двух написаниях — Бўўжă и Бўжă), мы находим сведения у К. Ф. Голстунского. В одну из своих последних поездок летом 1886 г. в Калмыцкую степь он записывал у калмыцкого сказителя сказки с целью практического ознакомления с разговорным языком. «В этом отношении большую пользу принесли мне занятия с известным здешним сказочником Бючжи. Таких сказочников здесь в степи довольно много, все это старики лет 60 и более, но многие из них чрезвычайно бодры на вид. Живут, они как птицы небесные, не сеют, не жнут и в житницу не собираются, очень редко сидят у себя дома, а больше таскаются по соседним юртам и потешают людей своими рассказами. Довольствуются господа эти чрезвычайно малым: место для спанья и чашку калмыцкого чая дадут им охотно в юрте каждого калмыка, а за чарку-другую арки, до которой, к слову будь сказано, они все большие охотники, готовы рассказать с три короба самых занимательных сказок. Особенно интересно бывает свести несколько таких сказочников, непременно начнут ссориться и будут во чтобы то ни стало стараться перебивать и поправлять друг друга, не скупясь при этом на самые лестные эпитеты по адресу противника. Мой ментор старик Бючжи давно уже пользуется и доньше сохраняет за собою во всем Малодербетовском улусе славу самого искусного сказочника, им дорожит даже владелец улуса князь Тундутов. Проезжая по этим местам, князь всякий раз призывает его к себе и заставляет рассказывать сказки на сон грядущий; говорят, что он пользуется у князя даже большим авторитетом и почитается одним из сильных его советников. Я лично мог наблюдать только то, что старик Бючжи не особенно-то стесняется перед князем и позволяет себе многое, чего бы ни осмелились сделать люди самые приближенные. На меня старик этот произвел самое приятное впечатление, это, по-

моему, настоящий философ, очень мало в чем нуждается и потому решительно ни от кого не зависит. Занятия мои с этим старцем состояли главным образом в том, что он рассказывал мне сказки, которые я записывал. Целью этих занятий, как я уже говорил, было практическое ознакомление с разговорным языком» [Голстунский 2014: 81].

Далее Н. О. Очиров в своем отчете сообщает данные об Ээлян Овла.

Постоянное его местожительство — Бухусов род Малодербетовского улуса, но после смерти жены он стал отлучаться в соседние рода, особенно летом и весной, а осенью к зиме возвращается в свой хурул, пристраивается рабочим к какому-нибудь гелюргу. Когда я приехал в Бухусы, то он жил у Бакии. Ему сейчас 54 г. Имеет замужнюю дочь и взрослого сына, которому сыскал невесту. Его заветная мечта как можно скорее женить сына и поселиться у него. Имеет 3–4 коровы и одну лошадку.

В. Л. Котвич, посетивший джангарчи только летом 1910 г., т. е. через два года после записи Н. О. Очировым девяти песен, отмечает, что Ээлян Овла было около 60 лет, а его единственный сын Манджи имел свою семью [Котвич 1967: 190–191].

Интересные данные сообщает Н. О. Очиров в конце своего краткого отчета. Они касаются обрядовой части, сопровождавшей исполнение песен эпоса.

Отношение его к песням «Джангра» до фанатизма преклоняющееся, ибо один бурятский Гавджи объяснил эти 12 песен «Джангара», как воспевание деяний 12 бодхисаттв. Раньше, чем начинать петь, полоскает рот водой, делает трехкратное знамение рукой и читает молитву: «Ом мани бадме хум» и говорит, что поет святому ламе или нойону — владельцу народа. Только по исполнении всего этого приступает к пению с важностью и серьезностью, каковые необходимо соблюдать при пении такой священ[ной] песни.

У В. Л. Котвича, «непосвященного во все тайны» во время его встречи с калмыцким сказителем, сложилось мнение, что все приготовление к исполнению эпоса заключалось в приготовлении

«изрядного количества молочной водки»). Правда, далее он пишет, что «сеанс начался вечером, видимо, по старой традиции, и имел характер какого-то культового акта» [Котвич 1967: 192].

Таким образом, сохранившийся в архиве В. Л. Котвича отчет Н. О. Очирова, несмотря на свой небольшой объем, содержит достаточно важную информацию, которая раскрывает некоторые аспекты сказительской традиции замечательного калмыцкого джангарчи Ээлян Овла.

Благодарность

Выражаю признательность кандидату филологических наук Т. Н. Богрдановой за оказанное ею содействие в получении электронной копии отчета Н. Очирова из архива В. Л. Котвича в Польше.

Литература

- Алексеева 2014 — *Алексеева П. Э.* «Джангар» и джангароведение. Изд. 3-е, испр. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 180 с.
- Голстунский 2014 — Голстунский К. Ф. Очерк поездки в Калмыцкую степь, совершенной в лето 1886 года (Подготовка к изданию, предисловие, примечания С. С. Сабруковой) // Монголика-13: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 81–86.
- Голстунский 2015 — Голстунский К. Ф. Очерк поездки в Калмыцкую степь, совершенной в лето 1886 года (Подготовка к изданию, предисловие, примечания С. С. Сабруковой) // Монголика-14: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 67–74.
- Дамринжав 2017 — *Дамринжав Бальджин.* К истории записи и публикации сказок ойратов Синьзяна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 138–149.
- Бергман 2004 — *Бергман В.* Песнопение // Джангар. Материалы и исследования. Вступ. статья, составление и прим. В. З. Церенова. М.: Общество монголоведов РАН, 2004. С. 8–24.
- Бобровников 1854 — *Бобровников А. А.* «Джангар». Народная калмыцкая сказка // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. XII. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1854. С. 99–128.
- Калмыцкий эпос 1940 — Калмыцкий эпос «Джангар» / ред., вступ. ст. и примеч. В. А. Закруткина. Ростов-на-Дону, 1940. 272 с.
- Кичиков 1967 — *Кичиков А. Ш.* Великий джангарчи Ээлян Овла // Ученые записки. Вып. 5. Серия «Филология». Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 73–84.
- Кичиков 1981 — *Кичиков А. Ш.* «Джангар» современных джунгарских ойратов (К вопросу о соотношении традиций) // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста, 1981. С. 41–55.
- Котвич 1958 — *Котвич В. Л.* Джангариада и джангарчи // Филология и

- история монгольских народов. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 196–199.
- Котвич 1967 — *Котвич В. Л.* Джангариада и джангарчи // Ученые записки. Вып. 5. Серия филология. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 188–192.
- Котвич 2008 — *Котвич В. Л.* Джангариада и джангарчи // Теегин герл. 2008. № 6. С. 8–12.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса, составленные П. Небольсиным. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: ГРВЛ, 1984. 308 с.
- Очиров 1967 — *Очиров Н. О.* О записи оригинала «Джангара» // Ученые записки. Вып. 5. Серия «Филология». Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 52–54.
- Очиров 2006 — *Очиров Н.* Живая старина. Из литературного наследия. Сост., вступ. статья и коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.
- Bergmann 1804 — *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. Part One. Vol. I. Riga: S. J. G. Hartmann, 1804. 351 p. (На нем.)
- Bergman 1804 — *Bergman B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. Part Three. Vol. III. Riga: S. J. G. Hartmann, 1804. 302 p. (На нем.)
- Bergmann 1805 — *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. Part Four. Vol. IV. Riga: S. J. G. Hartmann, 1805. 352 p. (На нем.)
- Bormanshinov 1981 — *Bormanshinov A.* The present State of Research in Jangyar Epic Studies // Fragender mongolischen Heldendichtung: Teil I: Vorträge des 2; Epensymposiums des Sonderforschungsbereichs 12, Bonn 1979. Walter Heissig (ed.). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1981. Pp. 273–339. (На англ.)

References

- Alekseeva P. E. The Jangar and Jangar studies. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalm. Hum. Res. Inst. of RAS, 2014. 180 p. (In Russ.)
- Bergmann B. Nomadic journeys among the Kalmyks: 1802–1803. Part One. Vol. I. Riga: S. J. G. Hartmann, 1804. 351 p. (In Germ.)
- Bergman B. Nomadic journeys among the Kalmyks: 1802–1803. Part Three. Vol. III. Riga: S. J. G. Hartmann, 1804. 302 p. (In Germ.)
- Bergmann B. Nomadic journeys among the Kalmyks: 1802–1803. Part Four. Vol. IV. Riga: S. J. G. Hartmann, 1805. 352 p. (In Germ.)
- Bergman V. Tale-telling. *Dzhangar. Materialy i issledovaniya*. V. Z. Tserenov (foreword., comp., etc.). Moscow: Society of Mongolists of RAS, 2004. Pp. 8–24. (In Russ.)

- Bobrovnikov A. A. Jangar: a Kalmyk folk tale. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Part XII. St. Petersburg: E. Pratz, 1854. Pp. 99–128. (In Russ.)
- Bormanshinov A. The present State of Research in Jangyar Epic Studies. Fragmentary mongolischen Heldendichtung: Teil I: Vorträge des 2; Epensymposiums des Sonderforschungsbereichs 12, Bonn 1979. Walter Heissig (ed.). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1981. Pp. 273–339. (In Eng.)
- Damrinzhav Bal'dzhin. Collection and publication of Oirat folk tales of Xinjiang: a brief historical review. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2017. No. 6. Pp. 138–149. (In Eng.)
- Golstunsky K. F. An essay on the journey to Kalmyk Steppe undertaken in the summer of 1886 (redaction, foreword, comments by S. S. Sabrukova). *Mongolica-13*. Coll. papers. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. Pp. 67–74. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. An essay on the journey to Kalmyk Steppe undertaken in the summer of 1886 (redaction, foreword, comments by S. S. Sabrukova). *Mongolica-13*. Coll. papers. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. Pp. 81–86. (In Russ.)
- Kalmyk Epic Jangar. V. A. Zakrutkin (ed., foreword, etc.). Rostov-on-Don, 1940. 272 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. The prominent jangarchi Eelyan Ovla. *Uchenye zapiski*. Is. 5. Ser. 'Philology'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1967. Pp. 73–84. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. The Jangar Epic of contemporary Dzungar Oirats (relations between the epic traditions revisited). *Etnografiya i fol'klor mongol'skikh narodov*. Elista, 1981. Pp. 41–55. (In Russ.)
- Kotvich V. L. The Jangariad and jangarchis. *Filologiya i istoriya mongol'skikh narodov*. In memory of Acad. B. Ya. Vladimirtsov. Moscow: USSR Acad. of Sc., 1958. Pp. 196–199. (In Russ.)
- Kotvich V. L. The Jangariad and jangarchis. *Uchenye zapiski*. Is. 5. Ser. 'Philology'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1967. Pp. 188–192. (In Russ.)
- Kotvich V. L. The Jangariad and jangarchis. *Teegin gerl*. 2008. No. 6. Pp. 8–12. (In Russ.)
- Nebolsin P. Kalmyks of Khoshoutovsky Ulus: essays on everyday life by P. Nebolsin. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. The heroic epic of Mongolic peoples: oral and literary traditions. Moscow: Vost. Lit., 1984. 308 p. (In Russ.)
- Ochirov N. O. About (my) original manuscripts (recordings) of the Jangar Epic. *Uchenye zapiski*. Is. 5. Ser. 'Philology'. Elista: Kalm. Res. Inst. of Lang., Liter. and Hist., 1967. Pp. 52–54. (In Russ.)
- Ochirov N. The Living Antique: texts from literary heritage. B. A. Bicheev (comp., foreword, etc.). Elista: Kalm. Book Publ., 2006. 398 p. (In Russ.)

ОТЧЕТ Н. ОЧИРОВА

(I) Летом 1908 года, проезжая по степям Бага-Цохуровского и Малодербетовского улусов, записал одну из 10 песен «Джангра», известной народной поэмы, [известной среди калмыков]¹ ныне распеваемой калмыком Малод[ербетовского] улуса Овла Еляевым. Эти 10 песен пока неизвестны в русской литературе. По приезде в П[етербург] эту мою запись передал Котвичу, благодаря которому мне удалось поехать на Р[едину] для записи остальных 9 песен. Эти песни составляют весьма драгоценный и выдающийся памятник постепенно увядающей калмыцкой литературы. В них воспеваются живым народным языком подвиги народных героев-батров, сгруппировавшихся вокруг имени Джангра — Владетеля мира.

(II) Каждая песня составляет отдельный эпизод — восхваление подвига одного батра. Из записанных 9 песен три принадлежат воспеванию подвигов знаменитого батра Араг Улән Хоңгр и имеют следующие заглавия —

1) Глава или песня о женитьбе батра «Базәг Улән Хоңгр». Данная глава поместилась в 10 больших листах, записанных мелким почерком.

2) Песня о славном походе батра «Базәг Улән Хоңгр» в царство хана «Äхә Доғшин Маңнә». Эта песня написана на 4-х больших листах.

3) Песня о подвиге того же батра в царство хана «Батр Харә Жілц». Написана на 5 листах.

(III)

4) Песня о подвиге батра Күндә Нартә Савр. 3½ листа.

5) Песня о подвиге батра «Доғшин Харә Санәл. Написано на 5½ листах.

6) Песня о подвиге батра «Орчлңгін сәхн Миңјән». 5½ листа.

7) Подвиг батров «Хошун Уләр, Алә Шоңхр и Батр Хара Жігн». 5½ л.

8) Песня об угоне батром «Алә Моңхлә» 18000 тысяч рыжих коней Джангра. 3 листа.

9) Песня о присоединении к своему царству ханом Джангром батра Алтн Чәжі. 1 ½ листа.

(IV) Итак всего написано 43 листа большого формата писчей бумаги.

Кроме этого удалось записать 21 песен различных содержания. Между ними находится одна песня, в которой выражается народом вос-

¹ В тексте отчета это место вычеркнуто.

хищение славой, [величеством]² Жаңгра и преклонение пред его величием и богатством. Песни спеты различными певцами, имена которых записаны под каждым номером.

Посредством фонографа записан мотив Джангра на 12 валиках, которые за исключением 1–2 исполнены удачно. На 13 же валиках записаны мотивы как современных, так и исторических религиозных песен, относительно которых нельзя сказать «удачно», потому что никогда не выдавшие ни фонограф, ни граммофон и пр. калмыки не могут (V) спеть удачно вследствие непривычки, смущения и боязни машины, могущей петь человеческим голосом, подобно существу, имеющему душу (как понимают и объясняют калмыки фонограф). Хотя песни записаны несколько неудачно, но все-таки могут дать представление о мотивах калмыков.

Данный Джангрчи очень посещал имение нойона Тундутова, у которого жил певец и рассказчик Бүжә. Вот этот Бүжә явился учителем сего калмыка, который отличается особенной любознательностью, словоохотливостью, даже удостоен некоторой долей импровизации — говоря или распевая весь отдается этому, не замечая происходящего вокруг — хотя он большой заика, но при рассказе речь льется свободно и легко. Постоянное его местожительство Бухусов род Малод[ербетовского] улуса. [Летом и весной он обходит]³. Но после смерти жены, он стал отлучаться в соседние рода, особенно летом и весной, а осенью к зиме возвращается в свой хурул, пристраивается рабочим к какому-нибудь гелюнгу.

(VI) Когда я приехал в Бухусы, то он жил у Бакши. Ему сейчас 54 г. Имеет замужнюю дочь и взрослого сына, которому сыскал невесту. Его заветная мечта как можно скорее женить сына и поселиться у него. Имеет 3–4 коров и одну лошадку. Отношение его к песням «Джангра» до фанатизма преклоняющееся, ибо один бурятский Гавджи объяснил эти 12 песен «Дж-ра», как воспевание деяний 12 бодхисаттв. Раньше, чем начинать петь, полоскает рот водой, делает трехкратное знамение рукой и читает молитву: «Ом мани бадма хум» и говорит, что поет святому ламе или нойону — владельцу народа. Только по исполнении всего этого приступает к пению с важностью и серьезностью, каковые необходимо соблюдать при пении такой свящ[енной] песни.

² В тексте отчета слово вычеркнуто.

³ В тексте отчета слово вычеркнуто.

1
 Липию Цоврода, произв. по
 списку Бала-Цохуровскаго и
 Маидервешевскаго умура, дана
 сам одну из 10 птесн Дзманьра,
 извѣстной народкой подимы, ~~извѣст~~
~~ной~~ ^{пока} ~~среди камышков~~ расцвѣтающей
 камышком Малод. Умура Обвѣ
 Емдевом. Эти 10 птесн пока
 неизвѣстны в русской литера-
 турѣ. По приездѣ в Р-гг ~~эт~~ ~~дн~~
~~запис~~ ^{слово} передан Комбуру, Блаубару
 Комофану и др. умура потрайив нар-
 дна записи ошамонит Индсеив.
 Эти птесн сошавилоты весьма дра-
 готн, ^{и выданы} камышник пошамонит умура
 кагаротца камышкой литературѣ
 въ них восцвѣтающей подиме народ-
 кых крѣс-дамфот, сгруппировавши,
 вокруг имени Дзманьра - Мадт
 тель, мифа.

- 4) Писма о подвигъ байра
Кундэ Зартэ Савр.
3 1/2 листа.
- 5) Писма о подвигъ байра
„Догуин Кара Санал.
Написано на 5 1/2 листах.
- 6) Писма о подвигъ байра
„Орхунгун сэчн Мин, жан“
5 1/2 листа.
- 7) Подвигъ байровъ „Хошун Чан,
Айя Мон, хр и Батр
Кара Чилбн“.
5 1/2 л.
- 8) Писма о подвигъ байра „Айя
Мон, хма“ 18000 тысячъ
рублихъ копей хана Дман
5 р'а.
Змста.
- 9) Писма о присоединеніи ^{к слову хабунты} хановъ Дман, жом
байра Астн, теци.
1 1/2 листа.

Итак все написано 43 листа
добрым форматом на хорошей бумаге.
Кроме этого укажет записать
21 пьесу различного содержания,
среди них народный, отчасти
в которой выразилась народная
восхищение славою, величием
и богатством и преклонение пред
великим и богатым. Всех
судит различного содержания,
имена которых записаны под
каждым номером.
Посредством фонографа записан
мотив под названием «Джон, бр'я» на
12 вальсах, из которых за
исключением 1-2 исполнен удачно.
на 13 же вальсах выписаны мо
тивы ^{как} «Собрания», ^{шодных} «Тая и шифра»
«Скит», «Религиозных пьес», «Относительно»
которых пьеса «Сказка» «Удачно», потому
что никогда не удавалось ни фонографу
граммофон и др. Каминки не могут

Кодъ и при правъ Букуча, то
онъ мнѣ у Бакимъ. Билъ сего года
54. мѣсяцъ замученъ въ вѣн
взрощаго сына, которому воевалъ нѣтъ
имя. Воеводинаго мѣсяца какъ мѣсяца
своѣ мѣсяца сына и послѣдств
у мнѣ. Мѣсяцъ 34 король и одну команду.
Отпоминъ сего къ нѣмцамъ Дмитрия
самъ же грамотѣю преключилъ союзъ
нѣтъ, одинъ бурманъ. Лады отъ дѣла мнѣ
12 дѣсятъ Дво-фа, какъ воеводство Дво-фа
12 дѣсятъ. Правне, что кариканъ
нѣтъ, поноска сего года воеводъ, воеводъ
нѣтъ крѣпости знаменъ сего года
и мнѣ же мѣсяцъ. Ока мнѣ воеводъ
внѣ и воеводъ, мнѣ мнѣ воеводъ
самъ мнѣ мнѣ воеводъ воеводъ
Мнѣ же мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
мнѣ же мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
и мнѣ же мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
содержанъ мнѣ мнѣ мнѣ мнѣ
нѣтъ.

**Актуальность и значение идей А. Н. Веселовского
в изучении эпоса монгольских народов
(к 180-летию со дня рождения академика)**

Investigating the Mongolic Epics: Relevance and Importance
of A. N. Veselovsky's Ideas (180th Anniversary of Birth
of the Academician)

*Т. В. Говенько (T. Govenko)*¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН (121069, ул. Поварская 25а, г. Москва, Российская Федерация). E-mail: govenko@mail.ru

Ph.D in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Gorky Institute of World Literature of the RAS (25a, Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation). E-mail: govenko@mail.ru

Аннотация. Попытки представить историческое развитие народной поэзии предпринимали и до А. Н. Веселовского, но только ему удалось разработать теорию истории эпоса и систематизировать общие знания по этой проблеме. Идеи Веселовского до сих пор сохраняют свою актуальность, а его гипотезы находят подтверждения в том числе и в изучении монгольского героического эпоса.

Ключевые слова: А. Н. Веселовский, эпосоведение, историческая поэтика, эпос монгольских народов.

Abstract. Attempts to present the historical development of folk poetry had been undertaken long before A. N. Veselovsky, but only he succeeded in developing a theory of the history of the epic, and systematizing general knowledge on the issue. A. Veselovsky's ideas are still relevant, and his hypotheses are confirmed, including in studies of the Mongolic heroic epics.

Keywords: A. N. Veselovsky, epic studies, historical poetics, Mongolic heroic epics.

Научное наследие академика А. Н. Веселовского до сих пор привлекает к себе пристальное внимание современных исследователей как в России, так и за ее пределами [Багно 2011; Наследие 2016; Byford 2005; Mazzanti 2008; 2013; Espagne 2009; Die russische Schule 2013].

За последние годы труды А. Н. Веселовского были переведены на итальянский, английский, китайский языки. «Вторую жизнь» обрели многие из его работ [Веселовский 2006; 2009; 2010; 2013; 2016а; 2016б; 2016в; 2016г]. Подобная рецепция, с одной стороны, доказывает важность открытий ученого для мировой науки, а с другой — позволяет обнаружить в его трудах источники для новых идей.

А. Н. Веселовский родился 4 (16) февраля 1838 г. в г. Москве. После домашнего обучения он поступил во Вторую Московскую гимназию, где проявил блестящие способности: за годы обучения по всем предметам во всех четвертях и итоговых имел «отлично», а по французскому языку и математике — «пять с плюсом». В юбилейный 1854–1855 учебный год А. Н. Веселовский поступил в Императорский Московский университет, где его педагогами были Ф. И. Буслаев, О. М. Бодянский, Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, П. Н. Леонтьев, П. Я. Петров, С. П. Шевырёв и др. Все они, так или иначе, оказали на А. Н. Веселовского свое влияние.

Как известно, филологическая наука в этот период «брела ощупью» и в своих приемах и методах опиралась в основном на философско-эстетические концепции конца XVIII – начала XIX столетия. Одним из первых в России осмыслить историческое развитие поэтики попытался Степан Петрович Шевырёв (1806–1864). На основе своих университетских курсов по истории всеобщей литературы, истории древнерусской литературы и теории поэзии он составил несколько книг: «История поэзии» (в 2-х томах, 1835), «Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (1836), «История русской словесности, преимущественно древней» (1846), «О значении Жуковского в русской жизни и поэзии» (1853). Руководствуясь гриммовским сравнительно-историческим исследовательским методом, С. П. Шевырёв разработал концепцию так называемой «исторической пиитики» в виде «скелета немецкой эстетики в истории» [Шевырёв 2006: 330]. Исключительное значение в изучении литературы и искусства он придавал историческим контекстам, т. е. той эпохе, в которой создавалось то или иное произведение, что, безусловно, на тот момент носило прогрессивный характер. Творчество Гомера, Данте, Шекспира и других авторов он разбирал с точки зрения вечных тем и

особенностей их художественных методов. Последние С. П. Шевырѐв объяснял с позиции историко-культурных, природных, бытовых, религиозных, этнографических, психологических и прочих проявлений эпохи, в которой жили авторы, а «всеобъемлющие» схождения связывал с родовыми и жанровыми закономерностями развития литературы и искусства. Обращение к истокам, эритажности, национально-народному духу, по С. П. Шевырѐву, были необходимыми условиями для «исторического изучения поэзии, которому можем мы предпослать предчувствие теории» [Шевырѐв 1836: 368]. Разработать саму теорию С. П. Шевырѐву помешали многие факторы, прежде всего, мировоззренческого характера. Тем не менее ему удалось обратить интерес академического литературоведения к фольклору, древнерусской литературе, привить доверие к сравнительно-историческому методу, сделать первые попытки представить историю поэзии «как движущуюся и развивающуюся теорию» [Манн 1998: 230].

Ученик С. П. Шевырѐва Ф. И. Буслаев (1818–1897) также поставил перед собой задачу проследить генезис поэзии, определить особенности переходных периодов, описать внутренние процессы, большей частью связанные с историей языка, обнаружить источники изобразительности, факторы хранения и передачи информации и т. д. В своих программных исследованиях: «Эпическая поэзия» (1851), «О народной поэзии в древнерусской литературе» (1859), «Русские духовные стихи» (1861), «Сравнительное изучение народного быта и поэзии» (1872–1873) и многих других ему удалось далеко продвинуться в изучении языка, мифологии, древнерусской литературы и искусства. Однако, как и С. П. Шевырѐв, Ф. И. Буслаев придерживался идеалистических взглядов на историю: причинность развития языка, поэзии и нации он возводил к духовно-нравственным и умственным потребностям общества. Более того, надо признать, что при всей основательности и достоверности исследований Ф. И. Буслаев не был систематизатором. Как толкователь он стремился «в каждом конкретном случае осмыслить явление искусства или народной словесности во всем многообразии их внутренних смыслов и культурно-исторических контекстов» [Топорков 2006: 638].

В несколько ином направлении развивался историк П. Н. Кудрявцев (1816–1858), друг В. Г. Белинского. «Его лекции были для меня откровением», — признавался А. Н. Веселовский [Веселовский 2010: 30]. П. Н. Кудрявцев читал курсы древней истории, средневековой западноевропейской истории, истории Древнего Востока. Особый интерес у него вызывала Италия, на тот момент активно выступавшая за независимость и единство территорий. Еще до французского ученого Ипполита Тэна (H. A. Taine, 1828–1893), считающегося основателем культурно-исторической школы, П. Н. Кудрявцев стремился заложить основы системного и научного понимания литературы, истории и искусства; обнаружить закономерные связи культурного развития с общественным мнением, средой, историей и психологией народа. Кстати, ряд его статей носили антирелигиозный характер, из-за чего не допускались цензурой до печати.

Много лет спустя А. Н. Веселовский вспоминал: «Буслаев дал мне интерес к Гриммовскому направлению в приложении к изучению русско-славянского материала; но некоторые стороны дела, постановка мифологических гипотез и „романтизм народности“ никогда меня не удовлетворяли. <...> С другой стороны, у меня сложился интерес к культурно-историческим вопросам, к Kulturgeschichte <история культуры>; было ли тут влияние Кудрявцева, моих чтений — не знаю и не помню» [Веселовский 2010: 31]. Осмысля научные направления и взгляды в современной ему науке А. Н. Веселовский, кажется, не упустил из виду ни одной научно-теоретической гипотезы середины XIX в. Он прекрасно владел английским, французским, немецким, итальянским и испанским языками, что дало ему возможность быть в курсе всех западноевропейских книжных новинок: будь они в области истории литературы или политэкономии — ко всему он проявлял одинаковый интерес. «Времена риторик и пиитик прошли невозвратно» [Веселовский 2010: 41], — считал он и «несомненно стоял на стороне новой, в своей основе материалистической эстетики Чернышевского» [Жирмунский 1939: VI].

После окончания университета А. Н. Веселовский год оставался в Москве, а с осени 1859 г. до весны 1868 г. пребывал в Европе. В период с 1862 по 1864 гг. на средства Министерства народного

просвещения он учился в Берлине и в Праге, потом сразу отправился в Италию. Сам А. Н. Веселовский этот период оценивал так: «извлек мало», «был полон вожделений, но беден программой», «занимался ошупью», «толку от этого получилось немного», себя называл «человеком, ищущим пути», но в тоже время хорошо сознающим, что и науки о всеобщей литературной истории до сих пор нет. Так, например, в 1862 г. он писал: «Мы говорим о политической экономии, как о науке новой, но уже определившейся, имеющей свое будущее и яснопроложенные перед собой пути; о науке народной психологии тоже говорим как о много обещающей. <...> О всеобщей литературе не говорим ничего <...>, и науки всеобщей литературной истории пока не существует, ее остается еще создать. В самом деле, что такое история всеобщей литературы, да и литературы вообще? Литература — письменность; но этим исключается народный эпос, песня и все громадное богатство неписанных памятников, которые не тонут и не горят, потому что не писаны, и только органически стареют и вымирают. Литература — словесность. <...> Сам проф. Шевырёв, установив понятие об истории литературы как изящной словесности, был вынужден расширить свое определение, когда дошло дело до фактов. <...> Пока историческая и бытовая сторона будет только приложением, *Beiwerk*, литературного разыскания, до тех пор история литературы останется тем же, чем была до сих пор, библиографическим сборником, эстетическим экскурсом, трактатом о странствующих сказаниях или политической проповедью. До тех пор история литературы существовать не будет» [Веселовский 2010: 41–42].

В 1869 г. А. Н. Веселовский защитил диссертацию в Московском университете и сразу принял приглашение возглавить кафедру всеобщей литературы Санкт-Петербургского университета: в октябре 1870 г. он читал здесь свою первую лекцию «О методе и задачах истории литературы, как науки». На протяжении всей своей жизни А. Н. Веселовский смело расширял границы филологических исследований в область фольклора, этнографии, археологии, истории, а также психологии, социологии, политэкономии и точно следовал разработанной им стратегии. Так ему удалось объективно доказать, что «рядом с искусственной лирикой раскрылось богатство народной песни, с которой плохо ладил

теория красоты, как исключительной задачи искусства <...>, что драма существовала задолго до эпоса и притом с совершенно эпическим содержанием...» [Веселовский 1940: 48], и, чтобы этим родам проявиться, им не следовало ожидать прогресса в умственном развитии человечества. Эти формы были естественны и функциональны в той социальной реальности, где они проявляли себя и находились вне принципов детерминизма тех ученых, которые все это время руководствовались идеями немецкой классической философии.

В лекциях, сохранившихся в рукописях до наших дней, А. Н. Веселовский писал: «Поэзия есть искусство, изображающее в слове идеалы художника» [Веселовский–1]. И неважно, что является предметом преломления: «область духа, внутренний мир чувств, личный взгляд на событие, подвиг, происшествие» [Веселовский–1], — главное — как это высказано. «Если поэзия изображает события, факты — она носит название эпической, то есть повествующей, рассказывающей (эпос = слово, речь, рассказ). Если перенесется она в область чувства, возбужденного тем или другим явлением, случаем и т. п., оно принимает название лирической поэзии, преимущественно музыкальной, песенной, поющей, потому что вздох и звук прежде всего проводники чувства, а музыка на нем зиждется (лира — известный музыкальный инструмент. Оттуда самое название: лирическая поэзия). <...> Личное чувство человека, нравственная свобода приходят в столкновение с явлениями действительности, борются с ними, и эта борьба высказывается в поступках, действиях. Вот предмет драматического рода поэзии, живописующего борьбу, действие (драма = делаю, действую). Поэзия эпическая таким образом выступает с характером поэзии события, лирическая — это поэзия чувства, как драматическая — борьбы» [Веселовский–1]. И каждый из этих поэтических родов усвоил себе свой особый язык: эпос — прозу, лирика — стих, драма — диалог.

Задавшись целью ответить на вопрос о происхождении и развитии эпоса, А. Н. Веселовский, в отличие от прежних исследователей, которые видели в эпической поэзии продолжение древнейшей мифической традиции, представлял ее как совершенно новую формацию, которая зародилась в период «обособления царской власти и военной дружины, но на почве народного устройства»

[Веселовский–2], т. е. когда еще сохранялась связь между классами в рамках этнического, племенного или национального самосознания и самобытности. Иначе говоря, певцы, с одной стороны, отвечали потребностям народа, а, с другой стороны, удовлетворяли интересы правящей элиты. Импульс к рождению песни, по мнению А. Н. Веселовского, давало «истинное событие» — оно отзывалось во всей вертикали общества и служило объединяющим началом. «Когда цельность народных интересов нарушена и часть нации удалена от участия в политике и правлении — эпос „народный“ невозможен» [Веселовский–2], — подчеркивал А. Н. Веселовский.

Будучи противником теории Лахмана-Мюлленгофа (у последнего он слушал лекции в Берлинском университете) об искусственно созданном редакционном своде эпоса, А. Н. Веселовский предложил свою теорию эволюции героических песен. По его мнению, первоначально они складывались при эмоциональном участии свидетелей и по горячим следам исторического события, т. е. в них гармонично сочетались «страстность впечатления» и «эпический сюжет». Поэтому эти песни правильнее было бы называть лирико-эпическими кантиленами.

Удаленное от исторических событий следующее поколение уже не знало того накала эмоций и сосредотачивалось на описании фактов и сохранении памятных событий. Другими словами, на втором этапе кантилена преобразовывалась в эпико-драматическую песню за счет максимально возможных изменений в ее формальные показатели: сюжет начинал развиваться медленнее, появилась потребность в новых событиях, перипетиях, усложнился язык повествования, возникли повторы и переносы, ввелись новые персонажи.

На третьей стадии перепевы эпических песен окрашивались по требованиям и вкусам своего времени и, как правило, группировались «вокруг какого-нибудь выдающегося события, героя» [Веселовский–2]. Поскольку певец «очевидно знал об одном событии не одну, а несколько песен, он пел их подряд, и в результате получался цикл песен, связанных или одним героем (каков Сид, Илья и т. д.), или одним местом, где произошло данное событие (например, Косово поле)» [Веселовский 1940: 492].

Четвертая стадия — абстрактное восприятие исторических событий и художественно свободное отношение к ним. Это «акт первого выхода личного творчества из массового» [Веселовский–2], возможностей индивидуальных инициатив и исполнительских манер, например, спевания песен и их циклизация.

В последней, пятой стадии, «уже на почве сословно дифференцированной национальности» [Веселовский–2] героические песни, как полагал А. Н. Веселовский, могли получить «двойное гражданство»: аристократическое, или книжно-письменное, и простонародное. В устно-поэтическом контексте эпос доживал свой век в отрывках и обломках. Старые сюжеты перепевались с новым смыслом: редко они становились национальным достоянием и все больше вульгаризировались. В прежние идеальные образы вносились более понятные аудитории мотивы, психологические аспекты, современные рефлексии. Появлялись сюжеты о разбойниках, контрабандистах, народных вождях и т. п. В эпосе книжно-письменном, адресованном высшему кругу общества, развитие шло в сторону «школьно-ученых сюжетов» и нового жанра — романа, в котором «внимание поэта обращено на изображение психических моментов» [Веселовский–2].

Эпическое произведение, подчеркивал А. Н. Веселовский, — это не только особая повествовательная система, но и форма хранения исторической информации. Однако, предостерегал он, «под историей не следует тут разуметь историю летописную, так как история в эпосе не покрывается историей летописной, хотя бы уже потому, что у народа есть свои любимцы» [Веселовский 1940: 470]. Под последними он имел в виду не только прототипы исторических героев, но и их собирательные образы. Несмотря на то, что и рассказчик, и слушатель проецируют себя в прошлое и ощущают наблюдателями конкретных исторических событий, А. Н. Веселовский не сомневался, что «под прикрытием новых имен» [Веселовский 1940: 475] могли скрываться совершенно другие лица и факты. В связи с этим он считал крайне нежелательным конструировать эпос из летописных свидетельств: «Известный, решающий в жизни народа факт мог вызвать его воспроизведение в песни и в ней жить дольше и развиваться до неузнаваемости; но и первый позыв к эпической идеализации факта мог быть дан в предыдущем

развитии, в готовых типах героизма, к которым могли лишь позже пристроиться исторические имена. Ответ на поставленный вопрос ставится обоюдоостро: историческое событие могло вызвать эпическую песнь, эпическая песнь могла заимствовать обстановку истории. Что еще усложняет вопрос об историческом генезисе эпоса — это качество летописных источников» [Веселовский–2]. Именно поэтому не стоит забывать, что такое предание и что такое история. В каких пределах допустимо пользование эпической песней как подспорьем для восстановления исторической правды. Песни и предания действительно являются отражением реальной жизни, но «необходимо отличать бытовую ассоциацию от ассоциации поэтической и не делать заключения от одной к другой» [Веселовский 2016: 105]. Эпический текст воспринимается носителями эпоса как реальность, и внесение «субъективного понимания исторических и легендарных фактов: в сущности отрицание эпоса» [Веселовский–2]. Лишь «в немногих случаях, когда поэт овладевает идеальным содержанием современного ему общества, создается нечто, напоминающее древний эпос цельностью мирозерцания, хотя последнее уже не охватывает всего народа» [Веселовский–2].

Специфику жанровой эволюции эпоса А. Н. Веселовский сближал с нарративными формами рассказа о неких событиях, поэтому каждый отдельный случай призывал изучать индивидуально с постановкой следующих историко-текстологических задач:

- выяснить генеалогию всех вариантов эпической песни;
- установить генетические соотношения ее с другими текстами, близкими по теме и жанру как в устной, так и в письменной традиции;
- детально описать «чисто формальную сторону» с точки зрения функционально-структурального анализа.

Надо сказать, что отсутствие формального анализа в работах современных ему исследователей А. Н. Веселовский расценивал как их слабую сторону. На названные выше аспекты он опирался в своих этюдах, объединенных под общим названием «Южнорусские былины» (1881–1884). В ходе создания теории исторического развития эпоса былины являлись для А. Н. Веселовского не только объектом исследования: по ним он сверял свои априорные построения.

Отмечая, что в науке по истории литературы «исканий больше, чем аксиом», А. Н. Веселовский стремился собрать как можно больше «материала для методики истории литературы, для индуктивной поэтики» [Веселовский 1940: 54]. С точки зрения апперцепции «новые комбинации совершаются внутри положенных границ, из обветрившегося материала <...> это ряд неизменных формул, далеко простирающихся в область истории, от современной поэзии к древней, к эпосу и мифу», — писал он [Веселовский 1940: 51].

Или, говоря иначе, трансформируясь во времени и пространстве, эпическая песня сохраняла за собой некие формальные признаки, которые позволяли ей не выходить за границы своего рода и оставаться узнаваемой как слушателями, так и исполнителями благодаря фабульно-тематическим и структурно-поэтическим константам. С другой стороны, именно активное участие слушателей имело большое значение для сохранности эпической песни: «Этот материал столь же устойчивый, как и материал слова, и анализ его принесет не менее прочные результаты» [Веселовский 1940: 52–53].

Добавим еще, что эпос для А. Н. Веселовского всегда носил международный характер, поскольку «зарождался от столкновений народностей» [Веселовский 1940: 476], в период военных конфликтов. Вопросу об историческом развитии эпоса — его сюжетных схем, идеалов, позднейших напластований, заимствований, странствований и пр. — он посвятил не одно сравнительно-историческое исследование. «Объясняя сходство мифов, сказок, эпических сюжетов у разных народов, — писал А. Н. Веселовский, — исследователи расходятся обыкновенно по двум противоположным направлениям: сходство либо объясняется из общих основ, к которым предположительно возводятся сходные сказания, либо гипотезой, что одно из них заимствовало свое содержание из другого. В сущности, ни одна из этих теорий в отдельности не приложима, да они и мыслимы лишь совместно, ибо заимствование предполагает в воспринимающем не пустое место, а встречные течения, сходное направление мышления, аналогические образы фантазии. Теория „заимствования“ вызывает таким образом теорию „основ“ и обратно» [Веселовский 2009: 298]. Ценно, что при сопоставлении раз-

ных версий эпических сюжетов вскрываются не только сходства, но и различия, которые отражают особенности культурно-исторического прошлого того или иного народа, его социально-бытовые, национальные и мировоззренческие особенности. Осуществляя экскурсии в область эпоса, в первую очередь необходимо отработать гипотезы с местными материалами и не спешить делать выводы о заимствованиях, предостерегал А. Н. Веселовский.

Итак, до А. Н. Веселовского понятие эпической поэзии в науке носило абстрактный характер и им впервые подверглось систематизации. Когда к вопросу эволюции эпоса обратился крупнейший ученый-медиевист первой половины XX в. Андреас Хойслер (1865–1940), его заключения оказались предельно близки А. Н. Веселовскому. Так, например, в работе «Lied und Epos in germanischer Sagedichtung» («Песня и эпос в германских эпических сказаниях») (1905) А. Хойслер установил, что песня дружинного певца исполнялась во время пира и на первый план им выносились эффектные вершины действий; с течением времени эта старо-драматическая песня о событиях модернизировалась преимущественно за счет формальных изменений; переход от героической песни к эпической поэме происходил под влиянием античных или христианских образцов в границах неподвижной сюжетной рамки путем стилистического распространения, «разбухания» формы, морфологической эволюции: увеличивалось число действующих лиц, добавлялись сцены и эпизоды, появлялись биографические подробности и ретроспективы, описания душевно-психологического состояния героя и т. д. [Heusler 1905]. Попытки А. Хойслера свети исторические события с эпическими также не принесли положительного результата.

Современные исследователи эпоса монгольских народов тоже подтвердили многие гипотезы А. Н. Веселовского. Так, в своем фундаментальном труде «Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции» (1984) С. Ю. Неклюдов убедительно доказал, что у монгольских народов эпос сформировался в догосударственный период, когда они еще ощущали себя некой «эпической общностью» [Неклюдов 1984: 80] и канонизировался до эпохи империи Чингис-хана, оставаясь далее нечувствительным к влиянию исторических событий.

Сравнительно-типологический, лингвистический, формально-структуральный, структурно-семантический и прочие виды анализа позволили эпосоведам обнаружить в эпической традиции монгольских народов пласт древнейшего фольклорно-мифологического мировоззрения, представляющего собой комплекс верований: анимизм, тотемизм, шаманство, космогонические и календарные мифы, культ предков и родовых святынь, промысловые ритуалы, обряды жертвоприношений, погребальный культ, культ рождения и т. д., — а также пространственно-временную картину трехмирия, где «в верхнем мире живут небожители, божества, в среднем мире — эпические богатыри, люди, в нижнем мире — мифические существа: шулмусы, эрлики, лусы, являющиеся врагами богатырю. Главные события происходят в среднем мире. Однако герой эпоса в той или иной степени связан с верхним и нижним мирами» [Овалов 2004: 74]. В частности, к общим сюжетным темам эпоса монголов, бурят и калмыков восходят: сюжеты о демонических персонажах архаического эпоса (мангусы, шулмусы, эрлики и др.), об эпических богатырях и их подвигах, о сватовстве героев с брачными испытаниями и т. д.; мотивы змееборства, побратимства, чудесного рождения героя, исцеления, борьбы отца с сыном, волшебные превращения и прочие; стилистические фигуры и «общие места» в описании внешнего облика богатыря, его коня и оружия и т. д. Происходит это благодаря «специфической структурированности фольклорных текстов, которая и обеспечивает особые (а до появления письменности — единственно возможные) способы их трансмиссии, позволяет хранить и актуализировать культурную память данного сообщества. При этом сам устный текст осуществляется только здесь и сейчас; его реальность — лишь в процессе произнесения; пока он не звучит, он в известном смысле и не существует. В подавляющем большинстве случаев фольклорные тексты не хранятся в памяти сказителя в заученном виде — даже если он сам так считает, не извлекаются из нее готовыми, а монтируются при своем изложении из „предтекстовых“ („авантекстовых“) элементов разного уровня» [Мелетинский, Неклюдов, Новик 2010: 253–254]. Например, «один и тот же эпизод в эпосе „Джангар“ может встречаться в самых различных песнях и в пределах одной песни, например, в описании „биографии“ бо-

гатырей. Составным элементом повествования являются „общие места“. <...> Искусное пользование этими „общими местами“ дает возможность опытному певцу-джангарчи то увеличивать, то „сжимать“ объем исполняемой песни. <...> Микроэпизоды-связки соединяют отдельные части песни, придают логику смене эпизодов, сообщают стройность развитию сюжета» [Пюрвеева 2003: 11].

В героических сказаниях как европейских, так и восточных народов, писал А. Н. Веселовский, «сохранились следы его древнего прикрепления к обрядовому акту: именно к акту заговора, заклинания, гадания» [Веселовский 2006: 354]. И действительно, в традиции тюркских и монгольских народов исполнитель эпоса всегда имел особый социальный и сакральный статус. В глазах своих слушателей он мог магически действовать на природу, выступать в качестве гадалея, прорицателя, целителя. Не каждый человек получал право исполнять героический эпос, а только тот, кому был дан знак от верховного жреца. «Поэзия, дар слова, — писал А. Н. Веселовский, — снедь, нечто вкладываемое со стороны механически <...> передача духа, одержимость чужим духом сообщают дар песни, что входит в ряд распространенных представлений об одержимости пророков <...> он может творить тогда только, когда объемлет его восторг, когда он выйдет из себя и рассудок покинет его» [Веселовский 2006: 363–365].

Наблюдения над сказительской традицией бурятского народа в первой половине XX в. убедили Г. Д. Санжеева в том, что пение героических песен носило обрядовый характер: «Выезжая на таежную охоту буряты должны одеваться в свои лучшие одеяния, ибо они выезжали не бить зверей, а гостить у них и просить их, чтобы они сами подбежали к охотникам. По прибытии на место охоты буряты совершали некоторые обряды, имевшие целью убаготорить духов зверей и лесов, от которых зависит тот или иной исход охоты. Здесь вечером, перед сном, певец расстилал в шалаше белый войлок (не запачканный конским потом), на нем ставил зажженные ветки можжевельника, чашку с вином или молоком, втыкал в него стрелу и пр. И всю ночь, до первых проблесков утренней зари, протяжно распевал он свою эпопею: без этой церемонии охота, по убеждению бурят, не могла быть удачной» [Санжеев 1936: IX–X].

Мифологическое представление о получении сказительского дара, регламентированности исполнения героического эпоса из-за его магической силы также сохранилось в традиции калмыцкого народа [Басангова 2017: 23–24].

По мнению А. Н. Веселовского, на более позднем этапе развития, чтобы обеспечить себе сохранность, эпос циклизировался. В монографии «Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов: опыт сравнительно-типологического исследования» Э. Б. Овалов детально изучил признаки эволюционного развития сюжетов, мотивов, поэтики эпоса монгольских народов и пришел к заключению, не противоречащему идее А. Н. Веселовского: «Каждому крупному эпосу монгольских народов присуща своя циклизация. Так, циклизация эпоса „Джангар“ осуществляется вокруг центрального героя и единого эпического центра, которая характерна для всех версий эпоса. Удалось выявить, что кроме основной циклизации, в ряде песен „Джангара“ намечена тенденция генеалогической циклизации. Рассмотрение ряда песен трех основных версий „Джангара“ выявило, что их главными героями являются сыновья Джангар-хана и богатыря Хонгора. Однако второе поколение богатырей эпоса не создает отдельного цикла, ибо они не заменяют по закону циклизации центрального героя Джангара, а входят в число его богатырской дружины. Основной для эпоса „Гэсэр“ является биографическая циклизация, хотя в ней имеет место тенденция объединения различных богатырей вокруг Гэсэра» [Овалов 2004: 128–129].

Размышляя над двойственной природой богатырской сказки, А. Н. Веселовский выделил архаическую — предшествующую классическому героическому эпосу, и позднейшую — завершающую эволюцию эпоса. К аналогичным выводам пришел и С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 1975: 82].

Эту же точку зрения разделяет и его ученица Ц. Б. Селеева. Изучив богатырские сказки, типологически сходные с соответствующими сюжетами эпосов «Джангар» и «Гесер», она заключает, «что к жанру „позднейшей богатырской сказки“ относятся произведения, представляющие трансформацию формы эпических сказаний: утратившие прежнюю поэтическую форму, эпический стиль изложения, претерпевшие изменения на содержательном и

сюжетно-мотивном уровнях. Границы жанровости для таких текстов являются условными, поскольку сказки могут возникать как вторичная после эпоса форма с признаками сказочного переосмысления» [Селеева 2017: 130].

Таким образом, без преувеличения можно сказать, что эпосоведческое наследие А. Н. Веселовского до сих пор остается актуальным, а его теоретические выводы подтверждаются современными исследованиями эпического наследия разных, в том числе монгольских, народов.

Литература

- Багно 2011 — Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы / Багно В. Е., Заборов П. Р., Лавров А. В. СПб.: Наука, 2011. 356 с.
- Басангова 2017 — *Басангова Т. Г.* Мифы, легенды и предания калмыков // Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Наука, 2017. С. 7–29. []
- Веселовский-1 — *Веселовский А. Н.* Отрывки из лекций по истории эпоса // РО ИРЛИ РАН. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 329.
- Веселовский-2 — *Веселовский А. Н.* Эпос // РО ИРЛИ РАН. Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 149.
- Веселовский 1940 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л.: Худ. лит., 1940. 648 с.
- Веселовский 2006 — *Веселовский А. Н.* Избранное: Историческая поэтика / сост. И. О. Шайтанов. М.: РОССПЭН, 2006. 688 с.
- Веселовский 2009 — *Веселовский А. Н.* Избранное: Традиционная духовная культура / сост. Т. В. Говенько. М.: РОССПЭН, 2009. 624 с.
- Веселовский 2010 — *Веселовский А. Н.* Избранное: На пути к исторической поэтике / сост. И. О. Шайтанов. М.: Автокнига, 2010. 688 с.
- Веселовский 2013 — *Веселовский А. Н.* Избранное: Эпические и обрядовые традиции / сост. Т. В. Говенько. М.: РОССПЭН, 2013. 639 с.
- Веселовский 2016а — *Веселовский А. Н.* Избранное: Легенды о Св. Граале / сост. М. В. Пашенко. М.; СПб.: Петроглиф, 2016. 512 с.
- Веселовский 2016б — *Веселовский А. Н.* Избранное: Культура итальянского и французского Возрождения / сост. О. В. Смолицкая. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с.
- Веселовский 2016в — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» / подгот. А. Е. Махов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с.

- Веселовский 2016г — *Веселовский А. Н.* Избранное: Критические статьи и заметки. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 496 с.
- Наследие 2016 — Наследие Александра Веселовского в мировом контексте. Исследования и материалы / Говенько Т. В., Кляус В. Л., Магомедова Д. М., Махов А. Е., Топорков А. Л. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 320 с.
- Манн 1998 — *Манн Ю. В.* Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 381 с.
- Мелетинский и др. 2010 — *Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С.* Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: РГГУ, 2010. 291 с.
- Неклюдов 1975 — *Неклюдов С. Ю.* Богатырская сказка. Тематический диапазон и сюжетная структура // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 82–88.
- Неклюдов 1984 — *Неклюдов С. Ю.* Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. 307 с.
- Путилов 1966 — *Путилов Б. Н.* Искусство былинного певца (Из текстологических наблюдений за былиной) // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л.: Наука, 1966. С. 220–259.
- Пюрвеева 2003 — *Пюрвеева Н. Б.* Поэтика героического эпоса «Джангар»: автореф. дисс. ... д-ра фил. наук. Элиста, 2003. 51 с.
- Санжеев 1936 — *Санжеев Г. Д.* Эпос северных бурят // Аламжи-Мерген: Бурятский эпос / вводн. ст. и коммент. Г. Д. Санжеева. М.: Academia, 1936. 267 с.
- Селеева 2017 — *Селеева Ц. Б.* Богатырские сказания о Джангаре и Гесере в калмыцкой сказочно-эпической традиции: к проблеме переходности фольклорного текста // Монголоведение. 2017. № 11. С. 120–131.
- Овалов 2004 — *Овалов Э. Б.* Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов: опыт сравнительно-типологических исследований. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с.
- Топорков 2006 — *Топорков А. Л.* Ф. И. Буслаев: филолог и мыслитель // Ф. Буслаев. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. М.: РОССПЭН, 2006. С. 634–642.
- Шевырëв 1836 — *Шевырëв С. П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М.: Тип. Степанова, 1836. 381 с.
- Шевырëв 2006 — *Шевырëв С. П.* Итальянские впечатления. СПб.: Академический проспект, 2006. 648 с.
- Byford 2005 — *Byford A.* The Rhetoric of Alexander Veselovskii's 'Historical Poetics' and the Autonomy of Academic Literary Studies in Late Imperial Russia (=Риторика «исторической поэтики» Александра

- Веселовского и самобытность академического литературоведения в императорской России). *Slavonica*. 2005. No. 11. Part 2. Pp. 115–132. (На англ.)
- Espagne 2009 — M. Espagne. Les sources allemandes des poétiques psychologiques en Russie du XIXe siècle: Veselovski, Buslaev, Jirmounski (=Немецкие источники «психологической поэтики» в России XIX в.: Веселовский, Буслаев, Жирмунский). *Revue d'Histoire des Sciences Humaines*. 2009. No. 21. Part 2. Pp. 55–67. (На франц.)
- Die russische Schule 2013 — Die russische Schule der Historischen Poetik (Русская школа «исторической поэтики»). Dirk Kemper, Valerij Tjupa, Sergej Taškenov (eds.). München: Wilhelm Fink, 2013. 286 p. (На нем.)
- Heusler 1905 — *Heusler A.* Lied und Epos in germanischer Sagendichtung. Dortmund: Verlag von Fr. W. Ruhfus, 1905. 60 s. (На нем.)
- Mazzanti 2008 — *Mazzanti S.* Gli studi sulla religione degli antichi slavi (= Исследование по религии древних славян). Roma: RSU, 2008. 100 p. (На итал.)
- Mazzanti 2013 — *Mazzanti S.* La ricezione di Aleksandr N. Veselovskij in Italia (= Рецепции Александра Н. Веселовского в Италии). *Ricerche slavistiche*. 2013. No. 11. Pp. 369–425. (На итал.)

References

- Aleksandr Veselovsky: actual aspects of heritage. Studies and materials. Bagno V. Ye. et al. St. Petersburg: Nauka, 2011. 356 p. (In Russ.)
- Alexander Veselovsky's heritage in a world context: studies and materials. Govenko T. V. et al. Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2016. 320 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. Myths, legends and tales of the Kalmyks. *Mify, legendy i predaniya kalmykov*. Moscow: Nauka, 2017. Pp. 7–29. (In Russ.)
- Byford A. The Rhetoric of Alexander Veselovskii's 'Historical Poetics' and the Autonomy of Academic Literary Studies in Late Imperial Russia. *Slavonica*. 2005. No. 11. Part 2. Pp. 115–132. (In Eng.)
- Espagne M. German backgrounds of 'psychological poetics' in 19th-century Russia: Veselovsky, Buslaev, Zhirmunsky. *Revue d'Histoire des Sciences Humaines*. 2009. No. 21. Part 2. Pp. 55–67. (In Fr.)
- Historical poetics: the Russian school. Dirk Kemper, Valerij Tjupa, Sergej Taškenov (eds.). München: Wilhelm Fink, 2013. 286 p. (In Germ.)
- Heusler A. Song and epic in Germanic saga. Dortmund: Fr. W. Ruhfus, 1905. 60 p. (In Germ.)
- Mann Yu. V. Russian philosophical aesthetics. Moscow: MALP, 1998. 381 p. (In Russ.)

- Mazzanti S. An insight into ancient Slavic religion. Roma: RSU, 2008. 100 p. (In Ital.)
- Mazzanti S. A. N. Veselovsky's receptions in Italy. *Ricerche slavistiche*. 2013. No. 11. Pp. 369–425. (In Ital.)
- Meletinsky Ye. M., Neklyudov S. Yu., Novik Ye. S. Historical poetics of folklore: from archaic to classic. Moscow: Rus. State Univ. for the Humanities, 2010. 291 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. The heroic tale: a thematic framework and plot structure. *Problemy fol'klora*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 82–88. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. The heroic epic of Mongolic peoples: oral and literary traditions. Moscow: Nauka, 1984. 307 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. Typology of motifs and plots in Mongolic epics: an effort of comparative and typological research. Elista: Dzhangar, 2004. 184 p. (In Russ.)
- Putilov B. N. The art of the bylina-teller (textological observations of the bylina genre). *Printsipy tekstologicheskogo izucheniya fol'klora*. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966. Pp. 220–259. (In Russ.)
- Pyurveiyeva N. B. The heroic epic of Jangar: poetics. A PhD thesis abstract. Elista, 2003. 51 p. (In Russ.)
- Sanzheyev G. D. The Northern Buryat epic of Alamzhi-Mergen. G. D. Sanzheev (foreword and comm.). Moscow, 1936. 267 p. (In Russ.)
- Seleyeva Ts. B. Heroic legends about Jangar and Gesar in the Kalmyk fairy-tale and epic traditions: the problem of transition of folklore texts revisited. *Mongolovedeniye*. 2017. No. 11. Pp. 120–131. (In Russ.)
- Shevyrev S. P. Theory of poetry: a perspective from historical development among ancient and young nations. Moscow: Stepanov, 1836. 381 p. (In Russ.)
- Shevyrev S. P. (My) takeaways from Italy. St. Petersburg: Akademicheskii Prospekt, 2006. 648 p. (In Russ.)
- Toporkov A. L. F. I. Buslayev: linguist and thinker. F. Buslayev. *Dogadki i mechtaniya o pervobytnom chelovechestve*. Moscow: ROSSPEN, 2006. Pp. 634–642. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Excerpts from lectures on the history of the epic. Manuscript Fund, Institute of Russian Literature of RAS. Fund 45. Ser. 1. Item 329. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. The epic. Manuscript Fund, Institute of Russian Literature of RAS. Fund 45. Ser. 1. Item 149. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Historical poetics. Leningrad: Khud. Lit., 1940. 648 p. (In Russ.)

- Veselovsky A. N. Selected works: Historical Poetics. I. O. Shaytanov (comp.). Moscow: ROSSPEN, 2006. 688 p. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Selected works: Traditional Spiritual Culture. T. V. Govenko (comp.). Moscow: ROSSPEN, 2009. 624 p. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Selected works: On the Way towards Historical Poetics. I. O. Shaytanov (comp.). Moscow: Avtokniga, 2010. 688 p. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Selected works: Epic and Ceremonial Traditions. T. V. Govenko (comp.). Moscow: ROSSPEN, 2013. 639 p. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Selected works: The Legend of the Holy Grail. M. V. Pashchenko (comp.). Moscow; St. Petersburg: Petroglif, 2016. 512 p. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Selected works: Culture of the Italian and French Renaissance. O. V. Smolitskaya (comp.). Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2016. 512 p. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. V. Zhukovsky: poetry of feeling and 'heart imagination'. A. Ye. Makhov (prep.). Moscow; St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2016. 512 p. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Selected works: review articles and notes. St. Petersburg: Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ, 2016. 496 p. (In Russ.)

УДК 821.512.37

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-182-195

**Лирика Михаила Хонинова 1939–1941 гг.:
стиль и язык эпохи**

Mikhail Khoninov's Lyrics of 1939–1941:
Style and Language of the Era

*Р. М. Ханинова (R. Khaninova)*¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: khaninova@bk.ru

Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: khaninova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ранние стихи калмыцкого поэта Михаила Хонинова, до сих пор не ставшие объектом исследования. Его лирика 1939–1941 гг. отразила стиль и язык эпохи в жанровом, проблемно-тематическом, социокультурном аспектах. Темы новой жизни, грядущей войны, искусства, любви передавали отношение молодого поэта к современности, а также отличались лексикой своего времени. 12 стихотворений М. Хонинова соединили в себе традицию национальной версификации и новый взгляд автора на действительность.

Ключевые слова: Красная Армия, советская жизнь, стиль и язык, калмыцкая лирика 1939–1941 гг.

Abstract. The article discusses some early poems by Kalmyk poet Mikhail Khoninov that have been no subject of any special analyses yet. His lyrics of 1939–1941 mirrored the style and language of the era in genre, topical, and socio-cultural perspectives. The themes of new life, forthcoming war, art, and love expressed the young poet's at-

titude toward modernity, the vocabulary being typical enough for that time. The twelve poems by M. Khoninov combined the national versification tradition and the author's new view of the reality.

Keywords: Red Army, Soviet life, style and language, Kalmyk lyrics of 1939–1941.

Лирика калмыцкого поэта Михаила Хонинова 1939–1941 г. отразила стиль и язык эпохи в жанровом, проблемно-тематическом, социокультурном аспектах. Темы новой жизни, грядущей войны, искусства, любви передавали отношение молодого поэта к современности, а также отличались лексикой своего времени. Двенадцать стихотворений соединили в себе традицию национальной версификации и новый взгляд автора на действительность.

Ранняя лирика Михаила Хонинова (1919–1981), обнаруженная нами, была впервые собрана в приложении к первой части монографии «Михаил Хонинов: автобиография на фоне эпохи» [Ханинова 2015: 190–212]. Это двадцать четыре стихотворения с 1936 г. по 1941 г., опубликованные в газетах, журнале и сборнике: «Улан хальмг» («Красный калмык») — 5 текстов, «Улан баһчуд» («Красная молодежь») — 12 текстов, «Ленинэ ачнр» («Внучата Ленина») — 1 текст, «Улан туз» («Красное знамя») — 5 текстов, «Ленин — Сталин» — 1 текст. Стихотворение «Адуч» («Табунщик»), с которого, по словам поэта, начинался его литературный путь в газете «Улан хальмг» в 1935 г. [Хонинов 2005: 18, 20], нами пока не найдено. Это стихотворение в переработанном виде позднее было восстановлено автором.

В семейном архиве М. Хонинова сохранились лишь три стихотворения, вошедшие в 5-й номер журнала «Улан туз» за 1939 г.

Поскольку поэт не возвращался к ранним поэтическим произведениям и библиографическим способом их не фиксировал, сейчас затруднительно определить количество первых стихотворений. Не все они, конечно, были опубликованы в свое время, ничего от них не осталось после Великой Отечественной войны и сибирской ссылки калмыцкого народа в период сталинских репрессий. Во время Великой Отечественной войны М. Хонинов писал стихи, некоторые из них затем вошли в его первую книгу «Байрин дуд» («Песни радости», 1960).

Ранняя лирика М. Хонинова не была предметом исследования в калмыцком литературоведении. Часть его произведений 1936–1938 гг. рассмотрена в предыдущих наших статьях [Ханинова 2010: 126–131; Ханинова 2017а: 142–148; Ханинова 2017б: 105–110].

Двенадцать опубликованных стихотворений поэта относятся к трем предвоенным годам: 1939 г. — 8 текстов, 1940 г. — 3 текста, 1941 г. — 1 текст. Тогда М. Хонинов служил в Рабоче-крестьянской Красной армии в Забайкальском военном округе, куда был призван в октябре 1939 г. Оттуда он присылал свои произведения в республиканские газеты и журнал.

Военной тематике посвящены четыре стихотворения: «*Орн-нутган харс!*» («Защищай свою страну!», 1939), «*Ахта-дүүтэһэн...*» («С братьями...», 1939), «*Чи тедниг дурá*» («Подражай им», 1939), «Пограничник» (1940). Названия их характеризуются, с одной стороны, императивом — *харс* ('защищай'), *дурá* ('подражай'), с другой стороны, — манифестацией воинского братства — «С братьями...». Все это передавало общую атмосферу предвоенных лет с локальными военными событиями на озере Хасан и реке Халхин-Гол, с советско-финской войной (1939–1940).

Последнее название «Пограничник» представляет безэквивалентную лексику, несмотря на то, что существуют калмыцкие эквиваленты этому роду войск, например, *межсэч*, *межэн цергч* или *межэн дээч*, т. е. пограничник (*межэ* по-калмыцки означает 'граница'; *цергч*, *дээч* 'воин', 'боец, солдат'). При этом в самом тексте также молодой поэт использовал русские слова — пограничник, граница (*границу дээрэн зогсна* 'стоит на границе'; *границын захд* 'на границе') [Хоньна М. 1940в: 32].

А ранее в «Военном марше» («*Дээч марш*», 1938) автор использовал калмыцкое слово, обозначающее 'граница' (*Межэн захар мөлкулнэ* 'ползут на границе', *Межэн захар өңгэхлэнь* 'когда сунутся к границе') [Хоньна М. 1938: 4].

В стихотворении «*Чи тедниг дурá*» («Подражай им», 1939) тот же калмыцкий эквивалент: *Межэһэн унтлго хар*. 'Охраняй, не загнув, границу' [Хоньна М. 1939е: 4].

В том же 1940 г. М. Хонинов написал стихотворение «*Мини бичг*» («Мое письмо»), представляющее собой жанр послания, в

данном случае своей жене, в тексте которого мы уже встречаем калмыцкое слово *межэ* ‘граница’: «*Дээснэс межэһэн хар...*» (‘Защити от врага границу’) [Хоньна М. 1940б: 4]. Чем обусловлена такая лексическая разни́ца в текстах одного времени, сказать трудно.

Кроме того, будучи до войны актером Калмыцкого госдрамтеатра, М. Хонинов, вероятно, принимал участие в спектакле по пьесе Владимира Билль-Белоцерковского «Пограничники» («*Пограничникуд*») в калмыцком переводе писателя Баты Манджиева и актера Нармы Эрендженова [Билль-Белоцерковский 1938: 51–88].

Стихотворение «*Орн-нутган харс!*» («Защищай свою страну!») при публикации в газете «*Улан баһчуд*» было подписано «*Красноармеец Хоньна М.*» [Хоньна М. 1939д: 2].

Автором акцентировалась взаимосвязь между словом и делом: *Ахиннь ардас / Арнзлан унув. / Олна үрдэс / Орндан ханув. / Угаты өркд / Октябрьла һарлав. / Улан цеггт / Одахн орлав. / Тер цагас / Төрскн өсклэ, / Тоорм-богас / Татжэ босхла* (‘Вслед за старшим братом оседлал аранзала. От имени поколения благодарен стране. В бедной семье родился в октябре. Недавно призван в Красную армию. С тех пор Родина растила, подняла из пыли-грязи’) [Хоньна М. 1939д: 2].

В стихотворении поэт структурирует анафору разными способами: парная (аа/оо), перекрестная (уо/уо), сплошная (тттт), прибегает к перекрестной рифме, например: *ардас — унув, үрдэс — ханув*. В духе фольклорной традиции у него не просто конь, а легендарный конь из калмыцкого героического эпоса «Джангр»: *Ахиннь ардас / Арнзлан унув* (‘Вслед за старшим братом оседлал аранзала’). Так автор подчеркивал преемственность боевых традиций поколений.

Это типичный образ в калмыцком фольклоре и лирике 1920–1940-х гг. Например, в стихотворении «*Бидн белн*» («Мы готовы», 1938) калмыцкого поэта Аксена Сусеева (литературный псевдоним — Дендэн Айс): *Теркэ-хурдн арнзлан / Теңсин көвэһэс усл!* (‘Быстрых аранзалов своих напоят на берегу моря’) [Дендэн А. 1938: 22].

Используя словосочетание *тоорм-бог* (‘пыль’, ‘мусор’), М. Хонинов указал на перемены, которые произошли благодаря

новой власти, Октябрьской революции: *Тер цагас / Төрскн өсклэ, / Тоорм-богас / Татж босхла* ('С тех пор его растила родина, подняла из пыли-грязи') [Хоньна М. 1939д: 2]. Уточняя, что он из бедной семьи, говорит, что родился в октябре, хотя, конечно, это не в прямом смысле дата рождения, а в переносном.

Один из его старших братьев, Лиджи, действительно родился в 1917 г. Он был призван в армию годом ранее, тоже играл на сцене родного театра и публиковал стихи в местной печати.

В газете «Ленинский путь» было напечатано его письмо призывника «Буду честно служить трудовому народу»: «<...> Я — ровесник Октября. Мне не пришлось испытать безжалостную эксплуатацию калмыцкого народа зайсангами, нойонами, капиталистами. <...> Партия и правительство призывают меня нынче в ряды доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии. С безграничной радостью приму я звание воина страны социализма, с великой гордостью возьму в руки боевое оружие. Для меня нет ничего почетнее, чем охранять границы моей цветущей родины, охранять труд великого свободного народа от посягательства презренных врагов.

К поступлению в армию я хорошо подготовился, сдал нормы на значки: „Ворошиловский стрелок“, ГСО, ПВХО и ГТО, хорошо окончил допризывную подготовку.

Моего отца постигла нынче большая радость: три его сына призваны в ряды РККА. Мы, три брата, будем честно и преданно служить трудовому народу» [Хонинов 1938: 2].

Мысли Лиджи, призванного служить на границе с Финляндией, были созвучны мыслям и допризывной подготовке его младшего брата.

Стихотворение «*Ахта-дүүтэһэн...*» («С братьями...») перекликается по смыслу со стихотворением «*Орн-нутган харс!*» («Защищай свою страну!»): *Ахта-дүүтэһэн / Арвулн билэв, / Эцэктэһэн / Энлэж йовлав. / Байнд заргдад, / Бозар асргдад, / Үвлд көргэгдэд, / Өвчнд даргдад, / Басл зовлав, / Борцан хаталав* ('Нас было десять братьев-сестер, у отца-матери рос в страдании и горе, работая на богатея, питаюсь бозой, зимой замерзая, болезнью изнуряемый, тоже страдал, иссушая плоть') [Хоньна М. 1939а: 2].

Здесь автор подробнее рассказал о бедной многодетной семье своих родителей, о том, что у него было девять братьев и сестер, из которых, как известно, выжили пятеро: четыре брата и сестра. Описывая тяжелое детство с подневольным трудом на богатей, голодное и холодное существование, он заявил, что Ленин, зная обо всем, указал верную дорогу, навсегда пробудил от долгого сна, воспрянула степь по зову большевиков, страна расцвела. *Иим зовалһ / Ильич медв, / Маднд хаалһ / Мандлулж чадав* ('О таких страданиях узнал Ильич, смог указать нам путь для возрождения').

Поэтому заключительные строки вновь образованы императивом — *зогс* 'стой' / *харс* 'защищай': *Ах Лиждләнһ / Эрәдлж зогс! / Орн-нутган / Алдрар харс!* ('Со старшим братом Лиджи встань в один строй, славно страну защищай') [Хоньна М. 1939а: 2].

В отличие от предыдущего текста этот текст имеет больший объем, в основном образован парными анафорами, лишь последние восемь строк не отвечают избранной стратегии, анафора там не соблюдена. На всем протяжении стихотворения использованы разные виды рифмовки: перекрестные (*дүүтәһән / биләв / эүктәһән / йовлав*), сплошные (*заргдад / асргдад / көргәдәд / даргдад*), парная (*авув / йовув*). Такая неровная инструментовка текста, тем не менее, держит ритм, интонацию, отвечая содержанию боевого призыва-клича.

Лексика в этих двух произведениях передает политические реалии времени: в первом случае — Октябрь, Красная Армия, во втором случае — Ильич, большевики. Симптоматично употребление не политического псевдонима — Ленин, а отчества — Ильич, что должно было активизировать коннотации родства (как известно, у В. И. Ульянова с отцовской стороны бабушка была калмычкой), дружества, братства.

Стихотворение «*Чи тедниг дурá*» («Подражай им») тесно связано со всеми рассмотренными текстами темами патриотизма, Октябрьской революции, большевистской власти, защиты страны от посягательств внешних врагов, братской солидарности:

— *Бууһан һартан атхж / Буслгсн оран манхмч, / Хортдын зүрк хатхж / Харңһуд зогсхан санхмч. / Чамд межәһән даалһж, / Чини төрскнчн йовулжсана* ('Сжав в руках винтовку, охраняй бьющей ключом жизнь страны, проткнув вражеское сердце, думай, что

стоишь против беды. Доверив тебе границу, родина отправила тебя сюда') [Хоньна М. 1939е: 4].

В стихотворении поэтом подчеркнута связь со своим поколением, с воинской традицией предков, несмотря на собственную мирную профессию. *Ахнр-дүүнрчн заалжэ, / Артист бийичн илгэжэнэ. / Хальмгин үрн, мед, / Харулч болхар сед, / Орнаннь даалһврилг күцэ, / Орнурчн хортд хуца!..* ('Указав на братьев, родина тебя, артиста, направила. Сын калмыка, знай, стань пограничником, выполни задание страны, брани ее врагов') [Хоньна М. 1939е: 4].

Поэт отвечает родине: *Дээч орман авув* ('Занял место война') [Хоньна М. 1939е: 4].

И вновь обращается к себе: *Дигтэ хувцан хувцл, / Мөрн деерэн һар, / Межэһэн унтлго хар!* ('Надень подходящую одежду, сядь на коня, не смыкая глаз, охраняй границу!') [Хоньна М. 1939е: 4].

К прежним автобиографическим деталям (бедная семья, старшие братья, призванные в Красную Армию, место службы — погранзастава, имя собственное Лиджи) добавляются новые: профессия — актер театра, национальность — калмык, товарищ брата Боова, при этом Лиджи назван домашним именем *Жижэ*.

В лексическом составе появляется слово «самураи» — это отсылка к участию Лиджи и Боовы в боевых операциях на реке Халхин-Гол с мая по сентябрь 1939 г., когда японские войска вторглись на территорию Монголии из-за якобы территориального спора, и советские войска в соответствии с Соглашением о взаимопомощи пришли на помощь монгольской армии.

Это стихотворение также подписано красноармейцем М. Хониновым. По сравнению с предыдущими произведениями оно написано более жестко, изобилует призывами пресечь вторжение врага, вбить его в землю. Автор прибегнул к метафорам: *Теңграс «тооһад», / Тэмк ке, / Газрар көөһэд, / Гуйр ке* («Угощая» с неба — / Преврати в табак, / Гоня по земле — / Преврати в муку') [Хоньна М. 1939е: 4]. Говоря о братьях, поэт также использует гиперболические сравнения: *Тиигэж ах Жижэчн / Тендэһэ самурайциг чавчла, / Тиигэж үр Боовачн / Теднэ арсиг өвчлэ* ('Там старший брат Жижэ / Рубил самураев, / Товарищ Боова / Снимал с них шкуру') [Хоньна М. 1939е: 4]. Экспрессия к концу стихотворения усилена:

*Чи тедниг дура, / Чавчлданд түрүлжэ ор, / Тедниң хортд сүрдэ,
/ Төрскэн бас туура!* ('Ты подражай старшим братьям, врывайся
первым в рубку с врагом, как и они, устрашая врагов, тоже про-
славляй свою Родину') [Хоньна М. 1939е: 4].

Военная лексика в этом тексте изобилует глаголами действия, начиная с первых строк, когда лирический субъект говорит себе, что, взяв в руки оружие, он пробьет врагу сердце, защищая государственную границу, потому что он защитник Отечества, Например: *атхжэ* ('сжав'), *манх* ('стеречь'), *хатхжэ* ('проткнув'), *даалһжэ* ('поручив'), *йовулжсана* ('направили'), *сед* ('желай'), *күцэ* ('достигай'), *авув* ('взял'), *мед* ('знай'), *һазр үмкул* ('заставь есть землю'), *ке* ('сделай'), *ор* ('войди'), *чавчла* ('рубил'), *дура* ('подражай').

О сражениях против самураев писал и Аксен Сусеев в упоминутом стихотворении «*Бидн белн*» («Мы готовы»), также прибегая к эмоциональным высказываниям против врагов: *Хар миисмуд самураймуд...*, *Гахас–самураймуд көөгдэд*, *Самурайин бузр көлнь / Советск һазрт шатх* ('Черные коты-самураи..., Свиной-самурайцев надо прогнать, чтобы их грязные ноги горели на советской земле') [Дендэн А. 1938: 22].

Он заверял: *Би, хальмг бичэч, / Бичгэн үлдэс сольхв. / Бүкл нутглаһан хамдан / Бу атхжэ босхв!* ('Я, калмыцкий писатель, / сменю перо на меч, / Вместе со всей страной / Встану с винтовкой') [Дендэн А. 1938: 22]. Здесь соседствуют два вида оружия: *үлд* ('меч, сабля') и *бу* ('винтовка').

Другое стихотворение М. Хонинова «*Мини бичг*» («Мое письмо») вначале наполнено лирическими чувствами, выраженными средствами психологического параллелизма в фольклорной традиции: *Нуурин усниң хурлзад, / Ниссн шовуниң эрлзэд, / Нанас бичг гүүв, / Нарн дахлдэж суув* ('Как вода в озере волнуется, / Как летящие птицы кружа, / От меня побежало письмо, / Когда солнце село') [Хоньна М. 1940б: 4]. Вещь (письмо) одушевляется, передавая нетерпение адресата. Невидимое под облаками, избежавшее затяжного дождя дорогое письмо, добравшись, открыло дверь и вошло. Далее дается описание возлюбленной, которая, получив письмо, от радости гиперболически выросла, как океан, а прочитав весточку, запела песню. И только концовка стихотворения возвращает к искомому патриотическому тезису: пограничник

послал письмо любимой, обещая защитить государственную границу, разбить противника.

В стихотворении «Пограничник», перечисляя знакомые не понаслышке условия службы на границе в любую непогоду (ветер, жара, холод), М. Хонинов заверил: *Болх дарук дээнд / Баатр пограничник белн. / Төрскн нутгин дуудлһнд / Түрүлжэ босх үрн* ('К грядущей войне / Богатырь-пограничник готов. / По зову Родины / Встанет он в числе первых') [Хоньна М. 1940в: 32].

Если в стихотворении «Мини бичг» («Мое письмо») в каждом из пяти катренов использована сплошная анафора, то в «Пограничнике» — привычная для поэта парная анафора. К сплошной анафоре М. Хонинов вернулся в пяти катренах стихотворения 1941 г. «Улан», посвященное заслуженной артистке Калмыцкой АССР Улан Лиджиевой, своей коллеге по театру. Здесь уже в политической лексике вождей революции и социализма вместо «Ильич» уже «Ленин», как более торжественное и официальное по значению имя: *Лууһин дун харв, / Ленина дуудвр эңв* ('Подобно грому, раздался голос (в контексте залп «Авроры»), призыв Ленина был услышан') [Хоньна М. 1941: 4]. К имени Ленина добавляется имя Сталина: *Дурта Сталинэ орн / Дуулх чини өрн!..* ('Твой долг — петь в любимой стране Сталина') [Хоньна М. 1941: 4].

Улан Барбаевна Лиджиева не только играла на сцене, но и давала концерты, где пела калмыцкие народные и современные песни. Поэтому поэт вызывает к ней: *Дүүрң жирһлин дууч / Дээсиг нанта күүч* ('Жизнерадостная певица, побеждай со мной любого врага') [Хоньна М. 1941: 4]. Ее пению внимает природа: *Нарни толянд тавшад, / Нарн айст кевшад, / Нуһсн шовуниң дуулна, / Нисч дошад биһлнэ* ('Под солнечными лучами, притопывая, / Под солнечную мелодию говоря, / Поет, подобно птице, / Танцует, словно летает') [Хоньна М. 1941: 4]. Судьба актрисы и певицы сходна с судьбами братьев Хониновых. Улан — тоже дочь бедного батрака-рыбака, которая освоила новую для степняков-кочевников профессию. Такая черта новой жизни — театр — обозначена в двух стихотворениях М. Хонинова: «*Чи тедниг дурá*» («Подражай им») и «Улан». Эти приметы нового времени для поэта очевидны в их взаимосвязи с Октябрем, советской властью.

Старший брат М. Хонинова Лиджи напечатал несколько стихотворений до войны: «*Красноармейцнрт*» («Красноармейцам», 1938) [Хоньна Л. 1938а: 4], «*Харсач болхв*» («Стану защитником», 1938) [Хоньна Л. 1938б: 3], «*Дуулый — дилий*» («Споем — победим», 1941) [Хоньна Л. 1941: 1]. Все эти стихи написаны были им в РККА, последнее стихотворение подписано как младший лейтенант. Лиджи Хонинов заверял: *Дилий дээсиг чидлэр / Дэкжэ өндэжэ ирдгоһар* («Победим войну силой, / Чтобы она снова не пришла») [Хоньна Л. 1941: 1]. Военная лексика в этих текстах также схожа с военной лексикой калмыцкой лирики тех лет с упоминанием имен И. Сталина, К. Ворошилова.

Как правило, сравнение с прежней жизнью в пользу новой — один из приемов в художественной практике поэтов того периода. Несколько стихотворений М. Хонинова относятся к мирной тематике: «*Хөн сарин шин*» («Первое мая», 1939) [Хоньна М. 1939г: 7], «*Дум Кремлюр нисв*» («Моя песня полетела в Кремль», 1939) [Хоньна М. 1939б: 18], «*Хальмгм жирһлтэ*» («Счастливая Калмыкия», 1939) [Хоньна М. 1939в: 27–31], «*Колхозин кулг — трактор*» («Колхозный скакун — трактор», 1940) [Хоньна М. 1940а: 1].

Названия этих стихотворений передают новую лексику: 1 мая — день международной солидарности трудящихся, Кремль — резиденция руководителя советского государства, колхоз — коллективное хозяйство. По содержанию эти тексты перекликаются с текстами М. Хонинова предыдущих лет. Здесь также здравица в честь Сталина, вождя всех трудящихся, признательность Советской власти за счастливую жизнь, партии большевиков — за верный путь, Красной Армии — как щиту отечества и т. п.

В стихотворении «*Колхозин кулг — трактор*» («Колхозный скакун — трактор») автор сравнил железного коня с аранзалом, а тракториста — с легендарным богатырем Мазаном: *Амрна, муурна гидгиг, / Арнзл, чи медхич, / Күнд, гишгн гидгиг / Кедү йоввчн, йилһхич; Жолаһичн атхжэ суусн / Дурта чини эзн — / Олн мандан туурсн / Омгта баатр Мазн* («Отдыха, устали, аранзал, ты не знаешь, тяжести, легкости, сколько ни едешь, не различаешь; сжавший поводья, твой любимый хозяин — прославленный гордый богатырь Мазан») [Хоньна М. 1940а: 1].

Для автора старина и новь слились в нерасторжимом единстве, дополняя друг друга, где вместо поводов теперь руль. Здесь поэт использовал безэквивалентную лексику (трактор) с метафорическим компонентом — *төрм күлг* ('железный конь'), который по душе новому хозяину-трактористу. Даже если железный конь сломается, его можно починить. В этом стихотворении привычная для автора парная анафора с перекрестной рифмовкой. Поэтическое описание работы трактора в поле — также примета нового образа жизни для прежних кочевников, не знавших земледелия.

Итак, стихи М. Хонинова 1939–1941 гг. отразили в жанровом, проблемно-тематическом, социокультурном аспектах современную молодому поэту советскую действительность. Все они написаны были в Красной Армии, когда сначала рядовой, а затем уже младший лейтенант М. Хонинов на деле постигал военную науку защищать родину и побеждать врагов. Эти произведения во многом автобиографичны, связаны с довоенной жизнью лирического субъекта, с его семьей — старшими братьями, местом прежней работы — Калмыцким драматическим театром, коллегами — заслуженной артисткой Калмыцкой АССР У. Б. Лиджиевой, с колхозом, где трудился чабаном его отец.

В лирике М. Хонинова этого периода преобладает общественно-политическая и военная тематика и, соответственно, лексика, например: Ленин, Сталин, Кремль, *төрскн* ('родина'), *Майин нег шин* ('1 Мая'), *Улан Церг* ('Красная Армия'), *дэн* ('война'), *межэч* ('граница'), *хортн* ('враг'), *самурайцнр* ('самурай'), *үлд* ('меч, сабля'), *бу* ('винтовка'). При этом автор в одних случаях использовал безэквивалентную лексику: «пограничник», «граница», несмотря на то, что есть калмыцкие варианты *межэч*, *межэ* соответственно («Пограничник»). Даже лирическая тема в стихотворениях «*Мини бичг*» («Мое письмо»), «Пограничник» связана с военной службой адресанта, заверяющего любимую женщину в том, что он защитит свою родину. Тема искусства в стихотворении «*Улан*» обусловлена Октябрьской революцией, давшей возможность дочери бедного рыбака стать актрисой национального театра.

Фольклорные приемы психологического параллелизма наблюдаем в стихотворениях «*Мини бичг*» («Мое письмо»), «*Улан*». Традиционные обозначения (конь — аранзал) обрели у поэта но-

вую смысловую нагрузку, например, «*колхозин күлг — трактор*» («колхозный скакун — трактор») в одноименном стихотворении. Тракториста автор сравнил с легендарным богатырем Мазаном.

Как и все калмыцкие поэты, М. Хонинов придерживался традиционной национальной версификации, используя преимущественно парную анафору. Его тексты имеют или сплошную строфику, или несколько катренов, обычно с перекрестной рифмовкой. Язык и стиль эпохи передали как стихи М. Хонинова о мирной жизни, так и стихи о военной службе, являя, с одной стороны, приверженность фольклорной традиции, национальной версификации, а с другой — новации, выразившиеся в тематике, проблематике, лексике, образной системе.

Источники

- Билль-Белоцерковский 1938 — *Билль-Белоцерковский В.* Пограничникүд / Орчулснь Манжин Б., Эрнжэнэ Н. // Улан туг. 1938. № 2. С. 51–88.
- Дендэн 1938 — *Дендэн А.* Бидн белн // Улан туг. 1938. № 5. С. 22.
- Избранные стихи 2015 — Избранные стихи Михаила Хонинова 1930–1941 гг. // Ханинова Р. М. Михаил Хонинов: автобиография на фоне эпохи. Часть первая. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. С. 190–212.
- Хоньна 1938а — *Хоньна Л.* Красноармейцнрт // Улан баһчуд. 1938а. Февралин 23. X. 4.
- Хоньна 1938в — *Хоньна Л.* Харсач болхв // Улан хальмг. 1938в. Ноябрьрин 7. X. 3.
- Хоньна 1941 — *Хоньна Л.* Дуулуй — диилий // Улан баһчуд. 1941. Апрельин 20. X. 1.
- Хоньна 1938 — *Хоньна М.* Дээч марш // Улан баһчуд. 1938. Февралин 23. X. 4.
- Хоньна 1939а — *Хоньна М.* «Ахта-дүүтгэһэн...» // Улан баһчуд. 1939. Ноябрьрин 27. X. 2.
- Хоньна 1939б — *Хоньна М.* Дум Кремлюр нисв // Улан туг. 1939. № 5. X. 18.
- Хоньна 1939в — *Хоньна М.* Хальмг жирһлтэ // Улан Туг. 1939. № 5. X. 27–31.
- Хоньна 1939г — *Хоньна М.* Хөн сарин шин // Улан туг. 1939. № 5. X. 7.
- Хоньна 1939д — *Хоньна М.* Орн-нутган харс! // Улан баһчуд. 1939. Ноябрьрин 27. X. 2.
- Хоньна 1939е — *Хоньна М.* Чи тедниг дурá // Улан баһчуд. 1939. Декабрин 1. X. 4.

- Хоньна 1940а — *Хоньна М.* Колхозин күлг — трактор // Улан баһчуд. 1940. Июньин 24. X. 1.
- Хоньна 1940б — *Хоньна М.* Мини бичг // Улан баһчуд. 1940. Декабрин 22. X. 4.
- Хоньна 1940в — *Хоньна М.* Пограничник // Улан туг. 1940. № 7. X. 32.
- Хоньна 1941 — *Хоньна М.* Улан // Улан баһчуд. 1941. Майин 18. X. 4.

Sources

- Bill-Belotserkovsky V. The Frontier Guards (Manjin B., Ernjänä N. (transl.). *Ulan tug.* 1938. No. 2. Pp. 51–88. (In Kalm.)
- Dendän A. We Are Ready. *Ulan tug.* 1938. No. 5. P. 22. (In Kalm.)
- Khonina L. To Red Army Soldiers and Officers. *Ulan baychud.* 1938a. February 23. P. 4. (In Kalm.)
- Khonina L. I Shall Be a Defender. *Ulan khal'mg.* 1938v. November 7. P. 3. (In Kalm.)
- Khonina L. Let Us Sing and Dance. *Ulan baychud.* 1941. April 20. P. 1. (In Kalm.)
- Khonina M. The Military March. *Ulan baychud.* 1938. February 23. P. 4. (In Kalm.)
- Khonina M. ‘With My Elders and Juniors ...’. *Ulan baychud.* 1939. November 27. P. 2. (In Kalm.)
- Khonina M. (Dum) He Has Arrived in the Kremlin. *Ulan tug.* 1939. No. 5. P. 18. (In Kalm.)
- Khonina M. With Kalmyk Fortune. *Ulan tug.* 1939. No. 5. Pp. 27–31. (In Kalm.)
- Khonina M. May 1st. *Ulan tug.* 1939. No. 5. P. 7. (In Kalm.)
- Khonina M. Defend Your Motherland! *Ulan baychud.* 1939. November 27. P. 2. (In Kalm.)
- Khonina M. You Love Them. *Ulan baychud.* 1939. December 1. P. 4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Tractor — a Horse of the Kolkhoz. *Ulan baychud.* 1940. June 24. P. 1. (In Kalm.)
- Khonina M. My Letter. *Ulan baychud.* 1940. December 22. P. 4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Frontier Guard. *Ulan tug.* 1940. No. 7. P. 32. (In Kalm.)
- Khonina M. Ulan. *Ulan baychud.* 1941. May 18. P. 4. (In Kalm.)
- Mikhail Khoninov’s selected poems: 1930–1941. *Mikhail Khoninov: avtobiografiya na fone epokhi.* Khaninova R. M. (auth.). Part One. Elista: Kalm. State Univ., 2015. Pp. 190–212. (In Kalm. and Russ.)

Литература

- Ханинова 2010 — *Ханинова Р. М.* Военная тема в творчестве Михаила и Лиджи Хониновых // VII Сургучевские чтения: культура провинции: локальный и глобальный контекст: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. А. Фокина, О. И. Лепилкиной. Ставрополь: Изд-во Ставропольск. гос. ун-та, 2010. С. 126–131.
- Ханинова 2017а — *Ханинова Р. М.* Анафора в ранней лирике Михаила Хонинова 1936 года // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 142–148.
- Ханинова 2017б — *Ханинова Р. М.* Лирика Михаила Хонинова 1937–1938 гг. // Центр и периферия. 2017. № 4. С. 105–110.
- Хонинов 1938 — *Хонинов Л.* Буду честно служить трудовому народу // Ленинский путь. 1938. 28 августа. С. 2.
- Хонинов 2005 — *Хонинов М.* Автобиографии // Ханинова Р. «Другой судьбы не надо...». Жизнь и творчество Михаила Хонинова. Автобиография. Интервью. Воспоминания современников. Очерки. Статьи. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2005. С. 14–25.

References

- Khaninova R. M. Works by Mikhail and Lidzhi Khoninovs: a military theme. *VII Surguchevskie chteniya: kul'tura provintsii: lokal'nyy i global'nyy kontekst*. Conf. proc. A. A. Fokin, O. I. Lepilkina (eds.). Stavropol: Stavropol State Univ., 2010. Pp. 126–131. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Anaphora in the early lyrics of Mikhail Khoninov of 1936. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2017. No. 4. Pp. 142–148. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Mikhail Khoninov's lyrics: 1937–1938. *Tsentr i periferiya*. 2017. No. 4. Pp. 105–110. (In Russ.)
- Khoninov L. I Shall Do My Best Serving the Working People. *Leninskiy put'*. 1938. 28 August. P. 2. (In Russ.)
- Khoninov M. Autobiographies. «*Drugoy sud'by ne nado...*». *Zhizn' i tvorchestvo Mikhaila Khoninova. Avtobiografiya. Interv'yu. Vospominaniya sovremennikov. Ocherki. Stat'i*. R. Khaninova (comp.). Elista: Kalm. State Univ., 2005. Pp. 14–25. (In Russ.)

УДК 811.512.375+81'367.63

DOI 10.22162/2500-1523-2018-15-196-206

**Структурно-грамматические особенности употребления
сравнительной частицы *-шң* в калмыцком языке:
предварительные результаты (на материале
Национального корпуса калмыцкого языка)***

The Kalmyk Comparative Particle *-шң*: Structural and
Grammatical Peculiarities of Use. Preliminary Results
(a Case Study of the Kalmyk National Corpus)

Ж. А. Мукабенова¹ (Zh. Mukabenova)¹

¹ старший преподаватель, кафедра калмыцкого языка, монголистики и алтаистики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. Пушкина, 11). E-mail: zhanna61297@yandex.ru

Senior lecturer, chair of Kalmyk language, Mongolian and Altaic Studies, Kalmyk State University (11, Pushkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: zhanna61297@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале художественной литературы, фольклорных и газетно-публицистических источников, материалов научных исследований рассматриваются структурно-грамматические особенности употребления сравнительной частицы *-шң*. Иллюстративный материал извлечен из Национального корпуса калмыцкого языка с помощью специализированной программы TextAnalyzer. Основной задачей статьи является корпусное изучение сравнительной частицы *-шң*. В работе приводится частотность употребления данной частицы с именными и глагольными частями речи, а также наречиями.

* Исследование выполнено при поддержке гранта КалмГУ (проект «Типология и динамика языковых процессов в тюрко-монгольском ареале»).

Ключевые слова: Национальный корпус, структурно-грамматические формы, контекст, частотность употребления, когнитивная лингвистика, частица

Abstract. The article investigates fiction, folklore, journalese sources and research materials to reveal some structural and grammatical peculiarities of use of the comparative particle *-иң*. The source materials have been selected from the Kalmyk National Corpus with the aid of TextAnalyzer program. The paper primarily aims to provide a comprehensive insight into structural and grammatical peculiarities of use of the comparative particle and applies a number of new linguistic approaches. It examines the frequency use of the particle when combined with nominal and verbal parts of speech and also adverb, distinct features of their grammatical forms.

Keywords: Kalmyk National Corpus, structural and grammatical forms, context, frequency use, cognitive linguistics, particle

Сравнение есть универсальная категория, которая проявляется во всех сферах деятельности человека. Понятие сравнения в современной лингвистике трактуется различными исследователями по-разному. На данный момент сложилось представление о категории сравнения как сложно организованной системе разноуровневых средств выражения: морфологических, синтаксических, лексических и словообразовательных [Малых 2011: 105].

Сравнения в свете современных антропоцентрических подходов в лингвистике системно и последовательно изучались и изучаются лингвистами как одни из средств и способов оценочных показателей этнокультурной и лингвистической картины мира. Более детальный анализ и наиболее существенный вклад в понятие сравнения как языковой категории внесли такие отечественные лингвисты XX в., как А. А. Шахматов [Шахматов 2014], В. В. Виноградов [Виноградов 1952; 2001], Ф. Ф. Фортунатов [Фортунатов 1956], А. А. Потебня [Потебня 1958], А. Вежбицкая [Вежбицкая 1996], Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1983], М. И. Черемисина [Черемисина 2006], Е. Т. Черкасова [Черкасова 1973], Е. М. Галкина-Федорук [Галкина-Федорук 1957], В. Н. Телия [Телия 1996].

Настоящая статья посвящена анализу особенностей употребления сравнительной частицы *-иң* в калмыцком языке. Сравнения как объект исследования в калмыцком языкознании рассматривались в работах Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 2016],

В. Н. Мушаева [Мушаев 2017], Н. М. Мулаевой [Мулаева 2011], Е. В. Голубевой [Голубева 2016а; 2016б]. Все вышеуказанные исследования опираются на отечественные теоретические работы в общем и частном языкознании. В данных работах сравнение рассматривалось на материале художественных текстов, фольклорных произведений, фразеологизмов калмыцкого языка и др. Особо подчеркивается, что частица *-иң* чаще всего примыкает к формам причастия будущего и прошедшего времени, многократного причастия в обстоятельственной или предикативной функции [Голубева 2016а: 92].

В данной статье в качестве материала исследования привлекаются текстовые фрагменты из Национального корпуса калмыцкого языка (далее — НККЯ) (см. подробнее: [Куканова 2011; 2013]), объем которого составляет 9 млн токенов. Особенности данной информационной системы позволили выделить необходимый материал исследования из текстов художественного, газетного, научного стилей, а также фольклорных произведений. Оговоримся, что для нашего исследования мы использовали локальную версию корпуса, которая доступна в специализированной программе TextAnalyzer.

В академической грамматике калмыцкого языка отмечается, что частица *-иң* используется в функции сравнения одного действия с другим или в функции уподобления. Данная частица употребляется чаще всего с именными частями речи: с существительными и прилагательными, из глагольных форм — с причастиями: *Эзнэс ээсн нохаиң арһул жживэд орндан орж кевтв* ‘Подобно собаке, которая боится хозяина, он тихо лег в свою постель’; *Муутл өөрэн зоггчасн Жишжэг, чон хө бахлурддгиң, авад гедргэн уңһав* ‘Как волк хватает овцу за горло, так Муутл схватил рядом стоявшего Джиджю и повалил его навзничь’ [ГКЯ 1983: 289].

Мы рассмотрели 3 067 примеров-предложений, где в сравнительных оборотах встречается частица *-иң*. В ходе анализа материала удалось выявить частотность употребления слов с частицей *-иң*. Данные в количественном и процентном отношении представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1. Частица *-иң* и ее употребление
(по материалам НККЯ)

№	Части речи	частотность	%
1	существительное	1 518	69,92
2	причастие	388	17,87
3	местоимение	99	4,56
4	прилагательное	45	2,07
5	глагол	95	4,38
6	числительное	15	0,69
7	отрицательная частица	7	0,32
8	наречие	4	0,18
Итого:		2 171	100 %

Как видно из таблицы, чаще всего частица *-иң* примыкает к именам существительным. Данные корпуса опровергают мнение Е. В. Голубевой о том, что к атрибутивным формам глагола частица *-иң* присоединяется чаще всего: всего 388 употреблений частицы с причастиями напротив 1 518 употреблений частицы с существительными. Практически одинаково частица *-иң* примыкает к местоимениям и глагольным финитным формам (99 — 95). Анализируемая частица редко присоединяется к прилагательным, числительным и др.

Частица *-иң* примыкает к именам существительным независимо от типа склонения, числа и падежа:

- существительные 1 склонения в ед. числе: *Ғалнь ик хәәснннц хол шуугжэ буслв* ‘С шумом взбурлила река, как котел на большом огне’ [НККЯ: Хоньна М. Ик санан];

- существительные 2 склонения в ед. числе: *Харңһу подвалас хамхрха терзэр хар утан хаалһиң татгдна* ‘Из темного подвала через разбитое стекло, как дорога, тянется черный дым’ [НККЯ: Твардовский А. Смоленскд];

- существительные 3 склонения в ед. числе: *Мөңк, хуврлго бәәдг иецгәшнц, мини дурнчнь кевәрн бәәнэл* ‘Моя любовь остается

такой же, как вечный, неувядающий цветок’ [НККЯ: Доржин Б. Цагин селгэн];

- существительные во мн. числе: *Кируд цокулсн **цецгүдиш** күүкднь киитнд даргдна* ‘Его дети страдают от мороза, как побитые инеем цветы’ [НККЯ: Буджала Е. Үүдэн тээлтн, хальмгуд!];

- существительные с частицей *-иш* + падежное окончание: *Һарлицн һазртм асхн нэр һалин **зальишгар** долвкснь үзгдв* ‘На родной земле вечернее гулянье показалось блестящим пламенем костра’ [НККЯ: Лермонтов М. Зүүдн].

Кроме того, сравнительная частица *-иш* присоединяется к глагольным формам в четыре раза меньше:

- причастие в прошедшем времени: *Манд бөдүн улст паспорт уга, сельсоветд болн колхозд бичүлчкхлэ болад бээх, - гихэд авһ, зүркнэснь күнд аца **авсниш** байрлв* ‘«Нам взрослым людям, у которых нет паспорта, достаточно записи в сельсовете и колхозе», — сказал дядя и обрадовался словно у него с сердца убрали тяжелый груз’ [НККЯ: Бадмин А. Мукөвүн]; *Һурвн колхозин ахлач һар **бэрлөсниш** болв* ‘Получилось, как будто главы трех колхозов пожали руки’ [НККЯ: Балакан А. Хөөчнр].

- причастие в будущем времени: *Энүнд суужаһад тенд, оңгдан һазрт бээсн күүнлэ өөрэн **бээхиш** эдл күүндэж оркдг...* ‘Поговорили с человеком, который находился там, в другом месте, будто он рядом с вами’ [НККЯ: Куукан А. Эмтн дунд]; *Баран deer залрад би **бишлэжэхшиш** чичрнэ* ‘Сидя на баране, трясется, словно танцует’ [НККЯ: Хоньна М. Шам].

- причастие многократного действия: *Хойрдгч батальон, негл уснд чивжэ йовсн күүнд һар **залһдгиш**, наадк батальонмудт тусан икэр күргв* ‘Второй батальон очень помог остальным батальонам, словно протянул руку утопающему’ [НККЯ: Хоньна М. Чи медхмч, Смоленск һазр].

Однако частица *-иш* часто примыкает и к местоимениям, причём к разным типам:

- личные: *Усн Дала хан үүг соңсад тенд хойриг дуудулад, өргэдэн авч ирэд: — Өөдэн сууцхагтн! гихлэни тенд хойр яңрхад: — Кишег иктэ хаани өргэд **бидниш** им күмнд өөдэн һарч суумр дүцгэн ямр заян бээх билэ гихэд үүдн хоорнд суужэ гинэ* ‘Услышав об этом, хан Усн Дала позвал обоих в свой дворец и усадил на почетное место,

но те подумали: «Разве таким людям, как мы, гоже ли сидеть на столь почетном месте у очень уважаемого хана», так говоря, уселись у порога’ [НККЯ: Жаңһр]; *Мадниң эдл эдн мөңгэр түржәде болжана* ‘Они, как и мы, нуждаются в деньгах’ [НККЯ: Буджала Е. Үүдән тээлтн, хальмгуд!];

- притяжательные: *Теднә уханд манашиң төрскн эндрт угалм, манашиң алдр ноолдан мөңкд теднд угалм!* ‘В их мыслях нет родины, такой как у нас, и нет у них вечной великой битвы, как наша’ [НККЯ: Көглтин Д. Дээнә хаврар];

- указательные: *Тиимиң киләсн нанд чигн билә* ‘Такие же переживания и у меня были’ [НККЯ: Инжин Л. Харһлцан];

- неопределенные: *Әмн уга юмиң Андра ә һархи ...* ‘Андра не издавал ни звука, как неживой’ [НККЯ: Сусән А. Кучр цаг]; *Авдр, мишгән чирлдж, адта юмсиң гүүлднә* ‘Бегают как ненормальные, таская за собой сундуки и мешки’ [НККЯ: Буджала Е. Үүдән тээлтн, хальмгуд!].

В одном из вышеприведенных примеров с местоимениями употребляются и сравнительная частица *-иң*, и послелог *эдл* ‘как’ — *мадниң эдл*, что подтверждает разные вариации использования частицы сравнения в предложении.

Сравнительные обороты с частицей *-иң*, которая присоединяется к прилагательным, встречаются значительно реже:

- качественные прилагательные: *Көвүнь өөрнә сөгдјж өвдгләд, көлстә маңнаһинь илјж һәәхнә, экнь өмнәснь өкәрлјж хәләнә, эңкрлјж көвүһән бичкниң таална* ‘Сын любителю матерью, встав перед ней на колени и поглаживая ее вспотевший лоб, а она нежно смотрит на него и, как маленького, ласкает’ [НККЯ: Куукан А. Ачинь хәрүлсн болхнь]; *Уга ириго, би терүг меднм!* — *гијж санад, шал соктушиң дәәвләд, Басң арһул герүрн һарна* ‘«Нет, не придет, я ведь его знаю!» — подумав так, Басң, будто пьяный шатаюсь, пошел домой’ [НККЯ: Бембин Т. Итклтә иньгин дурн].

Числительные со сравнительной частицей *-иң* в предложениях могут употребляться в значении:

- соединительного союза «и»: *Күн тәвсн хөвтәһән цаг дундаһар, күлг эзн хойриң, тишгјж довтлна* ‘Человек и судьба неразделимы, как и бегущий скакун со своим хозяином’ [НККЯ: Байдын С. Адунас шин бәрсн агт омглад]; *Хойр тарха хожһр*

доран мөн бийдэн тохрад, нарн сар хойршиң сээхн залус болжс гинэ ‘Говорят, что двое шелудивых мальчуганов снова приняли свой облик, превратившись в красивых мужчин, подобных солнцу и луне’ [НККЯ: Жаңһр];

• причины и следствия: Дулалад өмссн хувцнь ус авад, урсхулта уснь негнишиң, чигтхлүлж, көвүг зовав ‘Его теплые вещи промокли насквозь, и капли от мокрой одежды стекали по телу мальчика, отчего он страдал’ [НККЯ: Шугран В. Түрүн хоңх].

Анализируемый материал показал, что наименее употребительными формами с частицей *-шиң* являются:

• глаголы в настоящем времени: Хойр танк негл царңд, хойр искрд *шачашиң утаһар хар үүл бээлһв* ‘Два танка столкнулись и, словно две горящие искры, образовали черную тучу из дыма’; [НККЯ: Хоньна М. Чи медхмч, Смоленск һазр];

• вспомогательный глагол *гих*: Уур — бий зована, уул — мөр зована *гишиң, би улм уурлад дотран санжәнава: намаг келсн үгмүдәрн бассн деерән, нам бийән халһжс алад, түүрмд суулһхар седжәнәч...* ‘Как говорится: «Гнев мучает человека, а гора — коня», — я разозлился пуще прежнего и подумал про себя: «Чем кидаться словами в мой адрес, ты хочешь посадить меня в тюрьму за убийство тебя же...»’ [НККЯ: Балакан А. Нерәдлһн];

Наречия с частицей *-шиң* встречаются с такими разрядами, как:

• наречия времени: Баһ наста хазгуд ачсн поезд деед үзг хәләһәд *даңшиң гүүһәд йовна* ‘Груженный молодыми казаками поезд все время ехал на запад’ [НККЯ: Балакан А. Буурл теетг];

• наречие меры и степени «почти», «чуть не», «едва не»: Худурн однав гигәд түүрмд *оршиң тишим юмн болв, аюл, нань оңгдан юмн уга!* ‘Из-за того, что хотела пойти к сватам, чуть не угодила в тюрьму, случай, и ничего более’ [НККЯ: Пушкин А. Капитана күүкн].

В ходе анализа примеров из НККЯ были обнаружены предложения, где частица *-шиң* примыкает к отрицательной частице *уга*: например, Зандан тер тоотынь би эврән меднәв, тегәд чигн седкл алдад, нөр-хол *угашиң бәәнәв* ‘Я сам знаю эту особенность Занды, поэтому не могу решиться и страдаю бессонницей’ [НККЯ: Балакан А. Нерәдлһн]. Стоит отметить тот факт, что конструкция отрицание *уга* + частица *-шиң* ранее не была описана в грамматиках калмыцкого языка.

В результате анализа мы пришли к следующим выводам:

1) частица *-иң* в основном встречается в художественных текстах, а в газетных и научных текстах случаи использования данных образований крайне редки. В анализируемых текстах разговорной речи частица *-иң* в наших источниках не фиксируется;

2) с помощью НККЯ нам удалось выявить, что сравнительная частица *-иң* чаще употребляется с существительными, менее часто — с причастиями, реже — в составе с прилагательными, глаголами, местоимениями и числительными. Особо следует отметить, что прилагательные с частицей *-иң* в большинстве случаев субстантивировались, а числительные выступают в совместно-соединительном значении;

3) сравнительная частица *-иң* в калмыцком языке может использоваться как при самостоятельных, так и при служебных частях речи.

Проблемы, связанные с исследованием сравнительных конструкций в различных аспектах, не теряют своей актуальности как в силу исключительно широкого использования сравнения в языке, так и недостаточной изученности ряда вопросов, касающихся их семантики. Функционально-семантическое поле сравнительной частицы *-иң* остается малоизученной сферой в калмыцком языкознании и остается объектом для будущих исследований.

Источники

НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс]
// URL: <http://kalmcorpota.ru/> (дата обращения: 02.11.2018).

Sources

Kalmyk National Corpus. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 02 November 2018). (In Kalm.)

Литература

- Арутюнова, Ширяев 1983 — *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Рус. яз., 1983. 198 с.
- Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Астрасемь, 1996. 416 с.
- Виноградов 1952 — *Виноградов В. В.* Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1952. 519 с.

- Виноградов 2001 — *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
- Галкина-Федорук 1957 — *Галкина-Федорук Е. М.* Современный русский язык. Синтаксис. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1957. 515 с.
- Голубева 2016а — *Голубева Е. В.* Сравнения с частицей *мет* в калмыцком фольклоре // Научные дискуссии: Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Сб. ст. по мат-лам Междунар. заочн. науч.-практ. конф. №12 (51). М: Интернаука, 2016. С. 91–96.
- Голубева 2016б — *Голубева Е. В.* Устойчивые выражения как способ когнициии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. 2016. № 12(66). Ч. 2. С. 88–91.
- ГКЯ 1983 — Грамматика калмыцкого языка / под ред. Г. Д. Санжиева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Куканова 2011 — *Куканова В. В.* Архитектура метаописания национального корпуса калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2011. № 1. С. 139–145.
- Куканова 2013 — *Куканова В. В.* О национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XIII Междунар. конф. Уфа: [б. и.], 2013. С. 209–212.
- Малых 2011 — *Малых Л. М.* Статус категории сравнения в современных лингвистических исследованиях // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 2. С. 105–110.
- Мулаева 2011 — *Мулаева Н. М.* Сравнения в произведениях Л. Инджиева «Харалта өдрмүд» («Проклятые дни») «Большевикуд» («Большевики») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. Сер.: История и филология. 2011. № 1. С. 136–139.
- Мушаев 2017 — *Мушаев В. Н.* Средства сравнения в произведениях калмыцкого фольклора («72 небылицы» и «Седклин кюр») // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 4. С. 91–100.
- Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
- Пюрбеев 2016 — *Пюрбеев Г. Ц.* Анализ компаративных конструкций в калмыцком фольклоре // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4. С. 115–121.
- Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Фортунатов 1956 — *Фортунатов Ф. Ф.* Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1956. 447 с.

- Черемисина 2006 — *Черемисина М. И.* Сравнительные конструкции русского языка. М.: КомКнига, 2006. 272 с.
- Черкасова 1973 — *Черкасова Е. Т.* Русские союзы неместоименного происхождения (пути и способы их образования). М.: Наука, 1973. 224 с.
- Шахматов 2014 — *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М.: Флинта, 2014. 1430 с.

References

- Arutyunova N. D., Shiryaev E. N. The Russian sentence. The existential type: structure and meaning. Moscow: Rus. Yaz., 1983. 198 p. (In Russ.)
- Cheremisina M. I. Russian comparative constructions. Moscow: KomKniga, 2006. 272 p. (In Russ.)
- Cherkasova E. T. Russian non-pronominal conjunctions: ways and means of their formation. Moscow: Nauka, 1973. 224 p. (In Russ.)
- Fortunatov F. F. Selected works. Moscow: Uchpedgiz, 1956. 447 p. (In Russ.)
- Galkina-Fedoruk E. M. The modern Russian language: syntax. Moscow: Moscow State Univ., 1957. 515 p. (In Russ.)
- Golubeva E. V. Comparisons containing the particle ‘мет’ in Kalmyk folklore. *Nauchnye diskussii: Voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. Conf. papers. No. 12 (51). Moscow: Internauka, 2016. Pp. 91–96. (In Russ.)
- Golubeva E. V. Stable word combinations as a way of cognition. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Gramota. 2016. No. 12(66). Part 2. Pp. 88–91. (In Russ.)
- Kalmyk grammar. G. D. Sanzheev (ed.). Elista: Kalm. Book Publ., 1983. 335 p. (In Russ. and Kalm.)
- Kukanova V. V. Kalmyk National Corpus: a structure of meta-description. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. 2011. No. 1. Pp. 139–145. (In Russ.)
- Kukanova V. V. Kalmyk National Corpus revisited. *Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii*. Conf. proc. Ufa, 2013. Pp. 209–212. (In Russ.)
- Malykh L. M. The category of comparison: its status in contemporary linguistic studies. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2011. Ser. ‘History and Philology’. Is. 2. Pp. 105–110. (In Russ.)
- Mulaeva N. M. L. Indzhiev’s ‘Kharalta Ödr мүд’ (The Damned Days) and ‘Bolshevikүd’ (The Bolsheviks): patterns of comparison revisited. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. 2011. No. 1. Pp. 136–139. (In Russ.)

- Mushaev V. N. Means of comparison in Kalmyk folklore ('72 Bogus Stories' and 'Sedklin Kür'). *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2017. No. 4. Pp. 91–100. (In Russ.)
- Potebnya A. A. Excerpts from notes on Russian grammar. Moscow: Uchpedgiz, 1958. 536 p. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. Analysis of comparative constructions in Kalmyk folklore. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2016. № 4. Pp. 115–121. (In Russ.)
- Shakhmatov A. A. Russian syntax. Moscow: Flinta, 2014. 1430 p. (In Russ.)
- Teliya V. N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguo-cultural perspectives. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury, 1996. 288 p. (In Russ.)
- Vezhbitskaya A. Language. Culture. Knowledge. Moscow: Astra-Sem', 1996. 416 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. The modern Russian language: morphology. Moscow: Moscow State Univ., 1952. 519 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. The Russian language: a grammatical teaching about the word. G. A. Zolotova (ed.). 4th ed. Moscow: Rus. Yaz., 2001. 720 p. (In Russ.)

C O N T E N T

HISTORY

- Badmaeva E.** National Autonomies of Southern Russia: Social Reflections of Peasant Population (1920–1930s) 4
- Sartikova E.** Development of Khosheutovskaya Party Organization in the 1920s 36
- Gunaev E.** The Administrative System of Kalmyk Autonomous Oblast (1920–1935): Acts of Constitutional Significance 50

ETHNOLOGY

- Lidzhiev A., Vankaeva E.** Animals in Superstitious Signs of Mongolic Peoples 67

SOURCES STUDIES

- Ryazhev A., Doleeva A., Topalova D. K. I.** Kostenkov about the Traditional Economic Structure in Kalmyk Steppe 81

ARCHAEOLOGY

- Ochir-Goryaeva M.** Age and Status of the Woman in Nomadic Society: an Ethno-Archaeological Insight 108

LITERATURE & FOLKLORE STUDIES

FOLKLORE STUDIES

- Khadzhieva T.** The Caucasian *Nartiad*: an Effort of Comparative Research 124
- Bicheev B.** A Recording of the *Jangar* Epic Songs (a Report by N. O. Ochirov) 143
- Govenko T.** Investigating the Mongolic Epics: Relevance and Importance of A. N. Veselovsky's Ideas (180th Anniversary of Birth of the Academician) 163

LITERATURE STUDIES

- Khaninova R.** Mikhail Khoninov's Lyrics of 1939–1941: Style and Language of the Era 182

LINGUISTICS

- Mukabenova Zh.** The Kalmyk Comparative Particle *–uŋ*: Structural and Grammatical Peculiarities of Use. Preliminary Results (a Case Study of the Kalmyk National Corpus) 196

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Выпуск 4

Главный редактор *В. В. Куканова*

Компьютерная верстка
и подготовка оригинал-макета *Д. В. Татнинов*

Дата выхода: 24.12.2018. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 13. Тираж 100 экз. Заказ 26-18.

Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр РАН»

358000, Российская Федерация, Республика Калмыкия,

г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: mongoloved@kigiran.com